

Николай Скиба

Егеръ
СИСТЕМНЫЙ ЗВЕРОЛОВ

Зверолов. Книга 1

Николай Скиба

**Егеръ. Системный
Зверолов. Книга 1**

«Автор»

2026

Скиба Н.

Егерь. Системный Зверолов. Книга 1 / Н. Скиба — «Автор»,
2026

Воздух пахнет хвоей, вокруг - июльская тайга. Я – егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац — выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках - красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес - он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	64
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	78
Глава 14	86
Глава 15	95
Глава 16	101
Глава 17	107
Глава 18	112
Глава 19	117
Глава 20	124
Глава 21	134
Глава 22	143
Глава 23	150
Глава 24	159
Глава 25	167
Глава 26	174
Глава 27	182
Глава 28	189
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Николай Скиба

Егерь. Системный Зверолов. Книга 1

Глава 1

Я шагал по сибирской тайге, а она в июле, скажу я вам...

Что ж, это не просто лес.

Это живой, дышащий зверь — мой зверь.

Воздух пахнет хвоей и смолой, а где-то вдали трещат кузнечики, заглушая редкие птичьи трели.

Я иду впереди, чувствуя, как подошвы сапог пружинят на мху, а ветки цепляются за старую куртку. Двое новичков, которых я веду на охоту, пыхтят сзади, как паровозы на последнем издыхании. Богатенькие, из тех, что платят за «экзотику», эмоции и добычу.

— Уже... всё... сказал тебе! — пропыхтел один из клиентов позади — тот, что потолще. С красным лицом и золотыми часами, поблескивающими на запястье. Как же его звали? Точно, Олег.

— А я тебе ещё раз говорю, не надо сейчас бабки выводить! Чё ты ведешь себя как трусливая баба? Ты никогда за бабло не отвечал и в эту тему не лез, чё начал-то? — с едва скрываемым презрением, почти истерично выпалил второй.

Знаете, есть такие люди, от взгляда которых хочется проверить, не украли ли твой кошелек. Вот этот явно из таких, и явно умнее своего дружка. Даже имя его запомнил, Павел, точно. Он держал ружьё, дорогушее, с гравировкой, но сжимал его так, будто боялся, что оружие само выстрелит. Глазки то и дело как-то хаотично бегали, останавливаясь то на мне, то на Олеге.

— Потому что не хрен сидеть на наших деньгах как Скрудж Макдак. Захотел и полез, мы равноценные партнёры! — огрызнулся первый.

— Эй! А ну замолкните, вы не на базаре тут, — рыкнул я, оборачиваясь. — В лес глубже зайдём, что делать будем?

— Ты свою работу делай, егерь, без тебя разберёмся, — противно процедил Павел.

Я глубоко вздохнул, сдерживаясь, чтобы не наделать глупостей, о которых потом могу пожалеть.

Ну удружил Витёк, сослуживец, твою мать! Позвонил же, умолял: «Проведи, люди хорошие, я у них в долгу». Ладно, Витька, так и быть.

— Сказал же, тихо себя ведите, сами за добычей пойдёте. Ясно нет? — я остановился и выжидающе посмотрел Павла.

— Да ладно-ладно, чё ты, — хмыкнул он в ответ.

— Пошли, — холодно сказал я и мотнул головой.

Уж навиделся таких.

Приезжают в своих модных куртках, с блестящими ружьями, а в глазах — ни черта не понимают, что такое лес. Мне-то без разницы, вот только топают как слоны, а потом ещё могут высказать тебе. Мол, проходимец ты, Иван Александрович, денег взял, а кабана не убили. И нет смысла объяснять, что сами виноваты.

Чего в лесу с такими «клиентами» только не бывает.

Я невольно улыбнулся, вспоминая забавный случай. Был один контуженый, друг его на охоту решил вывезти. Большая компания собралась, в охоте вроде разбирались, а меня наняли тропы лесные показывать.

И контуженый этот вечно твердил что-то про то, что за ним следят. Люди разные бывают, пока в лес не вошли — нормально с ним всё было. А чем глубже пробирались, тем хуже ста-

новилося. Паника, и в каждой тени противника видит. В итоге зацепился курткой за ветку и, с криком, «ЗАСААААДА», начал заваливаться, да шмальнул в воздух. Повезло, что не убил никого. И как только лицензию получил, ума не приложу. Хотя, чего это я, все прекрасно знают, как это делается.

Это сейчас смешно, а тогда не очень было. Половину гонорара им отдал и отказался, ходить с такими в лес — себе дороже.

— Блин, егерь, далеко ещё? — вновь пропыхтел Олег.

— Скоро, — буркнул я, не оборачиваясь. — Следы свежие, кабан близко. Только тише, а то спугнёте.

Я остановился, присев на корточки.

Следы на мягкой почве были чёткие: копыта вдавились глубоко, а рядом — лёгкий отпечаток когтей. Зверь крупный, килограммов на сто пятьдесят. Судя по глубине следов, он не спешил, но был настороже. Я провёл пальцем по краю отпечатка, ощущая влажность земли. Недавно прошёл дождь, значит, следы не старше пары часов. Лес вокруг был тихим, слишком тихим — ни птиц, ни шороха ветра.

Тайга затаилась, решила поиграть со мной? Утихла, как перед бурей.

Меня всему учил дед, папашки-то не было, а маму болезнь давно уж забрала, я тогда в классе втором был. И дед влюбил меня в тайгу, так уж вышло.

Чтобы стать Егерем — очень много вещей нужно знать и помнить. Да и характер нужен подходящий.

Ты должен и любить лес, и уметь читать его, как книгу: по сломанной ветке понять, где прошёл кабан, по едва примятому мху — куда ушёл лось, по запаху в воздухе — близко ли дождь. Дед учил всему, как только понял, что мне это действительно интересно.

Надо разбираться в повадках зверей, знать, когда заяц петляет от страха, когда волк метит тропу, чтоб тебя обойти, а где будет медвежья берлога. Ты должен предугадывать — не только движение зверя, но и капризы погоды. Потому что в тайге метель или гроза разрешения не спрашивают.

Чего мне было не занимать, так это терпения. Можно часами сидеть в засаде, не шевелясь, пока кости не зануют, но всё равно держаться.

Если новичок спугнул дичь или сломал снаряжение, ты не орёшь, а учишь, хоть внутри и может копиться раздражение.

— Это его следы? — шепнул Павел, его голос стал очень напряжённым.

— Да, — кивнул я, поднимаясь. — Идём, но тихо. Только хватит спорить про дела постоянно, мы же на охоте, а не в вашем офисе. Слышите, как ветки хрустят? Это вы, мужики, топаете постоянно.

— Ой, да ладно, не услышал твой кабан, — Олег хохотнул и с вызовом посмотрел на меня.

Не люблю я таких... Они платят, да, но вечно всё портят: то шумят, то лезут не туда, то начинают умничать, вот как сейчас. Бывают, конечно и хорошие клиенты, с которыми и поболтать можно, рассказать, что полезное, если им интересно. Но те, как правило, слушают и результат получают. Встречаются и такие, которые нанимают меня чисто как проводника, а охоту любят до дрожи и советы не терпят. Тогда я молчу в тряпочку и только на вопросы отвечаю, если зададут.

Так что тут, как и на любой другой работе — разные люди заходят. И моё отношение тоже разное. На некоторых рычать приходится, хоть у егеря и терпения в избытке. Но остро углы не срезаю, потому что деньги мне нужны, чего уж тут. На официальную зарплату не разгуляешься.

— Идём? — буркнул Олег и кивнул в глубину тайги.

Я повёл их дальше, вдоль узкой тропы, где мох сменялся каменистой почвой. Солнце пробивалось сквозь кроны, рисуя пятна света на земле.

Жарко, пот заливал глаза, рубашка липла к спине.

Я остановился и прислушался.

Где-то вдалеке хрустнула ветка. Не наша.

Поднял руку, давая знак замереть. Олег открыл было рот, но я цыкнул на него, и он заткнулся. Этот хруст был характерным, слишком тяжёлым для белки или лисы.

— Оно? — шепнул Павел, и в его голосе я уловил не только азарт, но и осторожность. Страх — это хорошо, значит умный мужик.

— Может быть, — ответил я, прищурившись. — Держите оружие наготове, но без моего сигнала не стрелять. Поняли?

Оба кивнули, хотя Олег выглядел неуверенно, будто ожидание не совпало с реальностью.

Я украдкой усмехнулся в свою бороду и двинулся вперёд. Держал ружьё низко, но палец на спусковом крючке. Следы кабана вели к зарослям орешника.

Вдохнул глубже, уловив слабый мускусный запах. Да, кабан близко.

Мы углубились в чащу, деревья тут стояли так плотно, что свет едва пробивался.

Шёл первым, раздвигая ветки и чувствовал, как колючки царапают руки.

Олег споткнулся, выругался шёпотом, а я лишь усмехнулся и покачал головой. Ничего другого от них и не ждал.

Я уже давно знал, что ветер дул в нашу сторону, слабо, но надёжно. Хорошо, не учует.

И тут увидел его.

Кабан стоял в прогалине, здоровенный, с клыками как кинжалы. Шерсть лоснилась, глаза настороженные. Я медленно поднял руку, сигнализируя остановиться.

Зрение у него слабое, на такой дистанции он вряд ли разберёт наши силуэты, если не дёргаться. Только вот Павел с Олегом за моей спиной дышали, как загнанные кони, и я шикнул, чтоб затихли.

Зверь вдруг вскинул голову, фыркнул, мотнув мордой. Что-то заметил. Но бежать не спешил, стоял, будто прикидывал, кто мы такие. Я замер и прищурился, держа ружьё наготове.

— Стреляйте, когда скажу, — шепнул, не сводя глаз с зверя. — Цельтесь в шею, ниже уха. И не дёргайтесь.

Чувствую, как пот стекает по виску. Сердце колотится, но мои руки твёрдые — дело привычное.

Кабан всё фыркает, копает землю копытом. Мощные клыки блестят в пятнах солнечного света, пробивающихся сквозь крону. Зверь чует что-то неладное, но пока не бежит. Я медленно поднимаю ружьё, целюсь в шею, ниже уха, как учил дед — одним точным выстрелом, чтобы не мучить.

— Нет ну я не могу! У меня внутри прямо всё горит, Пашка! Не верю я короче тебе про бабки! Лоха из меня делаешь! — вдруг зло прошипел Олег позади меня, явно забыв про то, где мы находимся. — Деньги с нашего общего счёта потратил, а теперь мажешься!

Я замер. Чёрт возьми, какого творят эти дебилы? Сказано же было — тихо!

Кабан насторожился ещё больше, его маленькие глазки-бусинки искали источник шума.

— Заткнись, придурок! — взвизгнул в ответ Павел, и в его голосе была такая ярость, что даже птицы замолкли. — Не знаешь ничего и базаришь! Согласился же, что я финансами заведу!

— Согласился на сделку, а не на то, чтобы ты полмиллиона в казино просрал! — голос Олега дрожал от бешенства. — Думал, я не узнаю? Мне Сашка из охраны твоей рассказал! Ты меня за лоха держишь?

Я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Полмиллиона? Казино? Да они что, совсем с катушек съехали? Я резко обернулся, забыв про кабана, и увидел лица двух мужиков

— красные от злости, искажённые яростью. Олег сжимал кулаки, а Павел держал ружьё, но направлял его не на зверя, а куда-то в сторону.

— Тихо! — зашипел я. — Вы что творите, идиоты? Зверь же...

— Да пошёл ты со своим зверем! — рявкнул Олег и толкнул меня в плечо. — Мы тут серьёзные дела обсуждаем. Партнёр мой тут решил поиграть в большого человека.

— Я не играл. — Павел побагровел. — Это была инвестиция. В новый проект. Но эти козлы кинули!

— Чёрт, всё-таки я был прав? Ну ты и... Какая инвестиция, debil? В рулетку инвестиция?! — Олег схватился за голову. — Да я тебя убью! Это были деньги на закрытие долгов! Ты понимаешь, что теперь будет?!

При упоминании долгов лицо Павла изменилось. Стало бледным, но тут же снова налилось злостью.

— Ничего не будет. Найдём деньги. Продадим склады, займём ещё!

— У кого займём? — Олег смеялся, но смех был истерический. — Ты уже всех должников обошёл! Да нас же... с потрохами сожрут, если не вернём к сроку!

Кабан фыркнул ещё громче и сделал шаг назад. Он готовился к бегству. Впрочем, кажется, моих «клиентов» это больше не волновало.

— Заткнитесь оба! — прошипел я. — А не то...

Павел резко повернулся ко мне, его глаза горели бешенством. Ружьё в его руках развернулось прямо на меня.

— А не то что? — процедил он сквозь зубы. — Сам заткнись, егеръ паршивый! Не с тобой разговор идет!

Холод прошёл по спине. Ствол смотрел прямо в грудь, палец Павла лежал на спусковом крючке. А вот моё ружьё опущено, точно не успею. Я быстро оценил расстояние — метра три, может чуть больше. Если рвануть в сторону, за дерево... Но он может выстрелить раньше. Если просто вскинуть ружьё и остаться на месте — шансов попасть в меня больше.

— Послушай, Пашка... остынь. — Олег нахмурился, смотря на него. — Ты чего творишь? Мы же...

— А знаешь, — вдруг холодно сказал Павел. — Уже всё равно.

В его голосе появилось что-то страшное. Он наставил ружьё на компаньона.

— Эй, ты чё? — Олег подался назад, скидывая руки. — Не дури!

БАХ!

Выстрел разорвал тишину тайги оглушительным громом. Эхо покатилося между могучими стволами сосен и елей, отражаясь от коры, а птицы поднялись с веток чёрной тучей.

Кабан где-то вдалеке от нас басовито взревел и рванул в чащу. Звук удаляющегося зверя смешивается с предсмертным хрипом Олега, а убийца наводит ружьё на меня.

В критический момент думать некогда — только реагировать. Адреналин бьёт в виски, время словно замедляется.

БАХ!

Выстрел Павла грохочет первым. Дробь свистит совсем рядом, сдирая кору с дерева. Если б не рванул в сторону — размазало бы по стволу.

Но я успеваю укрыться.

Не останавливаясь, на адреналине, скидываю ружьё на ходу. Мушка — прямо в центр грудной клетки.

БАХ!

Мой выстрел разносится эхом по тайге. Павел отлетает назад. Ружьё выпадает из рук, со звоном ударяется о камень, а он падает на спину в жёлтые опавшие листья, широко раскинув руки. На груди клетчатой рубашки мгновенно расплывается тёмное пятно.

Хорошо попал. Точно наглухо.

Сердце колотится как бешеное, в горле пересохло. Через адреналин пробиваются странные ощущения. В боку словно раскалённое железо воткнули.

Опираюсь о дерево. Ноги слабеют, в глазах темнеет. Вот же чёрт! Неужто задел?

Дыхание даётся с трудом, каждый вдох отдаёт мучительной болью. Рубашка быстро намочает от крови — слишком быстро.

Точно задел, зараза!

Тишина давит на уши. Только ветер шелестит в кронах.

Нужно выжить. До просёлочной дороги отсюда три километра через болотистую низину — в нормальном состоянии прошёл бы за полчаса неспешным шагом, но сейчас...

Всё равно нельзя сидеть на месте, надо действовать. Делаю шаг — и у меня подкашиваются колени. Земля под ногами становится ватной, неустойчивой. Падаю на четвереньки, пытаюсь встать — руки подводят, растягиваюсь на земле.

Вот же...

Кажись, это конец. Не так я его себе представлял, не так.

И самое поганое, что убили меня не волки, не медведь, не холод и не стихия, а обычные люди... да «просьба» друга. Да уж, удружил Витек, ничего не скажешь, удружил. Впрочем, какая уже разница...

Тайга забирает меня. Медленно, неспешно, как и положено настоящей хозяйке этих мест. Она просто берёт своё. В ноздри ударяет запах прелых листьев, мокрой земли и грибной сырости. Последнее, что слышу — это монотонный шорох листвы на ветру да далёкий размеренный стук дятла, который всё долбит свою сосну.

Тайга никогда не осуждает, никого не жалеет. И в этом есть её истинная ценность и честность. Только лес не врёт и не предаёт. Он просто есть, со своими законами. Жёсткими, но справедливыми.

Да уж, не зря говаривал дед: «Доверяй лесу, а не людям». Лес врать не умеет.

И меня накрывает тишина — глубокая как сама тайга.

Тепло. Мягкое, обволакивающее, как воспоминание о лете в детстве, когда мать гладила меня по голове после долгого дня на сенокосе.

Я почувствовал прикосновение — шершавая, но тёплая ладонь легла мне на лоб. Кожа была грубой, с мозолями, какие бывают у тех, кто годами таскает тяпки и роет землю. Но в этом прикосновении было что-то родное, давно забытое. Тепло разлилось по груди, и я, чёрт возьми, чуть не улыбнулся. Сколько лет прошло с тех пор, как кто-то касался меня так? С такой заботой. Я попытался открыть глаза, но веки были тяжёлыми, как камни.

Ощущения странные, будто испытываю чьи-то чужие эмоции.

— Макс, сыночек, очнись, — женский голос, усталый, но полный надежды.

Макс? Какой, к чёрту, сыночек?

И тут же в голове будто молния ударила. Я — Иван Александрович, егерь, пятьдесят два года, тайга, выстрел...

Вот ведь урод этот Павел...

Попытался вдохнуть, но грудь сдавило. Сердце заколотилось, шок на миг накрыл с головой как волна. Это не мой дом, не моя тайга. Где я, чёрт возьми?

Я заставил себя открыть глаза. Свет был тусклым, лился из маленького окна, завешенного выцветавшей тряпкой.

Надо мной склонилась женщина. Её лицо... оно было красивым, но усталость оставила свои следы. Глубокие морщины у глаз, волосы, убранные в простой пучок. Она была моложе меня, но жизнь, видать, высосала из неё всё, что могла. Я смотрел на неё, и в груди что-то сжалось от какого-то смутного чувства, будто я должен её знать.

— Макс, ты очнулся! — она схватила меня за руку, её пальцы дрожали. — Слава богу!

Так, почему я вообще лежу в койке средь бела дня? Солнце так и палит в окно. Непорядок.

Попытался сесть, но тело не слушалось. Руки оказались тонкими, чужими, кожа гладенькая, без шрамов, которые я наживал годами в тайге. Посмотрел на свои ладони — мальчишеские, даже без мозолей.

Да это же просто...

Это не моё тело!

А ещё от локтя до кистей нанесены какие-то странные, еле заметные красные татуировки. Вот только блеклые, их едва ли видно — будто бы ещё пара дней и пропадут.

— Пей, — женщина сунула мне глиняную кружку с чем-то, что пахло травами и болотом. Я поднёс её к губам, сделал глоток и скривился. Горькое, как полынь, только туда будто ещё сырой земли набросали. — Пей, Макс, Ирма была права, эта настойка помогает от твоей хвори!

Я всё ещё не мог осознать происходящее, мысли вихрем кружились в голове, поэтому выпил. Чувствовал, как жидкость обжигает горло.

Хворь? Какая хворь? Я же был в тайге, вёл этих двоих на охоту, а потом...

Чёрт, я умер, да? Или это какой-то бредовый сон?

Я поставил кружку на шаткий деревянный столик рядом с кроватью, чувствуя, как горький привкус всё ещё жжёт язык — слишком уж всё реально. Женщина смотрит на меня с такой надеждой, что мне стало не по себе. И всё-таки это мать этого Макса?

Вот только я не её сын — ведь даже старше этой женщины. Но эти глаза, полные тревоги и любви, будто вцепились в меня, требуя ответа.

Надо что-то сказать... Просто чтобы она ушла и дала мне время понять, что происходит. Обращаться к ней как к матери? Где-то внутри ощущается искренняя любовь к этой женщине, видимо, это отголоски эмоций мальчишки. Это не мои эмоции — его.

— Всё... всё в порядке, — еле выдавил, и голос мой чужой, высокий и мальчишеский. Я привык к своему хриплому басу, а тут — писк какой-то.

М-дааа, приплыли вы, Иван Александрович.

Не хотелось верить, что всё это реально — меня вполне устраивала моя жизнь егеря. Но если так подумать, то ведь в той реальности я, получается, мёртв?

Но может же быть рациональное объяснение? Например, лежу сейчас в палате под аппаратами после огнестрела, и всё это просто бредовая лихорадочная кома?

Меня захлестнуло волной. Нет, так мыслить — себе дороже, это путь в никуда. Если на мгновение предположить, что я действительно в другом теле, то... Где я всё же оказался?

Женщина вдруг улыбнулась, но улыбка была усталой, как будто держалась на одной силе воли.

— Ты напугал меня, Макс. Почти сутки лежал, не шевелился. Я думала... — она осеклась, прижала ладонь ко рту, будто боялась, что сейчас озвучит самое страшное — и это непременно произойдёт.

Я смотрел на неё, пытаюсь сложить кусочки пазла. Неужели этот малец Макс так серьёзно слёг, что не вставал?

Надеюсь, ходить-то в состоянии? Попытался встать, но ноги едва шевелились, будто сделаны из ваты. Тело — слабое, лёгкое, не моё! Мышцы ноют, как после долгого дня с топором, но это была не та усталость, к которой я привык. Это была чужая, мальчишеская слабость! Ладно хоть ноги шевелятся.

А что, если этот пацан сгинул, а я занял его место? Какого лешего тут творится?

На задворках памяти вспомнил одного из охотников, который зачитывался чем-то подобным, все уши прожужжал про книги, где происходит что-то похожее. Блин, даже если так, то почему в этом слабом теле?

Я был егерем, знал лес, знал, как выжить, а теперь — что? Лежать и пить горькие травяные отвары?

— Лежи, Макс, не вставай, пей лекарство. Я скоро вернусь, — сказал мать парня, будто издеваясь надо мной.

Она твёрдо надавила мне на плечи, укладывая обратно на кровать, и пошла к выходу из комнаты.

Я смотрел ей вслед, и вдруг в голове будто плотину прорвало. Чужие воспоминания хлынули в мой разум, отчего я невольно сжал кулаки.

Макс, лет пятнадцати, крадётся через лес, сжимая верёвку и самодельный капкан. Его глаза горят — он идёт за Звёздным Волком. Шерсть этого зверя искрит в темноте, парень знает об этом, поэтому идёт ночью. В отличие от Земных волков, эта тварь не бросалась в атаку, а убегала прочь. Не из трусости — она чуяла, что её хотят поймать. Невероятно! И лишь после долгой работы приручителя зверь менялся в угоду будущего хозяина.

Если поймать такую ценную добычу, мать перестанет плакать. Она точно улыбнётся и будет гордиться им — он займёт место мужчины в семье. Ведь отец уже четыре года как погиб.

Такой боевой питомец как Звёздный Волк стоит приличных денег — хватит, чтобы безбедно пожить несколько месяцев. Макс надеется, что его силы Зверолова хватит. Да, придётся укротить волка, ухаживать, эволюционировать, но он справится. И плевать, что обряд ещё не прошёл.

Хорошая мысль, парень, хорошее стремление, но куда ты лезешь?! Отчаянный шаг отчаявшегося человека! Ты ещё и шумишь, как носорог, по сторонам не смотришь, каждый шаг — ошибка!

Но парень не нашёл зверя, зато почувствовал сильный укус какого-то насекомого, которого даже не увидел после того укола в лодыжку.

Сложно понять, какая конкретно тварь могла укусить парнишку — знаний Макса мне не хватало. Но результат себя ждать не заставил.

Он вернулся из леса с пустыми руками и жаром, что сжигал его изнутри. Два года Макс болел, угасая в постели, пока мать выбивалась из сил, чтобы его спасти. Последние два дня он и вовсе не вставал. Деревня шепталась: «Хворь принёс», «Проклят», «Обречён».

Чёрт возьми, Макс, ты был храбрым. Самонадеянным — да, неопытным — разумеется, но храбрым. Сильно ты отчаялся, чувствую твои эмоции — я ведь теперь в твоём тощем теле, под одной крышей с твоей мамой. Которую теперь придётся считать своей? Ох и свалил ты на меня работёнки...

Я вдохнул глубже, пытаюсь успокоиться и оценить обстановку.

Запах дома знакомый, но чужой. Дерево, сырость, травы — всё это напоминало мою избу в тайге, но здесь оно как-то беднее, запущеннее. Половицы скрипели, в углу виднелась новая паутина, а на потолке — тёмное пятно от протекающей крыши. Мой взгляд, привыкший подмечать детали, сразу зацепился за это.

Мысли сами полезли в голову. Крышу латать надо, и половицы подправить, а то провалятся. И что за хлам в углу? Это ж дрова, а не мусор, сложить бы нормально. Не успевают одна женщина всё тянуть.

Я осмотрел комнату. Стены из потемневшего дерева местами потрескались. Стол, заваленный какими-то тряпками и глиняными горшками. Полка с сушёными травами, от которых шёл резкий запах. Окно маленькое, мутное, с трещиной в углу. Хозяйство запущенное, но не безнадежное.

Прислушавшись к своим ощущениям, с облегчением выдохнул. Нет, всё же я не инвалид, тело Макса просто слабовато. Так что я уже вовсю пытался встать с кровати, когда услышал стук в дверь.

Мать вздрогнула, вытерла руки о передник и поспешила к выходу — видел её в дверной проём. Напрягся, пытаясь снова встать. Ноги дрожали, но я не сдался. Опёрся на край кровати, ладони заскользили по шершавому дереву. Стук повторился, громче.

— Ольга, ну как там Макс? Живой ещё? Открывай давай, травы принесла! — старческий, скрипучий голос с ноткой ехидства. Память парнишки подсказала имя — Ирма, бабушка, мама почившего отца. Местная почитаемая травница.

— Типун тебе на язык, старая, — зло ответила мать, и я услышал, как она открывает дверь. — Как так можно?

— Да ладно, не тарахти, — голос стал мягче. — Держи травы давай!

Я добрался до дверного проёма, цепляясь за стену. Тело слушалось плохо, но заставил себя двигаться. В комнате стояла старуха — худая, сгорбленная, с лицом, похожим на сушёное яблоко. В рот ей палец не клади, все в деревне это знали, так что предпочитали не связываться. Если Макс она и любила, то выражала это крайне своеобразно и тщательно скрывала.

Мотнул головой, сбрасывая мутную плёнку, окутавшую мысли. Нет, нужно что-то менять. Если буду всегда думать про себя и этого парня отдельно, так и свихнуться недолго.

Маленькие и цепкие Глаза Ирмы сразу нашли меня. Мать обернулась, и корзина выпала из её рук, трава рассыпалась по полу. Она прикрыла рот ладонями, её глаза расширились.

— Макс! — выдохнула она. — Ты... ты встал!

Бабка Ирма замерла, потом вдруг взвизгнула так, что я чуть не подпрыгнул:

— КАК ТЫ ВСТАЛ? Ольга, ты посмотри! Вырву язык этому Гришке и всем его боевым питомцам за то, что не верил!

Я замер, чувствуя, как мои руки будто облили бензином и подожгли. Это что ещё за чертовщина?

Открыл было рот, но тут в голове будто что-то щёлкнуло.

Посмотрел вниз, и прямо на глазах кожа начала покрываться узорами. Тонкие линии, похожие на переплетённые ветви, закручивались вокруг запястий, будто живые. Они пульсировали, словно в них текла какая-то сила, живая, как пламя. Узоры походили на ровные полосы, как начало стрелок, которые извивались ближе к запястьям, больше походя на змей. Я почувствовал их тепло, их силу. Мои татуировки, ещё минуту назад блеклые, будто воспылали мощностью.

Перед глазами вспыхнули слова, чёткие, как вырезанные на сетчатке:

Звериный кодекс активирован.

Уровень 1.

Для доступа к информации и интерфейсу — поймите питомца.

Получена особенность: Экспериментальная эволюция.

Хотел что-то сказать, но слабость накрыла, как волна.

Ноги подкосились, и я рухнул на пол, только и услышал, как бабка Ирма хмыкнула. Мир поплыл, но голос старухи пробился сквозь туман:

— Ольга, что-то я не поняла, — она шагнула ближе, шурясь. — Рвать теперь Гришке язык или нет? Он что, издох?

Мать подскочила ко мне, подхватила под подмышки и, сквозь слёзы, воскликнула:

— Посмотри, старая! Да у него же пробудились знаки Зверо́лова! Как это возможно, ему восемнадцать только через месяц?! Сынок, держись! Сейчас, сейчас...

Я пришёл в себя, чувствуя, как меня кладут в кровать. Сколько прошло, пара минут?

— Теперь питомца поймает, хоть будет что пожрать вам! — всё скрипела Ирма.

— Нет! Слышишь меня, Ирма? Я сказала — нет! Твой сын сгинул, хочешь и внуку такую же судьбу? — зло прошептала Ольга.

— Я не собираюсь вас постоянно содержать! — громко рявкнула Ирма. — Макс у явного лучше будет! Какую судьбу ты ему готовишь? Будет камни в речку кидать?

— Не знаю, со мной на полях будет работать. Может к кузнецу в подмастерье отдам, если на ноги встанет.

Они вышли в соседнюю комнату, не переставая спорить.

Ладно... Я стиснул зубы.

Если я здесь, если это реально, то разберусь. Всегда разбирался. Не можешь бежать — ползи, но не сдавайся.

Вспомнил деда, как он учил меня ставить силки, читать следы, слушать лес. Помню дед, помню. Лес везде одинаковый. Ну нет! Если уж мне чем тут и заниматься, то только питомцами — в этом моя жизнь. И это действительно будоражило моё сознание.

Что за дивный мир!

Глава 2

Три дня.

Три проклятых дня я валялся в этой комнате, как подстреленный заяц, которого добить забыли, но постоянно приводил тело в рабочее состояние теми видами тренировок, на которые был способен. Этого времени хватило, чтобы осознать произошедшее до конца.

Я заставил себя сесть, игнорируя боль в мышцах, и посмотрел на свои руки, на эти странные татуировки.

Звериный кодекс значит? Настоящий лесник легко адаптируется под ситуацию, оставляя удивление на второй план. Как же тот охотник называл эти надписи перед глазами?

Точно! Система! Вот только больше я никаких уведомлений не видел, но чётко помнил установку — поймать первого питомца. Придётся подстраиваться и учиться, и если есть шанс получить знания через эту «систему», то так тому и быть.

А знания про этих зверей, судя по блеклым и бесполезным воспоминаниям Макса, очень нужны.

Волки с горящими глазами, хорьки, что могут лицо в мясо искромсать, птицы, перья которых светятся, как звёзды.

— Боевые и «полезные», — прошептал я, пытаюсь уложить в голове этот чужой мир.

Боевые звери — главная ценность, машины для войны и защиты. Появилось понятие «дуэли» — битвы питомцев для разрешения конфликтов или споров между людьми. А следом за этим и ставки. Из головы Макса уяснил, что королевства порой даже проводят турниры с огромным призом.

И полезные питомцы — для ремёсел, вроде плетения тканей или добычи редких трав. Но и среди них попадаются бриллианты, способные перевернуть жизнь хозяина. Как куры, несущие яйца с искрами, из которых варят реагенты. Крайне редкий вид эволюции существа. Поговаривают, что один из Звероловов короля открыл тайное знание и обогатился на этом.

Я выглянул в окно, надеясь разглядеть небо, но увидел лишь наш старый, покосившийся забор, который требовал срочного ремонта. Чёрт, а так хотелось посмотреть на этот Раскол. Это что-то невероятное!

После события, названного «Раскол Небес», лес уже не тот. Звери изменились. Они стали сильнее, умнее, опаснее, напитались магией, что пришла в этот мир сотни лет назад.

Раскол — катастрофа, перевернувшая всё. Люди перестали быть верхушкой пищевой цепи. Магические агрессивные твари вытеснили человечество на задворки, в жалкие деревни и города, окружённые стенами.

А ещё появились новые виды существ, о которых тяжело было даже помыслить. Макс даже слышал, как взрослые судачат о драконах, что спят в глубинах хребта, который назвали «Хребет Раскола».

Но эта невероятная аномалия дала людям шанс. Шанс выжить. На их руках теперь татуировки — метки, дарованные неведомой силой. С ними местные научились подчинять зверей, превращать в питомцев. Стали Звероловами.

Татуировки почти у всех людей одинаковые — зелёный знак силы на руках, позволяющий создавать связь с уже прирученным зверем. Этих людей называют Мастерами. Вот только провести обряд и стать таким Мастером может позволить себе только элита. Реагенты и зелья для подобного пробуждения силы стоили баснословных денег.

И лишь немногие «избранные» отличаются. Я горько усмехнулся, ведь таким «избранным» и оказался.

Мои татуировки — красные. И, в отличие от Мастеров, такие получали с рождения, из поколения в поколение. Приручители появились с приходом Раскола, и это невозможно купить

ни за какие деньги. Вот только сила пробуждается после совершеннолетия, при прохождении обряда. Но не в моём случае...

Звероловы могут обуздать дикого зверя и продать его. Немногие хотели себе такой участи, они гибли как мухи, что неудивительно. Их становилось всё меньше, и в какой-то момент настолько, что короли забили тревогу. Они запретили ходить в самые опасные зоны лесов — только избранные могли. И со временем приручители стали аккуратнее, вылазки — безопаснее, а пойманные питомцы — слабее. Потому что туда, ближе к Расколу, ходить почти перестали.

Неудивительно, дело-то — крайне опасное! В памяти Макса всплывали рассказы местных о том, как Звероловы возвращались без рук или не возвращались вовсе. Те, кто лез за редкими зверями в глубину леса, часто платили жизнью.

Отец Макса как раз был одним из таких Звероловов. Его татуировки — такие же, как теперь у меня, — горели на коже, когда он укрощал зверей. Макс мечтал стать как он. Но отца постигла незавидная участь — Медведь Алой Кости разорвал его насмерть, так им и сказали. Зверя не должно было быть там, необычное поведение для питомца такого уровня — подойти так близко к деревне.

Макс долго терпел и смотрел, как мать надрывается на полях после смерти отца, как прячет слёзы, думая, что сын спит. И решился: поймать Звёздного Волка — дело, с которым справляются все уважающие себя Звероловы. По крайней мере так староста говорит. Вот и пошёл, дурная голова, а результат себя ждать не заставил...

Я отхлебнул горький отвар, ставший уже привычным. Кто знает, что за травы растут в этих лесах? Может, пойло старухи Ирмы и правда помогает? Тело-то оживает! Опять взялся за тренировку — сгибал и разгибал стопы, напрягая голени, и подтягивал колени к груди. Прогресс налицо.

Мысли вновь завертелись вокруг леса. Несмотря на опасность, очень тянуло увидеть воочию то, что парнишка только слышал. Не бездумно, с грамотным и взвешенным подходом, конечно. Но болезнь Макса словно сорванной плотиной размыла все воспоминания — даже события в лесу превратились в сплошную дыру.

Так что всё придётся делать самому.

А ведь в лесах остались и обычные звери! Магические их почему-то не истребляют на корню, сохраняя популяцию, и никто не знает почему. Загадка, которую очень хочется решить!

Я невольно улыбнулся, осознавая, что мне это подходит. Да этот мир как тайга и есть — каждый шаг тут может стать последним.

Сразу вспомнил, как однажды загнал лося, просто зная, где он пьёт. Но тут всё сложнее, поведение этих зверей почти никто не изучал! Пытались, конечно, но настоящие охотники этого мира, которые жили до Раскола, почти все сгинули. Знания местных о дальних лесах стало примитивным, скорее интуитивным. А как иначе, если в лесу теперь ЧЕРЕСЧУР опасно? Хоть бабка Ирма и собирала травы на опушке леса — в безопасной зоне, а дальше ходила крайне редко и только в исключительных случаях. Слишком рискованно, всегда приходится платить отряду воинов за сопровождение. Так она нам и помогала — новые травы, появившиеся после Раскола, теперь имели огромную ценность.

Деревня, где я теперь, — на отшибе, в глуши одного из королевств. Места богатые, чтобы ловить питомцев, да продавать, отец этим и промышлял, пока не пойми откуда медведь не оказался. А в деревне из приручителей — только Григорий, да сам староста и остались — слишком редкая профессия.

Я вздохнул, услышав суету в соседней комнате.

Мама ухаживала за мной, будто я был стеклянным, готовым разбиться от малейшего толчка, но ещё как-то умудрялась работать.

Уходила с утра, едва солнце вставало над горизонтом, и возвращалась поздно. Её руки были красными от земли, с въевшейся грязью под ногтями. Она работала в полях, где люди всегда нужны. Таскала тяпки, собирала урожай, а я лежал здесь, в этом теле, которое понемногу приходило в порядок.

И это бесило! Никогда так долго не лежал без дела, так что эти дни массировал мышцы и делал хоть какие-то тренировки, чтобы твёрдо стоять на ногах. Хворь, если она вообще была, отступила — чувствовал себя всё лучше. Я привык быть сам по себе, полагаться на свои руки, на свой ум. А тут — эта слабость.

Бабка Ирма пришла один раз, принесла свои отвары, от которых во рту оставался вкус болота, смешанного с горечью полыни. Я пил их, морщась, но молчал. А что сказать? Что со мной всё в порядке? Посмотрит, как на сумасшедшего, и так вон взгляд у неё какой-то... Шальной.

Так что спорить с Ирмой бесполезно. Её внимательные глаза смотрели на меня с такой пронзительностью и подозрением, что я невольно чувствовал себя виноватым. На миг даже показалось, будто она всё знает. Да нет, откуда бы? Бред.

Так что пил её отвары, страдая от их вкуса.

Стыдно признаться, но разок накатила грусть. Вставать ещё не мог, смотрел на пятно от протечки на потолке, и почувствовал себя не в своей тарелке. Лежу, как щенок, пока мать пашет, а деревня шепчется за спиной.

Но потом случилось кое-что, что заставило заниматься тренировками ещё усерднее.

На второй день мама вернулась в слезах. Она думала, что я сплю, но я лежал с закрытыми глазами, слушая, как она сидит у стола, закрыв лицо руками.

Её плечи дрожали, и я слышал, как слёзы капают на деревянный пол. Хотелось встать, спросить, что случилось, но почему-то не стал.

А сегодня пришёл Стёпка — друг Макса, и это было очень неожиданно, давно парень не появлялся.

Я услышал его шаги ещё до стука — быстрые, торопливые, будто он бежал через всю деревню. Мать только ушла, и я лежал, глядя в потолок, где пятно от протечки уже расплзлось, как тень какого-то чудовища.

Парень не соизволил постучать, распахнул дверь и влетел как ураган.

— Макс! — Стёпа ворвался в комнату.

Парень был моего возраста — ну как моего, возраста этого тела. Лет семнадцати, худой, с развитой мускулатурой и глазами, блестящими от возбуждения.

Его рубашка была мятой, а на щеке — пятно сажи, будто он копался в угольной куче. Макс неплохо с ним общался, они вместе ходили на речку, купались, дрались с другими деревенскими пацанами, когда было надо.

А потом, когда деревня зашептала, Стёпка приходил всё реже. Вечно находились какие-то дела, пока, наконец, Макс не слёг. Вот тогда Стёпка пришёл ещё пару раз и совсем пропал. Но можно ли его винить, учитывая, что говорят в деревне про болезнь? Конечно, никакой заразы на мне не было.

Я вообще сделал вывод, что Макс получил укус какого-то видоизменённого паука, яд которого медленно убивал его. Но уровень суеверия в деревне оказался катастрофических масштабов.

— Ты встал! Говорят, ты встал! И знаки приручителя проявились полностью до совершеннолетия! Это правда? — Стёпа схватил меня за руки. — ЭТО ПРАВДА! Обалдеть! Без обряда!

Я взглянул на свои руки. Татуировки всё ещё горели на коже — красные, с извивающимися узорами, похожими на змей. Пульсирующие, будто живые. Затем перевёл взгляд на руки

Стёпы — никаких знаков, что неудивительно. Парнишка был простым сыном травника и обряде мог только мечтать.

Вот и вся разница.

А интересно получается.

Пробуждаешь зелёные татуировки — умеешь только управлять питомцем и получаешь звание Мастера.

А вот рождённый с красными умеет ещё и отлавливать, ухаживать за зверьём и заставлять его эволюционировать.

— Правда, — буркнул я, садясь на кровати. — Только ... ничего не помню. Болезнь отступила, но память как в тумане, понимаешь?

Удобно это, ничего не помнить. Можно спросить что угодно, и никто не удивится. Память Макса оказалась достаточно скудной в плане питомцев, лишь какие-то обрывки собственных убеждений. Так что, если не знаю, как тут всё работает, то лучше притвориться, что память шалит. Про обряд знал лишь то, что его проводят, когда человеку исполняется восемнадцать, и это кардинально меняет жизнь каждого.

Стёпа плюхнулся на табурет, стоявший у стены, и чуть не опрокинул глиняный горшок с травами.

— Ничего не помнишь? Серьёзно? Да ладно, освежим, что нужно! Слушай, — он вдруг замаялся и посмотрел в пол. — Ты извини, что редко забегал последнее время, сам понимаешь, мамка не отпускала уже когда ты слёг. Боялась, что заражусь. Но теперь Ирма всем растрепала, что ты на ноги встал и скоро заходишь! Так я маму быстро уговорил, а вот староста там чуть с ума не сошёл.

— Чего это? — я нахмурился.

— Чёрт его знает, всё говорит, что ему нужно лично убедиться, что ты безопасен для деревни. Говорит, ненормально это, что татуировки приручителя до совершеннолетия в полную силу вступили, да без снадобий!

— Ага, — я рассеянно кивнул и вновь посмотрел на свои руки. — Слушай, Стёп, расскажи уже что за обряд-то?

— Да ты что? И вправду с памятью так туго? Я-то откуда знаю, мне о таком только мечтать. Сам знаешь, какие деньги нужно заплатить, а просто так не скажут ни за что. Да и ещё, тут это... — он вдруг замолчал, его лицо потемнело.

— Что? — спросил я, чувствуя неладное.

Стёпа почесал затылок, глядя в пол, будто там была подсказка.

— В деревне молва всякая ходит, Макс. Староста... он твоей маме вчера сказал, чтобы ты по деревне не шастал. Я мимо проходил, случайно услышал. «Люди боятся, дорогая Ольга, сама понимаешь», — Стёпа спародировал хриплый старческий голос. — Странная болезнь была, мол ты чуть не помер. Вот и думают, что заразный.

— А ты? — спросил я, поджав губы.

— Да нет, ты что, ха-ха! — Стёпка замахал руками. — Бред это всё! Но лучше бы старосте не знать, что к тебе хожу.

Я стиснул зубы. Так вот почему она плакала той ночью.

Мама Макса... Чёрт, она же заботится обо мне, как о родном, что неудивительно. Просто это чувство я давно забыл — привык быть один, полагаться только на себя и заботиться только о себе. Но здесь, глядя на её усталое лицо, на руки, потрескавшиеся от работы, чувствовал, что должен что-то сделать. Она пашет с утра до ночи, чтобы прокормить нас, а деревня шарахается от её сына, как от чумного.

Я должен ей помочь. Сам удивился, насколько приятным показалось это решение, которое наконец-то полностью сформировалось.

— Староста что-то ещё сказал? — спросил, стараясь держать голос ровным, хотя внутри чувствовал себя неудобно.

Стёпа вздохнул, теребя край рубахи.

— Сказал, что в деревне только он, да Григорий истинные приручители, и они справляются. А ты... ну, еле ходишь. Мол, не до того тебе сейчас, выздоравливать надо. Деревня и так на пределе, звери дикие шалят, реагенты нужны. В общем, ты не у дел, нет времени тобой заниматься.

Я мысленно усмехнулся. Не у дел? Это вряд ли. Значит, звери? Пусть они тут магические, но зверь — он везде зверь. Если одна уловка не сработает, сработает другая. Найду подход, я был егерем, чёт возьми!

Знаю, как читать следы, как слушать лес, как заманить добычу. Да, зверь умён, но ты всегда должен быть хитрее. Думай, соображай и он твой. Этот мир другой, спору нет, но законы природы не отличаются кардинально — память Макса дала мне достаточно, чтобы это понять.

— Сам разберусь, — сказал я, глядя на Стёпу. — Ведь ловить зверей мне никто запретить не может, так?

Он хлопнул глазами.

— Серьёзно? Ты же... ну, хворь, Макс. Ты еле встал. Да и вряд ли старик Ефим обрадуется.

— Старосте-то что? Ладно, неважно. Выйдем во двор, — оборвал я его. — Осточертело в четырёх стенах торчать. Ноги уже почти в норме, помоги встать.

Стёпа замялся, теребя волосы на голове.

— Твоя мать меня убьёт.

— Не убьёт, — я постарался улыбнуться, но вышло криво. — Давай, Стёп, помоги! Надо двигаться, а то сгнию тут.

Он вздохнул, но всё же подставил плечо. Я встал, чувствуя, как ноги уже почти не дрожат как вчера, но мышцы чуть ноют от слабости. Ничего, завтра уже буду работать и тренироваться на полную.

На самом деле я уже полностью ощущал это тело — слабость стремительно отступала, будто принял волшебную пилюлю. Быстро себя на ноги поставлю, но на этом останавливаться точно нельзя. Нужно вырвать семью из нищеты, а чтобы это сделать — работать на полную, к чему не привыкать!

— А ну подожди, — нахмурился я и отцепился от плеча Стёпы, оставаясь на своих двоих.

— Ого! — воскликнул он. — А мне говорили, ты не ходячий.

Я аккуратно поднял сначала левую ногу и согнул в колене, затем вторую.

— Слушай, да и сам справлюсь, — улыбнулся такому скромному, казалось бы, успеху.

Мой дед вообще заставлял меня таскать брёвна, чтобы «косточки окрепли». Тогда я злился, ворчал, что он меня гоняет. Теперь был благодарен. То упорство, которое он привил, точно пригодится. Да и многие навыки. Я знал, как чинить, как строить, как выживать.

Мы вышли во двор, и я вдохнул свежий воздух. Он был тёплым, пах травой и рекой.

Я впервые оказался на улице, и передо мной открылось семейное хозяйство. Невольно присвистнул.

Двор был большим, но запущенным. Огород тянулся к маленькой илистой речушке, что текла через участок. На грядках росла картошка и капуста, но маловато как-то, да и заросло всё. Видно, мама не успевала.

Ей бы помощь, валяюсь тут, как барин. Надо браться за дело. Огород прополоть, грядки подправить. Картошка ещё может дать хороший урожай, если взяться за ум. Давненько я таким не занимался, но тяжело забыть навыки, которые получил в деревне, когда прожил там до двадцати трёх.

Рядом с огородом стоял покосившийся сарай с дырявой крышей. Доски местами прогнили, а дверь висела на одной петле, скрипя, как старуха Ирма. Можно дрова хранить, если починить.

Чуть дальше виднелась кузня — маленькая, с закопчёнными стенами и ржавым горном. Вот тут навыков мне не хватит, но научиться всегда можно. Рядом с кузней — мастерская, низкая постройка из брёвен, с кучей ржавых инструментов у входа.

— Ну и развал, — невольно вырвалось у меня.

— Так отца твоего сколько уже нет... — неуверенно начал Стёпа. — Ты болел, мать работала. Прохудилось ваше хозяйство Звероловов.

Я молча кивнул Стёпе, чтобы вёл меня в мастерскую. Он посмотрел на меня с сомнением, но не спорил.

Здесь было пыльно, пахло старым деревом, ржавым металлом и чем-то кислым, как будто кто-то разлил уксус сто лет назад. На верстаке лежали ржавый серп, молоток без ручки, пара гвоздей и моток верёвки. Я провёл пальцем по верстаку, чувствуя шершавую поверхность, покрытую пылью и стружкой.

Работать можно. Инструменты подправить, верстак вычистить. В тайге из палки и верёвки можно силки делать, а тут целый сарай добра. Капканы какие сделать, те же силки, ловушки. Может не сразу, но перспектива есть.

Я взял серп, повертел его в руках. Лезвие было тупым, но точильный камень в углу мастерской выглядел рабочим. Уже представлял, как начну приводить всё в порядок.

Мама парня не должна пахать одна, нужно сделать так, чтобы она вообще не работала. Неблагодарный это труд, в поле.

Она теперь моя родня. Этот дом — мой, этот мир — тоже мой.

— Макс, ты чего задумался? — Стёпа ткнул меня в бок, и я чуть не выронил серп.

Я очнулся и поднял взгляд.

И тут увидел...

Это!

В куске неба, далеко, где облака сливались с горизонтом, зияла трещина. Будто кто-то разорвал это небо, как старую тряпку. словно разрез зазубренным клинком! Тёмный, с рваными краями, а под ним, на земле, проглядывал хребет. «Чёрный Раскол».

Я не сдержался, ткнул пальцем вверх:

— Это что?! Раскол?

Стёпа проследил за моим взглядом и кивнул мрачно.

— Ага. Раскол. Лихо ты памяти лишился. Оттуда магия и лезет. И... всякие твари. Говорят, там аномальные зоны, чего там только не добывают. Но туда только сильные приручители ходят с кучей охраны, их по пальцам пересчитать. Из столицы королевства. Лучшие-то королю служат. А у нас только староста и Григорий.

— И я.

Стёпа нахмурился и открыл было рот, но сзади раздался голос — мягкий и тягучий как мёд:

— Ну и ну, Максим, дорогой мой, ты и впрямь на ногах!

Я обернулся. У ворот стоял староста Ефим — худой, чуть согбенный, опирающийся на трость с резной рукоятью. На руках виднелись татуировки — красные, с узорами, один в один как у меня, и горели они ярко, будто напитаемые силой. Мои, красные, пылали чуть слабее, и я заметил, как его взгляд на миг замер на них, а уголок рта дёрнулся, словно от укола.

— Ирма, знаешь ли, сообщила, что ты... ожил, — продолжил он, медленно шагая к нам. Трость постукивала по земле, а старик улыбался, но улыбка чересчур уж широкая, как натянутая на лицо маска. — Говорит встал, да ещё и с такими... необычными знаками. Решил сам проверить, не могу же я оставить ещё одного Зверолова без внимания, правда ведь?

Он остановился в паре шагов и чуть наклонил голову, разглядывая меня. Его пальцы мягко поглаживали рукоять трости.

— Стёпа, дружок, — он повернулся к парню, и голос его стал ещё слаще, почти приторным. — Мать твою знает, что ты здесь? С таким-то... непростым здоровьем Макса? Я, конечно, не против, но сам понимаешь, теперь придётся предупредить деревню о том, что ты тут был.

Стёпа напрягся, но ответил твёрдо:

— Знает. И я не считаю Макса больным.

— Ох, какой ты смелый, — староста покачал головой, будто восхищаясь, но в его глазах мелькнула тень раздражения. Он шагнул ближе ко мне, так близко, что я уловил запах травяного отвара и старой кожи.

— Макс, мальчик мой, ты ведь понимаешь, как люди в деревне волнуются? Твоя хворь... она всех напугала. Мы вот думаем, что тебе пока дома посидеть надо. Для твоего же блага, конечно.

Он положил руку мне на плечо, и я почувствовал, как его пальцы чуть сжались — не сильно, но достаточно, чтобы намёк был ясен. Его улыбка не дрогнула, но в ней было что-то холодное. Скользкий этот Ефим, Макс у него никогда не нравился, и теперь я видел, что не зря. Хорошо, что умею с такими общаться.

— Благодарю за заботу, — начал я будто из уважения, но с лёгкой ноткой удивления. — Только вот... вы ведь сами ко мне подошли, да так близко. Если хворь моя и правда опасна, разве не стоило держаться подальше? Но вы, наверное, уверены, что на самом деле я уже здоров, раз рискнули. Верно же?

Его глаза на миг сузились, но он быстро взял себя в руки, поглаживая трость с той же приторной мягкостью.

— Ох, Макс, — протянул он по-доброму, но я заметил, как его пальцы на трости сжались чуть сильнее. — Я же за тебя переживаю, должен был сам убедиться, что ты на ногах. Староста ведь за всех в ответе, знаешь ли.

— Конечно, понимаю, — кивнул я, стараясь, чтобы мой тон звучал искренне, но добавил с лёгкой улыбкой:

— Тогда, раз вы так близко подошли и ничего не боитесь, может, и другим в деревне не стоит меня стороной обходить? Если уж сам староста не опасается, то, видать, и хвори никакой нет, правда?

Его глаза сузились, но улыбка осталась на месте, как приклеенная.

— Мало ты ещё знаешь о приручителях, Макс, мало. Я ведь Зверолов третьей ступени, не могу заболеть от хвори. А вот жители деревни — могут. Так что осторожность, Макс, и ещё раз осторожность, — произнёс он, постукивая тростью по земле, будто ставя точку. — Хворь у тебя может и не заражает сразу, видимо нужно долгое воздействие... Вот лекарь с соседней деревни приедет, всё проверит. А пока держись дома, ради всех нас. И, знаешь...

Он вдруг понизил голос и в его тоне засквозила сталь:

— В лес за питомцами даже не думай соваться. Без разрешения на отлов там делать нечего. Опасно это, да и порядок нарушать не стоит, правда ведь? Ты ведь не хочешь, чтобы тебя выгнали из деревни за непокорство? Не могу я тобой рисковать, Звероловы слишком ценны.

Он чуть наклонился ко мне, и его улыбка стала ещё шире. Я стиснул зубы, стараясь не реагировать на поражение в этой словесной дуэли. Это что получается, он и вправду передаёт тревогу жителей деревни? Действительно имеет иммунитет? Но почему-то и дело косится на мои татуировки?!

— Конечно, — ответил я, сохраняя спокойный тон, — Только, раз вы так заботитесь, может, подскажите, как это разрешение получить? А то что-то никогда не слышал о таком. И

вообще, я здоров! Чувствую себя отлично, как вы сами видите, разве не могу я этим зарабатывать? И пользу деревне приносить?

Его пальцы на трости дрогнули, и я заметил, как он на миг замер, прежде чем ответить.

— Разрешение на отлов даже в лесах средней опасности — новая воля короля, слишком уж часто молодые неопытные Зверооловы гибнут. Так что, Макс, не торопись, — сказал он, и его голос был почти отеческим. — Всему своё время. Григорий и я, мы-то дело знаем, а ты... ты ещё молод, опыта нет, да и хворь эта... Лекарь разберётся, а там посмотрим. Не будем спешить, ради твоей же безопасности. А то сгинешь в лесах, как отец, кому это надо, да? Пожалей маму. Уж и не хочу тебе напоминать, но в прошлую твою вылазку у Ольги появилось пару седых волосков.

— Понял, — ответил я, чуть пожав плечами, и сжал губы. На этот раз Ефим ударил куда надо, этот момент я ещё не обдумывал.

— Всему своё время, мальчик, — сказал он. — Ты просто поправляйся, а мы разберёмся. Он развернулся и пошёл прочь, постукивая тростью.

Стёпа смотрел ему вслед, пока старик не скрылся за воротами.

— Да уж, — пробормотал Стёпа. — И что теперь?

— А ты не знаешь, у меня в этом «хозяйстве» удочка есть? — спросил я.

Стёпка почесал затылок и неуверенно выдал:

— Была. Вот только вас же ограбили с год назад, не уверен, что осталась.

— Вот блин, — я разочарованно выдохнул. — Хотел порыбачить.

— В магазине ремёсел продаются, — подсказал парень и улыбнулся.

— Да нет, я...

Наш разговор оборвался на полуслове.

— АХ ТЫ ЗАСРАНЕЦ! КАК ТЫ ПОСМЕЛ?! — раздался яростный вопль мамы. Она выскочила из-за угла дома, глаза её пылали гневом. Чего это она вернулась с работы так рано, часа не прошло?

Глава 3

Ольга подлетела ко мне, как ястреб, глаза её полыхали гневом, а подол платья мотался из стороны в сторону.

Я сидел на лавке у колодца, чувствовал, как деревянная скамья впивается в тощие бёдра, и смотрел на неё, пытаюсь сдержать улыбку. Всё понимаю, мать гневается, два года вытаскивала сына с того света, видя, как он угасает. И теперь он, когда едва начал ходить, уже не в кровати, а шатается по двору. Вот только всё никак не мог принять, что эта женщина сейчас будет пытаться меня отчитывать. Меня, мужика за пятьдесят.

Нужно держаться, если улыбнусь — быть беде.

Впрочем, если так и дальше пойдёт, она меня в комнате навсегда запрёт, а это с моими планами не билось. Я привык к свободе. А тут теперь должен лежать и ждать, пока мне очередной горький отвар в глотку зальют? Нет уж, я не для того десятки лет в тайге пробыл, чтобы теперь под одеялом киснуть. С этим точно нужно что-то решать, уж заниматься тренировками и делать что-то по хозяйству она мне не запретит.

— Макс! — выкрикнула мама, остановившись в двух шагах, и голос её дрожал от злости, смешанной со страхом. — Ты что удумал? Едва на ногах стоишь! Хочешь опять слечь, чтобы я тебя потом по кусочкам собирала?

Я почувствовал, как в груди закипает протест. Смотрит на меня, как на немощного, готового разбиться от малейшего толчка. Она сразу переключилась на Стёпу, который стоял рядом, втянув голову в плечи, будто ждал, что его сейчас пришибут.

— А ты, Стёпка, чего натворил? — сказала она холодно, уперев руки в бока. — Вывел его, а если б он упал? Если б хворь вернулась? Ты хоть головой думаешь, или у тебя там солома?

Стёпа замаялся, почесал затылок, и я уловил его взгляд.

— Говорил же, убьёт, — шепнул он мне, отступая назад, и я невольно усмехнулся.

— Ну живой же, — бросил я и продолжил:

— Не надо, — старался чтобы голос звучал твёрдо, хоть и в горле почему-то пересохло. — Я в порядке. Видишь, стою, хожу. Не разваливаюсь. А на ноги я сам встал, Стёпка ни при чём.

Выпрямился, опираясь на лавку, и почувствовал, как мышцы почти не ноют от напряжения.

Мама замерла, глядя на меня, и я уже ждал новой порции криков, но вместо этого её лицо смягчилось. Она шагнула ближе, и вдруг её руки обхватили меня, притянув к себе. Я почувствовал тепло ладоней. Она дрожала, вцепившись в мою рубаху, и на миг мне показалось, что сейчас она разрыдается. Я напрягся — слёзы я всегда переносил хуже, чем бурю. Но вместо этого она отстранилась, и я увидел улыбку.

— Я же переживаю, Макс, — сказала она тихо, и в голосе её было больше облегчения, чем упрёка. — Ладно, если тебе и вправду лучше...

Хотел ответить, но она уже повернулась к Стёпе, и тон её снова стал нейтральным.

— А ты, Стёпка, домой иди, — сказала она. — Скоро Ирма придёт, отвар принесёт, не до тебя. Поправится Макс, тогда и наведивайся в гости.

Так-с, а вот это не по плану. Я ещё не всё хозяйство осмотрел, не разобрался, что тут к чему. Конечно, справлюсь и сам, но информацию-то откуда брать? Не с мамой же о лесе разговаривать? Вот уж точно тогда огребу.

— Да подожди, — сказал я. — Стёпа мне помогает. Хочется хозяйство глянуть, понять, что чинить надо. Потом домой пойдёт.

Она посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло удивление. Понятное дело, так уж вышло, что Макс не особо работал по хозяйству, всегда неохотно и из-под палки, пока отец был жив. Рыбачил, да болтался с друзьями по деревне. С бывшими друзьями.

Мама захлопала глазами:

— Так я Стёпу и не выгоняю! — она повернулась к парню. — Отец твой ждёт, я только что с ним говорила. Срочная работа для тебя появилась, так что не задерживайся.

— Чего за работа? — Стёпа нахмурился, явно не ожидая такого поворота.

— Откуда мне знать, — отрезала она. — Пойдём, говорю, не зли отца! Прослежу чтоб ты в сторону дома пошёл, а то знаю уж тебя!

Стёпа горестно вздохнул, подмигнул мне и не стал спорить. Хлопнул меня по плечу и сказал:

— Я загляну ещё, — сказал он тихо. Наверняка хотел слинять на речку, как любил делать, только не вышло.

Кивнул, глядя, как они уходят, шаги глухо застучали по утоптанной земле. Пыль вилась вокруг их ног, а я остался сидеть.

Взгляд невольно упал на колодец передо мной. Он стоял крепко, сложенный из серого камня, с деревянной крышкой, чуть потемневшей от времени, но без трещин. Веревка была новой, аккуратно смотанной, а ведро — хоть и старое, с потемневшими боками и без дыр. Видно, мама следила за ним, не хуже, чем за мной.

Оно и понятно: вода — это жизнь. Для отваров, для готовки, для всего. Без чистой воды в этом хозяйстве и дня не протянешь. Колодец — это, пожалуй, единственное, что тут в порядке.

Перевёл взгляд на речку, что текла вдоль огорода. Захудалая, мутная, с илистыми берегами, и вода едва шевелится, будто застоявшаяся лужа. По краям росли чахлые камыши, тонкие и пожухлые, будто их высосала засуха.

На поверхности плавали пятна зеленоватой тины, от которых тянуло болотным запахом — сыростью, гнилью и чем-то похожим на прокисшее молоко.

Я прищурился, пытаясь разглядеть, есть ли в этой воде хоть что-то живое, но кроме мутных разводов и редких пузырей, ничего не заметил. Пить из такой речки — верный способ слечь с животом на неделю. Даже для стирки она не годилась: глина и тина забивали бы ткань, а запах сырости въедался бы в одежду намертво. Даже поливать огород такой застойной водой нежелательно, грибки и бактерии никто не отменял. Что уж про остальное думать.

ТЬфу, одна морока. Но поймал себя на мысли, что это мне по душе, чёрт побери! Ловить зверя, приводить в порядок речку, чинить хозяйство — да это же, по сути, моя таёжная жизнь. Большая часть работы, о которой многие и не подозревают. У себя, там, я давно всё наладил, а здесь — новый вызов, от которого кровь закипает. Азарт пробрал до костей, нога так и задёргалась в нетерпении. Любил я в порядок всё приводить, да следить чтоб по уму было — профессия такая.

— Макс, в дом иди, — голос мамы вырвал меня из мыслей. Она стояла у крыльца, уперев руки в бока, и смотрела так, будто я уже одной ногой в могиле. — Бабушка придёт скоро.

Я выдохнул, понимая, что легко не отделаюсь. Придётся говорить начистоту. Обижать её не хочется, и так вижу, почему она такая. Но дай сейчас слабину — буду жалеть ещё долго. Это тело надо закалять, ломать его, пока не окрепнет. Даже работа по хозяйству даст больше, чем горькое пойло бабки Ирмы.

— Не сейчас, — начал я твёрдо, глядя ей в глаза. — Вообще-то всё в порядке, не видишь? Не собираюсь кинуть дома. Неужели не хочешь, чтобы я делом занялся? Двигаться мне только на руку, а не лежать, как бревно.

Она молчала, глядя куда-то в сторону речки, где камыши качались от лёгкого ветра. Видел, как она борется с собой — хочет запереть меня в четырёх стенах, но понимает, что мои слова бьют в точку. Наконец, она медленно кивнула.

— Ладно, — буркнула она, притворно хмурясь, но в голосе проскользнуло облегчение, будто мои слова её слегка обрадовали. — Только не переусердствуй. И в дом всё равно обедать загоно! И от отвара не отделаешься, понял?

Я скривился для вида, поило-то и вправду мерзкое. Мама вдруг рассмеялась — звонко и задорно, будто помолодела.

— А почему ты с работы так быстро вернулась? Ты до полей даже не добралась, да?

Она на миг застыла, потом небрежно махнула рукой:

— Неважно, — ответила, развернулась и пошла в дом.

Я пожал плечами и остался на месте, чувствуя, как ноги слегка ноют от короткой прогулки. Но сидеть сложа руки — не вариант, и даже хозяйство сейчас не самое важное.

Нужно поймать питомца.

Я не забыл о «Зверином Кодексе», но и сломя голову лететь в лапы какого-нибудь зверя-убийцы не собирался. Аккуратный подход нужен. А поэтому, для начала нужно оглядеться.

Зачем-то подхватил кривую палку, что валялась у лавки и медленно пошёл за мастерскую.

Тут я наткнулся на странное здание — длинное, низкое, сложенное из потемневших брёвен, с добротной крышей. Стены были крепкими, но местами потрескались, и оттуда тянуло сыростью и резким, звериным запахом, будто там когда-то держали скотину.

Я толкнул дверь, и та заскрипела, как ржавая пила. Внутри пыльно, свет еле пробивался через мутное оконце, заросшее паутиной. Пол был усыпан соломой, смешанной с землёй, пахло старым жиром, металлом и чем-то едким, будто кто-то сжёг тут пучок самых разных трав.

На полу валялось несколько клеток — чуть ржавые, разных размеров, но некоторые вполне пригодные для использования, если постараться. В углу громоздилась куча странных приблуд: деревянные рамы с натянутыми верёвками, похожими на сети, но слишком тонкими для рыбы; металлические кольца, вделанные в стены, с обрывками цепей, покрытых ржавчиной; жёлоба, вырезанные из дерева...

Я провёл пальцем по одному из них — шершавому, с въевшимся запахом жира. Для чего это? Чёрт его знает. Ведь умею разбираться в таких штуках, но эти ставили в тупик. Память пацана молчала, как партизан — ничего толкового не подсказывала.

Заметил в углу кучу кожаных ремней, рядом валялись деревянные колышки, выточенные так, будто их вбивали в землю, и пара металлических пластин с отверстиями, похожими на крепления. Всё это выглядело так, будто тут когда-то кипела работа. Неужели для работы приручителя?

Я вышел из здания, чувствуя, как пот стекает по спине. Жара стояла невероятная.

Сел на прохудившийся пенёк у стены и вытер лоб рукавом. Взгляд сам упал на мои руки, где горели красные татуировки.

Звериный кодекс, значит? Ну, если этот мир хочет, чтобы я ловил питомцев, я не против. Но для начала — неплохо бы смастерить удочку. Одно ясно — денег у меня нет, так что в местной лавке её не купишь. Просить у Ольги денег? Нет, не мой путь!

Но физические нагрузки и труд мне всегда были по душе, да и удочка мне нужна, поможет закрыть сразу два вопроса.

Во-первых, наловлю рыбы на ужин. Мелочь, а приятно.

Во-вторых, в голове уже зреет неплохая задумка, как заполучить своего первого зверя.

Я ухмыльнулся, довольный своим планом, и бросил взгляд за овраг, где раскинулась деревня. С края нашего хозяйства, что стояло на отшибе, чуть выше на склоне, она открывалась сбоку, как на картине. Дома, будто рассыпанные кубики, жались друг к другу в низине, а дымки из труб лениво тянулись к небу.

Отсюда деревня открывалась как на ладони.

Дома, сложенные из брёвен и камня, тянулись вдоль кривых улиц. Над крышами поднимался дым сразу из трёх кузниц.

Я уловил ржание лошадей, резкие крики возниц, доносившиеся с дальнего конца деревни, где телеги скрипели под грузом мешков. Запах угольного дыма мешался с ароматом свежескошенной травы, сыростью от речки и лёгким привкусом травяных отваров, что витал в воздухе. Над деревней нависали пологие холмы, поросшие удивительными деревьями, чьи кроны казались невероятно огромными и качались на ветру.

В небе, очень далеко отсюда, где облака рвались клочьями, зияла тёмная трещина Раскола. Она висела там, как шрам, и от неё веяло чем-то... Ужасным.

Память пацана оказалась не у дел — он слишком долго болел.

Деревня изменилась.

Два года назад она была меньше, тише, а теперь — разрослась. Улицы кишели жизнью: мастерские, лавки с вывесками, где торговали травами, снадобьями, реагентами. Я заметил вывеску с вырезанным листом — травяная лавка, где, видать, Ирма собранные травы и продавала торговцам.

Магазин ремёсел, алхимическая лавка, чуть дальше какой-то трактир — я видел здания издавдалека, но Макс знал, что это такое.

Деревня жила, и это было видно даже отсюда. Я невольно усмехнулся: похоже деньги водятся, раз они так разрослись. А староста Ефим всё прибедняется, что дела у деревни не очень, хотя кварталы давно поделены на «богатый» и «обычный». Никто не говорил «бедный», но этого и не требовалось — все и так всё понимали. Ох уж мутит что-то этот старикан.

Наше поселение находилось якобы в безопасной зоне, и звери из лесов не нападали. Вообще, леса делились на несколько зон. Безопасная, средней опасности и «ни ногой туда, если жить хочешь» — глубинная территория, ближе к Расколу, где твари самые опасные, а награда за травы или зверя — самая впечатляющая.

Многое вызывало у меня сомнения, но так тут сложилось.

Я задумался, вертя в руках палку. Хватит сидеть, нужно приводить себя в форму.

За удочку позже возьмусь.

Оглядел двор, прикидывая, с чего начать. Для тренировки нужно что-то простое, что не уложит меня обратно в кровать. Взгляд упал на колодец — крепкий, с новой верёвкой и тяжёлым ведром. Вот оно. Поднимать воду — отличный способ разогнать кровь и заставить мышцы вспомнить, что они не для лежания созданы.

Шагнул к колодцу, деревянная крышка скрипнула под пальцами. Веревка была грубой, слегка влажной от утренней росы, и пахла землёй. Я ухватился за рукоять, провернул её, и ведро с лёгким плеском ушло вниз. Напряжение в плечах отозвалось тупой болью, но я только усмехнулся про себя. Боль — это хорошо, это значит, тело живое.

Ведро ударилось о воду, и я начал крутить рукоять, медленно, но ровно. Первые обороты дались тяжело — руки дрожали, пальцы скользили, а спина ныла, будто кто-то в неё гвозди вбивал. Главное — не торопиться, дать телу привыкнуть. Каждый оборот рукояти был как шаг вперёд — ведро поднималось, вода плескалась внутри, и я чувствовал, как кровь быстрее бежит по венам. Сердце стучало ровно, дыхание под контролем.

Ноги, на удивление, справлялись с нагрузкой. Всего-то и нужно было — расходиться. Словно каждую минуту тело восстанавливало свою первичную форму.

Когда ведро показалось над краем колодца, я остановился, вытер пот со лба, затем опустил ведро обратно и начал заново. Раз за разом, не торопясь, но и не жалея себя. Плечи горели, но я только стиснул зубы. Конечно, хотелось бы заниматься по-другому, но и этого для первого дня достаточно. Нужно экономить силы, впереди ещё целый день. Что-то подсказывало, что быстро сделать удочку не выйдет.

Я успел поднять ведро раз пятнадцать, когда услышал голос с крыльца:

— Макс, в дом иди! Бабушка пришла!

Я выдохнул, чувствуя, как пот жжёт глаза, и аккуратно поставил ведро на край колодца. Мышцы гудели, но это была хорошая усталость, та, которая появляется, когда ты сделал больше, чем мог. Я всегда любил это чувство — когда тело протестует, но ты заставляешь его слушаться.

Да, это и тренировкой-то тяжело назвать, но завтра можно будет попробовать комплексную физкультуру.

Не смог сдержаться и облил торс ледяной водой из ведра. Сердце на миг замерло, дыхание спёрло, а уже через секунду по телу пошло приятное тепло.

— Бр-р-р-р!

Ах, замечательное ощущение!

Я вытер руки о рубаху, одел её и пошёл к дому.

Ирма сидела за столом, сгорбленная, как старая сосна, и что-то тихо рассказывала Ольге, размахивая руками. Мама стояла у очага, помешивая что-то в чугунном котелке, и кивала.

Едва я вошёл, Ирма тут же повернулась ко мне, её маленькие глаза блеснули, как у вороны, заметившей блестяшку.

— А, вот и наш боец! — сказала она скрипуче, хватая со стола отвар. — На, пей, пока тёплое.

Она сунула мне глиняную кружку, и я невольно отступил на полшага. Запах... как болото после дождя — сырость, земля и что-то горькое. Я посмотрел внутрь. На дне, среди мутной зеленоватой жижи, плавали мелкие ягоды — тёмно-красные, почти чёрные, с крохотными белыми пятнышками. Я знал эти ягоды. В тайге их звали волчьими — красивыми, но опасными. Один такой куст мог отправить на тот свет целую семью, если обожраться. Я поднял взгляд на Ирму, стараясь держать лицо спокойным.

— Что за ягода? — спросил, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно.

Бабка пожала плечами.

— Волчья, что ж ещё, — ответила она небрежно, поправляя платок на голове. — Пей, не тяни.

Я замер, мои пальцы сжали кружку чуть сильнее. Волчья ягода? В отваре, который мне пить?

— Не буду, — сказал твёрдо, глядя ей в глаза. — Эта ягода опасна для здоровья.

Ирма прищурилась, потом шагнула ближе и заглянула в кружку, будто впервые её видела. Её брови поползли вверх, но уголки губ дёрнулись в усмешке. Она забрала кружку, покрутила её в руках, будто разглядывая, а потом протянула обратно.

— Никто до сих пор не жаловался, — сказала она с лёгкой насмешкой.

— Потому что они, наверное, уже совсем не живые? — спросил я с улыбкой.

Ирма замерла, а потом расхохоталась — хрипло, но искренне, так что её платок чуть не сполз с головы.

— Ольга, ты посмотри, какой юнец дерзкий стал! — сказала она весело, ткнув в меня пальцем. — Явно на поправку идёт!

Но тут же её лицо посуровело, и она снова сунула мне кружку, почти вдавив её в руки.

— Пей, не заразно это, полезная ягода, — сказала она твёрдо, и в её голосе не было ни капли шуток.

Я посмотрел на Ольгу, которая наблюдала за нами, стоя у очага. Её лицо было напряжённым, но она молчала, доверяя Ирме. Этот мир другой, и я заставил себя вспомнить — здесь всё иначе. Звери с магией, татуировки на коже, — может, и ягоды тут работают не так, как думаю? Уж своей собственной бабушке-то можно довериться? Посмотрел на Ирму и подумал, что старуха явно не дура.

Поэтому поднёс кружку к губам, сделал глоток и прислушался к ощущениям. И вкус оказался... неожиданным. Не горьким, как раньше, а мягким, чуть кисловатым, с лёгкой сладостью, как будто ягоды смешали с мёдом и травяным настоем. Послевкусие оставалось терпким, но приятным, как чай, заваренный на свежих листьях. Я отпил ещё, чувствуя, как тепло разливается по груди, а слабость сходит на нет. Может, и правда полезная штука. Научиться бы такому!

— Ну, живой? — хмыкнула Ирма, скрестив руки.

— Пока дышу, спасибо, — ответил я, ставя кружку на стол.

Ольга тем временем сняла котелок с очага и начала разливать суп по глиняным мискам. Она зачерпывала суп деревянной ложкой, и пар поднимался густыми клубами, наполняя избу запахом варёной картошки, трав и чего-то мясного — негустого, но сытного. Миски были простые, с трещинами по краям, но чистые, а ложки — деревянные, с гладкими ручками.

Суп оказался жидковатым, с кусочками картошки, моркови и мелкими волокнами мяса — судя по запаху, кролик или что-то похожее. Вкус был простым, с лёгкой горчинкой от трав, которые мама добавляла для аромата. Я ел медленно.

Ирма, прищурившись, смотрела на меня, будто пыталась разглядеть что-то под кожей.

— Когда уже питомца поймаешь, юнец? — спросила она вдруг, постукивая пальцами по столу. — Всё по двору шатаешься без дела.

Пришлось отложить ложку. Пожалуй, вот кто совсем не прочь, чтобы я начал свой путь Зверо́лова. И если хочу встать на ноги, вырвать нас из нищеты, помимо того, что мне нужен зверь — нужна и поддержка. Например, с Ольгой, которая против.

— Скоро, — ответил я, глядя в глаза Ирме. — Сначала надо силы набраться.

Мама качнула головой, её лицо потемнело.

— Нет, ни в коем случае, — сказала она холодно, ставя свою миску на стол с лёгким стуком. — Хватит с меня одного Зверо́лова в семье. Ты знаешь, что стало с...

БАБАХ!

Дверь с треском распахнулась, и в избу влетел Стёпа, задыхаясь, с красным лицом и глазами, полными паники.

— Ирма! — выдохнул он, хватаясь за дверной косяк. — Алхимик там рвёт и мечет, тебя сказал привести быстро! Дуэль! Кошка разорвала грудь своего Мастера!

Ирма, сидевшая за столом, замерла, её маленькие глаза вспыхнули. Она подскочила слишком резво, так что моя кружка с остатками отвара перевернулась, наполняя избу запахом трав.

Глава 4

— Чтоб их всех Раскол пожрал! — рывкнула бабка, вскакивая. Её платок съехал набок, а голос дрожал от ярости. — Кошка, значит? Доигрались! Веди!

Стёпа кивнул, задышав, и Ирма, не теряя ни секунды, метнулась к двери. На пороге она обернулась, её цепкий взгляд упал на меня. Я сидел всё ещё пытаюсь понять, о чём идёт речь.

— Макс, за мной! — бросила она, ткнув в меня пальцем. — Помощь может понадобиться, не сиди как пень!

Ольга резко встала, её лицо побледнело, а глаза сузились. Она шагнула вперёд, её голос звучал тревожно:

— Нет, Ирма! — отрезала она. — Ему нельзя! Ефим против!

Бабка развернулась к ней, её тощая фигура выпрямилась, как натянутая тетива.

— Долго ты будешь держать его за подол? — проскрипела она. — Пацан — Зверолов, а ты всё сюсюкаешь, будто он девка на выданье! Дай ему быть мужчиной! Хватит ныть! Плевать на эти суеверия старосты, мне помощь может понадобиться!

Ольга поджала губы, её щёки вспыхнули, но она промолчала, только посмотрела на меня, и в её глазах легко читался страх. Я чувствовал, как сердце колотится, а мышцы ноют от недавней тренировки у колодца. Как ни крути, Ирма права, и это лучший шанс закрыть вопрос раз и навсегда.

Я медленно встал и посмотрел на женщину.

— Всё будет в порядке. Раз помощь нужна, я помогу.

Мама сжала губы ещё сильнее, но кивнула, отвернувшись к очагу. Ирма хмыкнула, её взгляд смягчился на миг, но тут же она рывкнула:

— Шевелись! Время не ждёт!

Я бежал за Ирмой, чувствуя, как ноги, ещё слабые, но уже послушные, пружинят по утопанной тропе. Земля казалось тёплой и была слегка влажной от утренней росы, и каждый шаг отдавался лёгкой дрожью в икрах.

Воздух пах травой, нагретой солнцем, и чем-то резким, как будто где-то неподалёку жгли листья. Деревня кипела жизнью: издалека доносились крики торговцев, скрип телег и редкое ржание лошадей.

Стёпа пыхтел рядом, его рубаха прилипла к спине, а лицо покраснело от бега. Ирма, несмотря на возраст, неслась впереди, как молодая коза, её платок мотался из стороны в сторону, а подол платья хлопал по тощим ногам. Я невольно усмехнулся: старуха, видать, не из тех, кто сдаётся годам. Но внутри всё кипело от азарта. Дуэль, питомцы, сбежавшая кошка — этот мир всё больше походил на что-то, что мне очень нравилось!

Чёрт возьми, как же это будоражило!

— Стёп, — выдохнул я, стараясь не сбить дыхание. Хорошо, что умел дышать правильно. — что там стряслось? Рассказывай, не тяни!

Парень бросил на меня быстрый взгляд, его глаза блестели от возбуждения, но в них мелькала тревога. Он вытер пот со лба рукавом, оставив грязный след на щеке, и заговорил, торопливо, будто боялся не успеть:

— Барут, помнишь его? Вроде к внучке старосты, пристал! Сказал ей что-то такое, от чего она аж побелела, вроде как предложил... ну, сам понимаешь, что. А Виола — она же не из тех, кто молчать будет. Сразу вызвала его на дуэль, прямо там, у лавки алхимика. Барут, видать, думал, что отделается шуточками, но Виола настроена серьёзно была. А потом... — Стёпа запнулся, переводя дух, — его кошка вдруг взбесилась, так сказали. Барут отдал ей какой-то приказ, а она вместо этого на него самого кинулась! Разодрала грудь и сбежала.

Я стиснул зубы, чувствуя, как в груди закипает любопытство, смешанное с настороженностью. Питомец напал на своего Мастера? В этом мире они вот так просто могут взбунтоваться? Обычно зверь либо подчиняется инстинктам, либо уважает силу. Всё просто, если ты знаешь о них всё что нужно. Но если питомец приручен, пойти вот так против хозяина? Как если бы мой старый пёс вдруг решил вцепиться мне в горло.

Нет, тут явно что-то нечисто. Либо парень дал лишка, либо ситуация была вовсе не такая. Даже по памяти Макса можно было понять, что такие случаи — чрезвычайно редки — он не знал ни одного.

Непонятно, но чертовски интересно. Я ускорился, стараясь не отставать от Ирмы, чья спина маячила впереди.

— А что за кошка? — спросил я, чувствуя, как пот стекает по виску. — Почему она взбесилась, знаешь?

Стёпа пожал плечами, чуть не споткнувшись о корень, торчащий из земли.

— Чёрт её знает, Макс. Барут год в городе ошивался, вернулся уже с ней — здоровенная, шерсть рыжая, с белыми полосами, глаза страшнящие. Говорят, Барут собирался проводить её эволюцию у Григория, чтобы она стала ещё сильнее. Но что-то пошло не так. Но такие кошки непростые, родители купили. Дорогая!

Я кивнул, впитывая информацию, как губка.

Эволюция? Что-то, что усиливает зверей.

Память Макса подсказала общую картину ещё раз. Звероловы проводят определенные манипуляции по уходу за зверем — процесс долгий, но результат слишком хорош. Навыки становятся сильнее, животное опаснее, а статус Мастера — выше!

Но питомцы — они как оружие, которое нужно держать на коротком поводке. А если поводок рвётся...

Мы выбежали на главную улицу деревни, и я невольно замедлил шаг, оглядываясь. Да и марш-бросок для меня оказался слишком серьёзным, в боку кололо, а дышал тяжело, будто пробежал километра три бешеным темпом.

Исправим! Хорошо, что уже на месте.

Дома из потемневших брёвен и серого камня жались друг к другу. Над крышами вились дымки, пахло углём, свежим хлебом и чем-то кислым, как будто где-то рядом варили снадобье.

У лавки алхимика уже собралась толпа. Люди перешёптывались, кто-то тыкал пальцем в сторону леса и кричал, что кошка убежала именно туда.

Я сразу заметил Виолу, внучку старосты, ещё издали — она стояла у входа, скрестив руки, и её взгляд был острым, как лезвие. Макс знал её.

Высокая, худощавая, с длинными светлыми волосами, заплетёнными в тугую косу. На руках — красные татуировки Зверолова, ярче моих. Уже пробудила силу рода обрядом? Похоже, денег у старосты хватает. Почему Макс ничего не знает о её родителях?

На Виоле был тёмно-зелёный плащ с серебряной вышивкой, облегающий её фигуру, а на плечах — накидка, явно дорогая, с узором из листьев. Сапоги из мягкой кожи, с металлическими пряжками, блестели, будто их чистили каждое утро. На поясе висел кинжал в ножнах, украшенных резьбой, а на шее — амулет в виде звезды. Красивая девчонка, наверняка кавалеры в очередь выстраиваются.

Интересно, а где её питомец? Уже скрылся?

Она держалась с таким высокомерием, что я невольно подумал: эта девица знает себе цену, и цена эта явно не для простых смертных.

Её холодные и голубые глаза скользнули по мне, и я почувствовал себя так, будто меня ощупали взглядом, как товар на рынке. Не по себе стало, но я кивнул ей, всё же мы были знакомы.

Она лишь слегка приподняла бровь, будто я был не достоин её внимания и процедила сквозь зубы:

— Ты что здесь делаешь, больной проклятый пацан?

Я лишь хмыкнул. Если в воспоминаниях Макса всё верно, ей сейчас лет восемнадцать, на год старше меня. Вот только она из другой касты местного населения — богатая, обеспеченная и властная. Ещё бы, ведь её дед заправляет в деревне всем, ещё и возглавляет совет старейшин — девчонка явно привыкла к определённому отношению к своей персоне.

— Ирма! — крикнула Виола, заметив старуху, и её голос резанул, как кнут. — Где тебя носит? Барут там поддыхает, а ты тащишься, как черепаха!

Бабка, не сбавляя шага, бросила на неё взгляд, полный такой ядовитой иронии, что я усмехнулся.

— Спокойно, девка, — проскрипела она, протискиваясь через толпу. — Не тебе меня подгонять. Да пустите вы меня!

Я шёл за Ирмой, наблюдая, как толпа расступается перед ней. Или шарахается от меня?

Стёпа плёлся сзади, бросая на Виолу быстрые взгляды, и я заметил, как его щёки слегка порозовели. Ну-ну, парень, держи себя в руках, эта девица явно не из тех, кто отвечает на взгляды таких как мы.

Мы ввалились в лавку алхимика, и я сразу почувствовал, как нос защекотало от запаха — едкого, смешанного из десятков трав, смолы и чего-то металлического, как кровь.

Лавка была тесной, с низким потолком, заваленным связками сушёных растений. Полки вдоль стен ломились от склянок, наполненных мутными жидкостями, порошками и какими-то странными кореньями, похожими на высохшие пальцы.

На деревянном столе в центре лежал Барут, я узнал его лицо, хоть Макс и давно не видел парня. Ему было лет двадцать, не больше, с бледным лицом, покрытым испариной. Его рубаша была разорвана, и я невольно замер, увидев раны на груди.

Грудь бедолаги выглядела так, будто её разорвал не питомец, а какой-то лев или тигр. Четыре глубокие борозды тянулись от ключицы до рёбер, края рваные, с клочьями кожи. Кровь, уже запёкшаяся, блестела тёмно-красным.

Но что меня поразило — по краям ран кожа была не просто воспалённой, а покрытой зеленоватым налётом, будто яд медленно разъедал плоть.

Яд? Может ли такое быть? Я прищурился, вглядываясь. Да, точно, края ран слегка пузырились, и от них шёл слабый, но резкий запах — как от гниющей травы, смешанной с чем-то химическим.

Барут дышал тяжело, каждый вдох давался ему с хрипом, а губы, почти синие, дрожали. Его глаза были полузакрыты, но он всё ещё цеплялся за сознание, пальцы слабо сжимали край стола. Я почувствовал, как в груди сжалось — парень был на грани. Жизнь утекала, как вода из прохудившегося ведра.

— Ирма, — голос алхимика, стоявшего у стола, был низким, но дрожал от напряжения. — Его зачем привела?

Он указал на меня пальцем.

Это был мужчина лет сорока, худой, с длинными пальцами, испачканными чем-то чёрным, будто он копался в угле. Его лицо, покрытое мелкими морщинами, было сосредоточенным, но в глазах — тревога.

— Да что вы заладили одно по одному. Не больной он. Мы что, это будем обсуждать, Ганус?

Алхимик замер на секунду, затем махнул рукой и склонился над парнем.

— Яд в ранах, видишь? Я пробовал мазь из лунного корня, пробовал из звёздной травы и даже порошок из клыка хорька второй ступени! Ничего не берёт. Остался один вариант —

огнежар. Надо выжечь заразу изнутри, иначе он не протянет и часа. Кошка какая-то редкая, выловили в глубине лесов для Барута за бешеные деньги!

— Похоже ещё и своенравная, — пробормотал Стёпка, стоявший рядом.

Я стоял и впитывал каждое слово. Огнежар? Память Макса молчала, но уже понятно, что это какая-то редкая трава, раз алхимик говорит о ней с такой серьёзностью.

Перевёл взгляд на Барута и напряг память Макса. Она, как заржавевший механизм, медленно провернулась.

Барут был другом детства. Парень богатый, из тех, чьи родители могли купить полдеревни. Конечно, потом, когда пацаны стали старше, их дороги разошлись, но Барут всегда с неприязнью относился к социальному неравенству этой деревни.

Жизнь просто у всех развивалась по-разному и со временем у них не осталось общих интересов. Уже когда трагедия приключилась с отцом Макса, они почти не виделись.

Но Барут многое знал, уже прошёл обряд! Был в столице на обучении! Он точно мог рассказать о питомцах и не только. Да и чувствую эмоции Макса, в теле которого оказался. Не родные ощущения, но жалость вполне реальная.

И как-то это не билось с его «поступком».

Если Барут выживет, он может стать полезным. Очень полезным. В груди загорелся азарт — этот парень мог бы рассказать, как работает этот мир, как работает укрощение. Пусть у него татуировки зелёные, но ведь в столице он что-то узнал?

Но сейчас он лежал, хрипя, и каждая минута была на счету.

Ирма, стоя у стола, склонилась над Барутом, её цепкие пальцы быстро ощупали края ран. Она принялась, будто собака, и её лицо помрачнело. Бабка выпрямилась и посмотрела на алхимика, её голос был резким, как удар хлыста:

— Огнежар? Ты в своём уме, Ганус? У меня его всего два, за столько-то лет! Это не просто трава, её в лесу искать — только в опасной зоне, да у огненных разломов каких-то! И с чего мне на парня это тратить, что у меня, своей родни нет, если что случится?

— Родители этого парня заплатят, — прошипела Виола. — Упрямая старуха, нельзя чтобы этот парень умер в дуэли со мной! Что мне бабушке говорить?

— А это уже твоя проблема! Я что, одна травница? Так, а ну-ка давайте-ка кыш! — Ирма вдруг прошла к двери, открыла её и вытолкала Виолу за дверь. — Будет мне ещё указывать, пигалица!

— Я всё бабушке расскажу! — послышался возмущенный голос девушки.

— Обязательно расскажи! Послушаю, что он скажет, ха-ха, — прокрипела Ирма, хлопая дверью, за которой стояли зеваки.

Послышался рассерженный удар в дверь, но Виола не рискнула заходить снова. Я мысленно ухмыльнулся — бабка мне определённо нравилась. Вот только причитает, когда парень умирает!

Похоже в этом мире человеческая жизнь дешевле редкой травы. Но Барут мне нужен, а Ирма торгуется, будто на базаре. Если так и дальше пойдёт, то парень просто умрёт. Я стиснул кулаки и шагнул вперёд.

— Травы можно новые найти. А человек умирает, — сказал я, глядя ей в глаза. — Достану тебе твой огнежар, если надо, но помоги Баруту.

Ирма замерла, её маленькие глаза сузились, а взгляд будто просверлил меня насквозь. Стёпа за спиной затих.

Я стоял и смотрел прямо на неё. Знал таких, как Ирма, — они любят держать всё под контролем, но есть подозрение, что Макса она всё же любит.

Алхимик кашлянул, его лицо покраснело от возмущения. Он шагнул к Ирме, его длинные пальцы сжались в кулаки.

— Ирма, я понимаю. — сказал он холодно. — Но ты же знаешь, чей это сын! Упрямая бабка! Хочешь, чтобы издох Мастер?

Та фыркнула, скрестив руки, её платок чуть сполз, обнажив седые волосы, спутанные, как птичье гнездо.

— А мне что? — огрызнулась она. — Огнежар — это не капуста с огорода!

Моральная дилемма была мне понятна — старуха привыкла выживать, как и все в этой деревне. Здесь, где звери могут разорвать в клочья, а Раскол плюётся магией, каждый думает о себе и близких.

Что это за редкий цветок?

— Ирма, — сказал я твёрдо, шагнув ещё ближе. — Я же сказал — достану огнежар.

Она посмотрела на меня, и на миг её лицо смягчилось, но тут же она хмыкнула, её голос стал чуть тише, но всё ещё ядовитым:

— С каких пор я для тебя Ирма, а не бабушка? Ох, парень, смотри, — сказала она холодно. — Ты хоть и мой внук, но такое заверение отработать придётся. Готов в лес пойти? Это тебе не по двору шататься.

Я ухмыльнулся, чувствуя себя уверенно.

В лес? Да я всю жизнь там провёл и именно этого и хочу! Пусть этот мир другой, пусть звери тут с магией, но я — егерь, чёрт возьми. Посмотрел на Ирму, и моя ухмылка стала шире.

— Готов, в рамках разумного. — сказал, подмечая, будто татуировки на руках запульсировали сильнее. — Дай мне немного времени и спасай Барута, а я своё слово сдержу.

Ирма кивнула, её взгляд всё ещё был цепким, но в нём мелькнула решимость. Она повернулась к алхимику и бросила нам:

— Я устала, тогда вы бегите ко мне домой! И ещё кое-что, — она ткнула пальцем в меня, — молись, чтобы не зря поверила тебе.

— Твой внук не в лучшем состоянии, давай отправлю своего ученика! — вдруг предложил Ганус.

— Ага, размечтался, хитрец! Думаешь скажу тебе, где храню такие травы? Ничего, он сильнее чем кажется. Максим, подойди.

Ирма ухватила меня за плечо и зашептала на ухо.

Я лишь кивнул, и уже через пару секунд мы вылетели на улицу.

Глава 5

Едва мы со Стёпкой выскочили из лавки алхимика, толпа зевак шарахнулась от меня в сторону.

Но я не обращаю внимания — ноги сами несут меня вперёд. Сердце колотится, будто молот по наковальне, а в груди горит азарт — Барут на грани, и от нас с этим проклятым огнежаром зависит, выживет он или нет.

Деревня жила своей размеренной жизнью, но люди, которые попадались нам навстречу, шарахались в стороны, будто я был зачумлённый.

Женщина с корзиной картошки прижалась к забору, её глаза расширились, а губы шептали что-то, похожее на молитву. Мужик в кожаном фартуке, тащивший вязанку дров, сплюнул под ноги и пробормотал: «Чумной». Я стиснул зубы, чувствуя, как в груди разгорается протест.

Что за бред? Почему они боятся? Память Макса удручала — в деревне никогда не было таких случаев. Но не время думать об этом. Огнежар — вот что важно.

Мы ныряли в узкие проулки, где тени от низких крыш ложились на землю, как чёрные полосы. Стёпа бежал рядом, но молчал — видать, тоже понимал, что время не ждёт.

Едва мы добежали до избы Ирмы, я невольно замедлил шаг, оглядывая её дом и пытаюсь отдышаться. Похоже завтра даже с кровати не встану, вот это физкультура.

Дом бабки находился на одной из улиц неподалёку, окружённый низким забором из жердей. Брёвна были гладкими и потемневшими. Крыша, крытая соломой, золотилась на солнце, а окна с резными ставнями блестели чистотой, отражая небо. Вокруг дома вились заросли шиповника, усыпанные красными ягодами, и какие-то жёлтые цветы, названия которых я не знал. Всё хозяйство выглядело небольшим, но ухоженным.

На крыльце стояла кадка с водой, где плавали лепестки ромашки, а рядом — метла, аккуратно прислонённая к стене. У крыльца рос куст лаванды, и его запах смешивался с сыростью земли, создавая странное, но приятное ощущение. А Ирма-то была не просто травницей — настоящая хозяйка. Я невольно уважительно хмыкнул. Старуха знает, как жить, но когда находит на это время? Может ей кто-то помогает?

— Жди здесь! — бросил я, направляясь к избе.

— Эй, почему? — удивился Стёпа.

— Потому что секретами бабки я делиться не буду. Подожди, — мой голос прозвучал резче, чем хотелось.

Влетел в избу, и сразу почувствовал, как нос защекотало от запаха трав. Внутри было чисто, но тесно, как в норе, набитой сокровищами. Пол выскоблен до блеска, стены увешаны пучками сушёных растений — полынь, мята, ромашка, какие-то колючие ветки с мелкими синими ягодами и другие неизвестные мне травы.

На столе громоздились ступки, склянки и мотки верёвок. Полки вдоль стен ломились от банок с мутными жидкостями. В одной из склянок плавало что-то, похожее на глаз, окружённый зелёной мутью, и я невольно поёжился.

Это было как какое-то логово. Организованный хаос травницы.

— Так, спальня там, — по привычке шепнул себе под нос.

Ирма сказала, что огнежар в тайнике именно тут. Я влетел в комнату и замер, оглядываясь. Она была маленькой, с низким потолком. Кровать застелена грубым, но чистым одеялом, сшитым из лоскутов.

У стены стоял сундук, обитый железными полосами, а над ним висела полка с глиняными горшками, в которых лежали сушёные ягоды и пучки трав. В углу — старое зеркало с трещиной в углу, будто кто-то ударил по нему кулаком.

Я подбежал к сундуку — замка не было, но крышка оказалась тяжёлой. Рванул её вверх, и она скрипнула, открывая ворох старых тряпок, несколько пучков трав и маленькую шкатулку, покрытую резьбой в виде листьев. Резьба была тонкой, почти ювелирной — листья переплетались, образуя узор, похожий на венок. Я взял шкатулку и открыл — внутри лежал свёрток из ткани, пахнувший пылью и чем-то горьким. Развернул его, но там оказалась только щепотка сухой травы, рассыпающаяся под пальцами. Обманка что ли? Я усмехнулся. Молодец, Ирма, так кто-нибудь залезет, схватит шкатулку и дёру.

Быстро оглядел комнату, прищурившись. Ну не стала бы она мне врать, так ведь? А значит...

Провёл пальцами по внутренней стороне сундука, нащупывая неровности. Дерево было гладким, но в углу, под слоем ткани, мои пальцы наткнулись на едва заметный выступ. Я нажал — и дно сундука щёлкнуло, открывая узкий отсек, не шире ладони. Там, завернутые в кусок грубой кожи, лежало два огнежара. А неплохо, похоже делала заказ у какого-нибудь плотника?

А потом зарезала исполнителя, хех? Вполне в её духе.

Я улыбнулся своим мыслям. Но нет времени изучать двойное дно.

Взял лишь один цветок, и у меня перехватило дыхание. Это была сама магия, воплощённая в лепестках, как будто природа решила показать, на что способна.

Огнежар выглядел как маленький костёр, замерший в воздухе: лепестки алые, с золотыми прожилками, которые пульсировали, будто в них текла раскалённая лава. Сердцевина была тёмно-фиолетовой, с крошечными искрами, мерцающими, как звёзды в ночном небе. Тонкий и гибкий стебель покрыт мелкими шипами, которые слегка кололи пальцы, но не ранили, а будто будили кожу, заставляя её гореть.

От цветка шёл жар — не обжигающий, а тёплый, как от углей в очаге. И запах, резкий, как перец.

Я смотрел на него, и в груди разгорался восторг. Почему-то ощущал это как вызов — словно природа бросила мне перчатку. В тайге часто развлекал себя поиском редких грибов — найти «Синюшник», который рос на опушках или в молодых березняках считалось невероятной удачей.

Вот и здесь, судя по одному только виду, держал в руках крайне редкое растение.

Огнежар. Возраст — 28 лет. Уровень развития — F.

Информация заблокирована. Активируйте «Звериный кодекс».

Я моргнул и мотнул головой, но надпись не исчезала. Так... Если эта система выдаёт мне информацию о данном растении, значит оно напрямую связано с питомцами, иначе и быть не может. Я ведь не травник! Но почему не видел названий трав до этого? Может они были неважны для моего ремесла? Или только сейчас получил возможность?

В любом случае, на то, чтобы достать огнежар и рвануть к выходу — у меня ушла пара секунд.

Бежал и чувствовал, как тепло цветка проникает в кожу. В голове роились мысли. Если этот огнежар может вытянуть Барута с того света, то это магия — настоящая и живая.

Если он нейтрализует яд, который не берут другие снадобья, то, может, работает не просто как трава? Может, вытягивает заразу, потому что сам несёт в себе частицу Раскола? Что делать с этим цветком, чтобы раскрыть его свойства? Я не знал, но хотел узнать. Хотел выучиться всему — травам, зельям, всем возможностям!

Это как охота, только добыча на этот раз — знания о необходимых в будущем ресурсах. Здесь, со всеми своими знаниями, точно мог стать чем-то большим, чем просто егерь. Тем, кто сможет понять всю природу этого мира.

Когда выскочил наружу, Стёпа махнул рукой и крикнул:

— Побежали, Макс, время не ждёт. Ирма нас живьём съест, если опоздаем!

Я аккуратно завернул огнежар обратно в кожу, сунул свёрток за пазуху и почувствовал, как его тепло греет грудь.

Мы рванули из избы, снова несясь через деревню. Ноги гудели, но усталости не чувствовалось — адреналин гнал вперёд, как ветер в спину. Проулки мелькали, как в калейдоскопе: дома, заборы, куры, разбегающиеся с кудахтаньем, старуха, которая шарахнулась от меня, чуть не уронив корзину с яйцами. Я игнорировал взгляды — пусть боятся, мне плевать.

Пока бежали, не удержался и заговорил:

— Стёп, а что с этой кошкой, а? Как такое вообще возможно, чтобы питомец на хозяина кинулся? Это же не дикий зверь, его приручают, он должен слушаться. Есть мысли?

Стёпа, пыхтя, бросил на меня взгляд, полный какого-то мрачного понимания. Он перепрыгнул через лужу, чуть не поскользнувшись, и заговорил, торопливо, будто боялся не успеть:

— Да легко, Макс. Питомцы же не собаки, у них своя воля, свой разум, свой характер. Они растут, эволюционируют, становятся сильнее. Если Мастер слабый или не знает, как держать зверя в узде, — всё, жди беды.

— Хочешь сказать, Барут из таких?

— Да не знаю! Он, видать, что-то не то сказал своей кошке, не тот приказ? Питомцы — они ж разумные, понимаешь? К каждому нужен подход. Одни верные, как псы, другие — как эта кошка, только и ждут, чтобы показать зубы. Барут хвастался, что это редкий экземпляр! А такие кошки просто так не даются. Может, её ему выдал какой Зверолов из города за бешеное количество золотых, а толку? Если Мастер не подходит! Семья-то богатая.

— Или скомандовал что-то, что её взбесило, так? — уточнил я.

— Ха, верно! — рассмеялся Стёпка. — Бывает, что думают, будто зверь у них под контролем, а всё на самом деле наоборот.

Я нахмурился, переваривая его слова. Раньше для меня всё было просто — зверь либо подчиняется своим инстинктам, которые ты обыгрываешь и делает так как тебе надо, либо ты его стреляешь.

А тут... тут дикие звери живут рядом с людьми, да ещё и сами как люди — с характером. Для меня это меняло всё.

Похоже неуважение или слабость могут стоить жизни даже Мастеру! Но мысль о том, что зверь может противиться приказу на фоне собственных убеждений — удручала. Получится ли грамотно приручить и договориться с такой агрессивной тварью? Обуздаю ли я какого-то своенравного питомца, приносящего пользу?

Если Барут выживет, я вытрясу из него всё, что он знает.

— И что теперь с ней будет? — спросил я. — С кошкой этой?

Стёпа пожал плечами, его лицо стало жёстким.

— Убьют, скорее всего, — сказал он. — Раз взбесилась, доверия ей нет. Никто не станет держать зверя, который на Мастера кинулся. Барут, если выживет, вряд ли захочет её назад. Питомец хоть и редкий, но жизнь одна. Да и в деревне таких не любят. Староста говорит, если зверь раз предаёт, он уже не твой. А некоторые... ну, знаешь, они к питомцам относятся, как к инструментам. Бьют, заставляют, не думают, что у него свой нрав. Вот и получают.

— Но такое ведь редко?! — удивился я. — А ты говоришь так, будто каждый день это видишь.

— Бунтуют звери редко, это правда. Но то, что Мастера часто ведут себя с ними жёстко — не новость, Макс. Да и зверь же редкий, только сказал! Ты чего?

Я кивнул, но не ответил — внутри всё сжалось. Убить за что конкретно? Что же приказал Барут той кошке? В тайге я убивал зверей только если не было другого выхода. Здесь, похоже, всё проще — и от этого хуже. Питомцы были не просто зверями, они как напарники, и мысль о том, что их можно просто прикончить...

Что ж, похоже здесь настолько жестокий мир. В голове были обрывки воспоминаний, что твари и вправду очень агрессивные, особенно дикие. Обузданные Звероловами — всё же прирученные, оттого спокойные.

Если хочу выжить в этом мире, мне нужно разбираться в питомцах не хуже, чем в следах на снегу.

Едва показалась лавка алхимика, я понял, что сдох. Казалось, ещё пара метров и просто упаду, но добежал до крыльца. Это как с подтягиваниями — сделал норму, и всё равно нужно выжать ещё парочку, стиснув зубы.

Мы влетели внутрь, и я сразу сунул свёрток Ирме. Она схватила его, развернула, и её маленькие, хитрые глаза загорелись, как у кошки, увидевшей добычу. Она посмотрела на огнежар с такой жадностью, будто это был не цветок, а слиток золота. Её узловатые, как корни старого дерева, пальцы дрожали, когда она держала цветок.

— Молодец, Макс, — буркнула бабка, не глядя на меня.

Ирма передала свёрток Ганусу, который уже стоял у стола, где лежал хрипящий Барут с посиневшими губами. Его грудь всё ещё была в крови, зеленоватый налёт вокруг ран пузырился, как будто яд жил своей жизнью. Алхимик взял огнежар, его длинные пальцы двигались быстро, но аккуратно.

Он бросил на нас взгляд, полный раздражения, и рявкнул:

— Все вон отсюда! Секреты свои я вам раскрывать не собираюсь. Ждите снаружи!

Я пожал плечами и вышел вместе со Стёпкой и Ирмой. Толпы у лавки уже не наблюдалось, как и Виолы.

Устало сел на крыльцо хватая ртом прохладный воздух, всё-таки спринт для тела Макса вышел неслабый.

Раскол в небе висел, как тёмная рана, и я невольно взглянул на него.

— Подождём, — кивнула бабка и присела рядом.

Стёпка стоял перед нами, переминаясь с ноги на ногу, и собирался что-то сказать, но резко замер, когда из-за угла показался староста. Высокий, широкоплечий, с бородой, в которой мелькала седина, он шёл прямо к нам. Его приторные, но цепкие глаза впились в меня, и я почувствовал, как спина напряглась.

Ефим шел к нам от колодца. Шёл твёрдо, как человек, который знает, что сила за ним.

— Разве я не говорил, что тебе нельзя появляться в деревне, Максим? — его голос не предвещал ничего хорошего.

— Ну приплыли, — обречённо вздохнула Ирма.

Глава 6

Староста остановился в трех шагах, опёрся на трость и посмотрел на меня с такой показной жалостью, будто я медленно умираю прямо на его глазах. Его улыбка была широкой, почти добродушной, но в ней сквозило притворство — это я считать мог.

— Максим, Максим, — начал он, и голос его был сладким, как мед. — Я же просил тебя, сынок, не ходить в деревню. Ты же болен, а у нас тут люди, дети, старики. Зачем рисковать здоровьем всех? Я ведь за деревню в ответе, мне думать о каждом приходится.

Я выдержал взгляд, но чувствовал себя неловко. Болен? Нет, здоров, как бык! Но Ефим смотрел на меня с такой заботой, что любой бы поверил, будто он и правда переживает за деревню.

Ирма шагнула вперед, загрохачивая меня.

— Хватит петь эти песни, староста. Макс не болен, я за это ручаюсь. И не прячься за свою заботу о жителях.

Старик поднял брови, взглянул на Стёпу, будто удивившись:

— Молодой человек, вы ещё здесь?

Тот мгновенно опустил взгляд, промямлил что-то про помощь отцу на огороде и мигом исчез.

Уголки губ Ефима дрогнули в усмешке. Он развел руками, словно показывая, как ему тяжело нести своё бремя.

— Ирма, ты же знаешь, я только о благе людей думаю. А если Макс заразит кого? Ты ведь не хочешь, чтобы на тебя потом пальцем показывали? — он повернулся ко мне, и его голос стал грустным. — Еще раз увижу тебя в деревне, парень — придётся изгнать. Думаю, твоя хворь действует со временем, не сразу. Если твоя мать готова брать на себя этот риск, то жители деревни — нет. Так что дожись лекаря! Ведь попросил... Ирма, ты только хуже мальчику делаешь. Подумай о его будущем.

Я стиснул зубы так, что челюсть заныла. Изгнать? Меня? За что? Чувствовал, как злость вскипает в груди, как кипяток в котелке. Не мои чувства, всего лишь подростковые эмоции парнишки. Захотелось крикнуть, что староста врет, что я здоров, что он просто ищет повод избавиться от меня. Но легко удержал эти чувства. Бросаться на волка с голыми руками — не про меня. Выжду, выберу момент.

— Кхм, послушай-ка, Ефим... — Ирма шагнула вперёд, но тут скрипнула дверь, и на пороге появился Ганус. Лицо было усталым, но спокойным.

— Барут поправится, — сказал он сухо. — Через некоторое время будет на ногах. Семья точно будет признательна тебе, Ирма.

Староста кивнул алхимику, но его глаза остались холодными. Тот так же кивнул в ответ и скрылся у себя в избе.

Я же выдохнул, чувствуя, как тяжесть в груди чуть отпустила.

Ирма посмотрела на Ефима и скрестила руки на груди.

— Слушай, Ефим, ты староста, согласна, но ты же не один у нас, да? Вот Барут-то ранен смертельно был, да ещё и в дуэли с Виолой. Может мы не будем говорить о наших внуках? Боюсь предположить, что только могла бы сделать его семья, которая в совете старейшин деревни, и какие были бы проблемы, умри парнишка.

А ведь правда, Ефим наверняка рад. Ему нужно было, чтобы Барут выжил — из-за внучки, Виолы, которая участвовала в дуэли. Вот почему он здесь. Интересно, когда парень очнётся, что будет дальше?

Староста улыбнулся, но улыбка была тонкой, как паутина. Он кивнул, будто соглашаясь, но я заметил, как его пальцы сжали пояс.

— Ирма, ты полезный человек в нашей деревне, но тебе бы следовало следить за языком, не правда ли? — его улыбка стала ещё шире. — В конце концов, Барут оскорбил её честь и получил вызов. И его ранила его же кошка, с которой он абсолютно не был готов управляться. Эго, знаешь ли. Вот прямо как у твоего Максима.

— Моё эго в полном порядке, староста, не переживайте, — я кивнул и улыбнулся в ответ. — Вы знаете, мы неплохо помогли Баруту и спасли ему жизнь. Бабушка даже пожертвовала ради этого огнежар.

— Максим, постарайся, чтобы в деревне я тебя больше не видел. Предупреждаю в последний раз. Не переживай, как только лекарь объявится, дам тебе знать, — проигнорировал мои слова староста, развернулся и неторопливо пошёл прочь.

Когда он скрылся за углом, я повернулся к Ирме. Очень хотелось обсудить эту ситуацию.

— Почему Ефим так хочет меня из деревни выгнать? Неужели он не видит, что болезнь если и была, то сейчас её нет?

Ирма вздохнула, глядя куда-то вдаль. Ее лицо смягчилось, но в глазах мелькнула тень тревоги.

— Чёрт знает что, мне-то откуда точно знать, чего там эти богатеи думают! Вижу просто, что в норме ты, не хвораешь! — она покачала головой. — Ох, не знаю, Максим. Ефим — хитрый лис, всегда был таким. Думаю, он прекрасно знает, что ты не болен, но что-то его гложет. Слишком уж он серьёзен, и это мне не нравится. Давай-ка ты пока в деревне не появляйся... А там... Зверолову, да ещё и старосте, доверие жителей огромное, не будем усугублять, понял? Сиди пока тихо!

Я кивнул и развернулся, намереваясь пойти домой. Тело жутко ныло и хотелось просто лечь в кровать.

— Максим! — окликнула меня бабка. — Подойди-ка, кой-чего расскажу.

— Да?

Старуха взяла меня под руку и повела в сторону моего же дома. Она улыбнулась, но в улыбке было что-то грустное.

— Тебе восемнадцать лет скоро, да и все эти дела со старостой... Расскажу тебе кое-что важное. Твой отец, он был... особенным. Моим сыном! С характером. Ух, как со мной огрызался, сорванец. Но сильный, стойкий!

Я почувствовал себя неловко. В груди росло теплое чувство, смешанное с гордостью. Отец Макса был хорош, и ему это явно нравилось. Тем временем голос бабки чуть дрогнул, но она продолжила:

— Он не просто зверей ловил — он их понимал. Знаешь, как быстро приручал диких тварей? У-у-у-у. А каких! Он быстро развивался. Однажды привёл к вам домой Клювожора! Представляешь?

— А? — недоумённо вымолвил я. — Что-то такого не помню.

— Вот тебе и «А»! Ты мелкий тогда был совсем, не помнишь. Но старосте не нравился потенциал твоего отца. Все боялись дышать, когда на Клювожора смотрели, зверюга была третьей ступени. А отец твой подходил, что-то шептал, и тот лежал у его ног, как собака.

— Староста завидовал? — удивился я.

— Он тогда и старостой-то не был, Максим. Просто опытный Зверолов, которого твой папа обогнал по мастерству! Это сейчас Ефим третьей ступени, а тогда до твоего отца далеко ему было. Я это к тому говорю, что не лезь-ка ты к этой дряблой лисе, понял? Вот лекарь придёт со своим специальным питомцем, всё наладится.

Я кивнул, но тут же пришла другая мысль: если Ефим знает, чей я сын, может, он боится, что стану таким же? Не хочет, чтобы сын конкурента занимался этим ремеслом? Подмечать детали и тонкости — моя профессия, так что сразу вспомнил его взгляд на мои татуировки.

— А неплохой у тебя тайник, — сказал я, меняя тему. — Двойное дно. Могла бы и сказать.

Ирма нахмурилась, но потом махнула рукой.

— Нашёл и молодец. Если б не нашёл, я была бы разочарована. И нечего старуху учить что ей делать. Может проверить тебя хотела? — она замолчала, глядя на горизонт. — Ладно, Макс, это потом. Иди домой, день и так вымотал.

Я же решил, что где-то в глубине души бабка просто надеялась, что я не найду огнежар. Но спорить не стал — тело гудело.

Когда добрался домой, в нос ударил запах еды — тёплый и густой. Мама хлопотала у печи, ее движения были быстрыми, но выверенными, как у человека, который знает каждый угол своего хозяйства, как собственные ладони.

На столе уже дымилась миска с гречневой кашей, правда мяса было едва ли. Эх... непо-рядок.

Рядом стояла плошка с пахнущей квашеной капустой и пара ломтей ржаного хлеба. Я сел за стол, чувствуя, как желудок урчит, а мышцы ноют, будто весь день рубил дрова.

Ольга посмотрела на меня, ставя передо мной кружку с липовым чаем, от которого шёл пар, пахнущий медом. Её усталые глаза заметили больше, чем хотелось показать — и мою сутулую спину, и то, как я вымотался.

Она посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнула тревога.

— Все нормально, сынок? Что вы там делали? Что с Барутом?

Я отхлебнул чай и ответил, стараясь говорить ровно:

— Уже знаешь? Всё в порядке, живой, пойдёт на поправку. Алхимик вылечил.

Не хотелось рассказывать про Ефима — зачем заставлять её нервничать? Она и так волновалась за меня больше, чем за своё хозяйство. Жалко её — женщина и без того вымоталась. Поэтому решил сменить тему.

— А тебе отец рассказывал что-нибудь про своё ремесло? — спросил я, глядя в тарелку. — Про то, как он их приручал?

Ольга замерла — её пальцы сжали край стола. Она покачала головой, будто отгоняя мой вопрос.

— Макс, не начинай, — сказала она тихо. — Отец твой был хорошим человеком, но этот путь... опасный. И я не хочу, чтобы ты по его стопам пошёл. Найдём тебе дело поспокойнее, сынок. То, что у тебя татуировки, ещё не значит, что ты обязан всё это делать.

Я медленно кивнул, но в голове уже назрел план. Спорить с ней бесполезно. Лучше показать делом. Докажу, что могу быть Звероловом, и Ольге придется с этим смириться — Ирма поможет. Но пока — молчок.

Сейчас в голове крутился вопрос, который я не мог отогнать — как назойливая муха. Я откусил кусок хлеба, жуя медленно, и решил спросить.

— А почему мы живем здесь, в этой части деревни? — начал я, глядя в кружку, в которой плавали травинки. — Разве Звероловы, вроде отца, не могли заработать столько, чтобы жить иначе?

Не то, чтобы мне было это важно. Скорее хотелось больше знать о том, как здесь всё устроено. Макс такими вопросами не заморачивался, а после смерти отца было поздно.

Ольга замерла, и её пальцы, загрубевшие от работы, сжали полотенце, которым она вытирала стол. Она посмотрела на меня, и в ее глазах что-то мелькнуло — то ли грусть, то ли воспоминание. Потом она улыбнулась.

— Ты думаешь про «богатый» район, да? — начала она, садясь напротив и пододвигая миску с капустой. — Да, там всё иначе. Богачи живут отдельно. У них дома из камня, с резными ставнями, которые стоят дороже, чем наш дом целиком, ха-ха. У родителей Барута, к примеру, есть лошади — не простые клячи, а породистые, с гривами. Вроде бы одна даже магическая...

Но это не просто так. Там Мастера все живут, питомцы всех видов лучших ступеней развития, а значит и польза деревне больше, и торговлей промышляют. Старейшины тоже там... Да и Звероловы вроде Григория и старосты.

Я слушал, жуя кашу, и перед глазами вставали картины этого «богатого» квартала. Макс видел его раньше. И вправду, Мастера в «обычной» части деревни не жили.

Там даже запах был другой — не дров и земли, как у нас, а какого-то дорогого масла и цветов. У нас тут все проще. Дома из брёвен, крыши латанные соломой, во дворах у многих — куры, свиньи, да козы. Кто-то варит мыло, пахнущее дёгтем, кто-то плетёт сети для рыбаков. Торговля — рынок, где торгуют овощами, рыбой и травами, что собирают в лесу. А вот богачи торговали по всему королевству. Богатый тут лес, ничего не скажешь.

Но мне наш квартал ближе.

— Да, но ты не ответила на мой вопрос, — уточнил я.

Мама вздохнула и снова улыбнулась, но теперь в улыбке было что-то теплое.

— А ты взрослеешь. Послушай, Максим, твой отец не хотел жить там, — сказала она, и голос ее был тихим. — Он всегда говорил, что ему лучше на отшибе, подальше от людей. У него был дар. Настоящий. Он заходил в лес глубже, чем другие Звероловы. Он ловил таких тварей, от которых местные шарахались, и зарабатывал он хорошо, уж поверь. Всё откладывал деньги на своё же ремесло, хотел расшириться... Но заигрался.

Она замолчала, и слово «заигрался» упало, как камень в воду, оставив круги в моих мыслях. Я увидел, как её пальцы сжали полотенце сильнее.

— А что случилось потом?

— Ты что это столько вопросов сегодня задаёшь?! — удивилась Ольга.

— Так ведь долго болел, вот и хочу всё узнать, — я пожал плечами. — Расскажи, это ведь не секрет?

Женщина пристально и довольно долго смотрела на меня, потом кивнула.

— Налог на эту землю достаточно дорогой для меня, сынок. Барон приезжает раз в полгода и забирает дань. Я бы давно обменяла её, но кому нужно разрушенное хозяйство Зверолова на отшибе? Да и, если честно... — она замаялась.

— Что? — мягко, но настойчиво надавил я.

— Эх, старуха эта отговорила, Ирма. Теперь жалею, — Ольга тяжело вздохнула.

— А почему ты не стала Мастером?

— А что, должна была? — женщина горько усмехнулась. — Мне и так хватало зверей вокруг, отцу же нужно было помогать. Да и никогда не лежала к этому душой. Кто же знал, что всё так обернётся.

Я замолчал не зная, что сказать, а она вдруг продолжила.

— Староста и Григорий теперь на охоту ходят с отрядами воинов и Мастеров, сынок. Они платят за эти услуги, ловят зверей и продают. А у нас денег на такое нет, да и ты совсем ничего об этом ремесле не знаешь. Не думаю, что Ефим согласится провести обряд, пока считает, что ты болен. Поэтому я сильно переживаю, понимаешь? Твоя уверенность быть Звероловом меня пугает. Мы живем честно, своим трудом. Как окрепнешь, пойдёшь в подмастерье кузнецу, я договорюсь.

Что ж, спорить не хотелось, но вот семечко сомнения зародить можно.

— Меня не обязательно постигнет участь отца. Ведь это был очень редкий случай, да?

— Я просто переживаю, сынок, — она покачала головой и начала убирать со стола. — Завтра весь день на работе. Вернусь поздно. Что будешь делать?

— Тренироваться. Не переживай, в лес не пойду, — ответил я, чувствуя, как усталость накрывает, будто теплым одеялом. После беготни по деревне и ужина я мечтал упасть на кровать, но прежде хотел сделать ещё кое-что.

Завтра мышцам будет несладко, нужно постараться сделать хотя бы минимум. После того как помог Ольге вымыть посуду в тазу, вышел во двор и направился в мастерскую.

Оставив дверь открытой, чтобы внутрь проникал свет, я взял серп. Повертел его в руках, ощущая, как деревянная рукоять слегка скользит в ладони, отдавая запахом старого дерева и ржавчины.

Лезвие было тупым и выглядело усталым, как и всё в этой мастерской, но я видел в нём потенциал — острый серп мог бы пригодиться во многом. Бросил взгляд на точильный камень, лежавший в углу. Он был выщербленным, с неровными краями, но всё ещё крепким, с грубой поверхностью, которая обещала справиться с задачей.

Подошёл к точильному камню, присел на корточки и положил его на верстак. Камень был тяжёлым, холодным, с тёмными пятнами от старых заточек. Его поверхность была шершавой, но местами гладкой, словно кто-то когда-то старательно работал им.

Я сделал несколько шагов к выходу, поднёс серп к свету и внимательно осмотрел лезвие. Ржавчина въелась неглубоко, и металл под ней казался прочным. Если снять верхний слой и заточить кромку, серп снова станет острым.

— Ну, давай, дружок, — пробормотал себе под нос. — Долго не упорствуй.

Хорошо, что дед учил меня в деревне всему, и умел я многое.

Взял пустое ведро, набрал чистой воды из колодца, поставил у верстака и плеснул немного на камень, чтобы смочить его. Вода стекала по поверхности, оставляя тёмные дорожки.

Мокрый камень лучше справляется с металлом. Устроился на табурете, его шаткие ножки закрипели, и крепко сжал рукоять серпа в левой руке. Правой я прижал лезвие к камню, стараясь держать угол наклона, чтобы не испортить кромку.

Первый проход был медленным, осторожным. Я провёл лезвием по камню — металл скрипит, сопротивляясь. Ржавчина начала осыпаться мелкими рыжими хлопьями, падая на верстак. Я надавил чуть сильнее, и серп издал низкий, скрежещущий звук, будто жаловался на пробуждение. Пальцы уже через несколько движений начали ныть — рукоять была неудобной, грубой, а усилие требовало напряжения. Я остановился, вытер пот со лба рукавом и осмотрел лезвие. Ржавчина начала сходить, но кромка всё ещё была тупой.

Сделал ещё несколько движений, снова прижав лезвие к камню. Звук металла о камень стал громче. Я сделал паузу, чтобы перевести дыхание, ощущая, как усталость накатывает, но дело надо довести до конца.

— Чёрт, — пробормотал с лёгким раздражением, глядя на серп. — Тупой, как пень. Надо ещё разок пройтись.

Настойчиво смочил камень ещё раз, плеснув на него воды, чтобы уменьшить трение. Лезвие начало блестеть, открывая чистый металл под ржавчиной. Провёл пальцем по кромке — она всё ещё была неровной, но уже чувствовалась острота. Мои движения стали быстрее, увереннее, но старался не спешить, чтобы не снять слишком много металла. Каждый проход сопровождался лёгким скрипом — серп оживал в моих руках на глазах.

Наконец остановился, чтобы проверить лезвие, проведя большим пальцем по кромке. Оно было острым, но не идеальным.

Я вытер руки о штаны. Отличная работа! Лезвие блестело, отражая свет, пробивавшийся через щели в стенах мастерской.

— Хорош, — пробормотал, поднимая серп и чувствуя невероятную усталость. — Чёрт с ним, не идеально, но для дела хватит.

Спустя несколько минут, после того как тщательно вымыл руки, зашёл домой. Ольга уже спала в своей комнате.

Улёгся в кровати и закрыл глаза. За окном ветер шуршал в ветвях, словно шептал. Усталость навалилась на меня, как тяжелый плащ, пропитанный дождем. В голове бурлили мысли и каждая тянула за собой другую, словно нитка за иглой.

Чёртов староста. Теперь мне нельзя в деревню, даже Ирма начала переживать — но меня этот запрет не заботил. Хотелось туда, в лес, где водятся магические звери. Изучить его, сделать своим. Проявить все свои навыки.

Много ограничений указал Ефим, даже ловить питомцев было нельзя, но, если сделать всё аккуратно... Должно сработать.

Сидеть на печи и плевать в потолок не собираюсь, тем более, когда обещанный «Звериный кодекс» заблокирован. Завтра можно подумать, как всё повернуть. Уже есть план и даже серп готов.

Я перевернулся на бок, кровать скрипнула, закрыл глаза и провалился в сон, чувствуя, как лес за окном приятно убаюкивает.

Глава 7

Утро ворвалось в мою жизнь резким стуком в дверь, будто кто-то бил молотком по старому пню. Я открыл глаза, и первое, что почувствовал, — это тяжесть в теле, словно всю ночь таскал мешки с зерном. Мышцы ныли, в особенности ноги — закономерный итог, когда носишься по деревне как гоночный болид.

Грудь саднило, будто лёгкие всё ещё пытались догнать вчерашний марафон.

Я потянулся, и кровать подо мной скрипнула. Ладони, слегка загрубевшие от вчерашних мозолей, едва заметно покалывало, как от лёгкого ожога.

Настойчивый стук повторился. Я сел на кровати — голова была ясной, но тело всё ещё ворчал, напоминая, что оно принадлежит подростку.

— Макс, открывай, леший тебя дери! А то сама зайду, забуду о приличиях! — скрипучий голос Ирмы пробился сквозь дверь. Я усмехнулся, несмотря на ломоту в теле. Старуха не из тех, кто будет церемониться, пожалуй, нужно поторопиться. Её шаги уже топали по крыльцу, и я представил, как она стоит там, сгорбленная, с корзиной трав, готовая выдать мне порцию своего ядовитого сарказма.

Я встал, подошёл к двери и потянул за ручку. Ирма ввалилась в дом, как вихрь, несущий запах трав и сырости. В руках она держала закупоренную склянку, от которой всё равно шёл знакомый запах — тот самый отвар, что я пил вчера, основанный на волчьих ягодах.

Бабка быстро взяла кружку и перелила в неё парящую жидкость.

— Привет! — я широко улыбнулся и ещё раз потянулся.

— Пей, не трюнди, — буркнула она, сунув кружку мне в руки. Мила и добра, как всегда. Её маленькие глаза, острые, как иглы, впились в меня, будто проверяя, не собираюсь ли я снова рухнуть на пол.

— И не криви рожу, как вчера. Быстро давай!

Я взял кружку, и в нос тут же ударил запах — резкий, аж зажмуриться захотелось. Опрокинул кружку, глотая отвар одним махом.

Жидкость обожгла горло, будто расплавленный воск, и прокатилась по груди. Но почти сразу почувствовал, как тепло растекается по телу, словно кто-то развёл огонь в очаге. Мышцы, которые ныли, начали расслабляться. Слабость отступала, будто её смывало тёплой волной. Это было как вдохнуть свежий воздух после дождя — чисто, ясно, бодряще.

— У тебя случайно нет удочки? — решил уточнить на всякий случай, ставя кружку на стол.

Ирма на миг замерла и разразилась гневной тирадой:

— Я тебе что, рыбак что ли? Что у тебя в голове, а? Я, по-твоему, траву на крючок собираю что ли? Обалдуй!

— Да всё-всё, — я вскинул руки, улыбаясь. — Просто уточнил. Лучше скажи, а ты сама варишь эти отвары?

Ирма хмыкнула, и её лицо расплылось в усмешке. Она скрестила руки, отчего платок ещё больше съехал, и посмотрела на меня, как на ребёнка, который спросил, почему небо синее.

— Я? Варю? — сказала она, нахмурившись. — Может староста прав, и ты заболел, а? Я травница, Максим, а не алхимик! Собираю травы, знаю, где что растёт, как сушить, как хранить. А варит это всё Ганус, он же алхимик. Я ему травы, он мне — отвары.

Я кивнул, переваривая её слова. Ганус, значит. Алхимик, который вчера колдовал над Барутом. Человек, который знает, как превратить травы в лекарство. Полезный человек. Очень полезный. Если я хочу освоиться в этом мире, ловить зверей, воспитывать и продавать их, то мне нужно знать больше. Не только о зверях, но и о том, что растёт в лесу, что можно из этого

сделать. Травы, зелья, яды — всё это может стать оружием, как хороший капкан или острый нож.

— А сколько алхимик берёт за свои услуги? — спросил я, прищурившись. Вопрос вырвался сам собой.

Ирма посмотрела на меня, и её усмешка стала шире, обнажив щербатые зубы. Она ткнула пальцем в мою сторону, будто собиралась проткнуть меня насквозь.

— Мне делает за символическую плату! — сказала она с каким-то лукавым удовольствием. — Так, давай-ка сядем! Поставлю тебе мозги на место, а то они набекрень после болезни, да?

Я не спорил и спокойно сел на лавку, разминая руки. Хорошее чувство, когда мышцы в тонусе, а слабость полностью сошла на нет. Отличный день, чтобы, наконец-то, заняться своими планами.

Тем временем Ирма села напротив:

— Думаешь, чего староста тебя за шкуру не схватил, когда ты вчера по деревне шастал? Ефим, может, и лис хитрый, но нашу семью в деревне уважают. Эх, или уважали. Твой отец был очень почитаем за свой дар, да и я — не просто старуха с травами. Знаешь сколько тут мне жизнью обязаны?

— Много? — улыбнулся я.

— Ещё как! Вот что, Макс — если б не это всё, по-другому могло быть. Ефим твердит, что твоя хворь, мол, действует не сразу, а со временем. Бред собачий, но он страшется. Другого бы за то, что нарушил указ старосты, уже наказали, а тебе, можно сказать, последнее предупреждение. Не думала я, что он так серьёзно настроен. Законы-то в стране серьёзные, а Ефим, считай, самый главный в деревне. Так что не нарушай, Макс. Большое везение дважды не работает.

Почувствовал, как в груди кольнуло — не злость, а что-то вроде досады. Но Ирма права — пока я в деревне, мне нужно быть тише воды, ниже травы. Кивнул, показывая, что понял, но в голове уже крутились мысли. Если староста так боится меня, значит, есть причина. Может, дело в отце? В его славе? Или в том, что я теперь приручитель, да ещё с красными татуировками, которые проявились раньше времени?

— Но всё-таки я не болен, — сказал твёрдо, глядя ей в глаза. — И ты это знаешь.

Ирма расхохоталась, и её смех был похож на карканье ворона, который нашёл что-то вкусное. Она хлопнула себя по колену.

— А то я не вижу, парень! — сказала она холодно, но с искрой веселья. — Ты здоров. Но Ефим — он не дурак, он всё же староста крупной деревни. Ты долго валялся, никто не знал, что с тобой. Деревня шепчется, люди боятся. Староста просто перестраховывается, и его можно понять. А на деле, кто ж его знает, болен ты или нет. Просто так думать — не по мне. Родова всё-таки.

Я почесал затылок и вспомнил про «Звериный кодекс». Эта штука всё ещё была заблокирована, и мысль о том, что нужно поймать питомца, жгла, как заноза под ногтем.

— Научишь меня? — спросил я, глядя на Ирму. — Травы, их свойства, как собирать, где искать. Я хочу знать.

Ирма прищурилась, и её взгляд стал острым. Она молчала, будто взвешивала меня на невидимых весах. Потом хмыкнула, и её лицо смягчилось, но не до конца — в нём всё ещё была твёрдость.

— Научить? — сказала она жёстко. — А ты, парень, мне ещё огнежар должен. Помнишь, как вчера клялся, что достанешь? Или уже забыл?

Снова почесал затылок, чувствуя, как кровь прилила к щекам. Огнежар. Она права. Я дал слово, а это для меня — не пустой звук. Но в её тоне было что-то ещё, что-то вроде вызова, как будто она проверяла меня.

— Не забыл, — сказал твёрдо, посмотрев ей в глаза. — Достану твой огнежар. Но ты покажи, как искать травы, на что смотреть. Я хочу учиться. Не горю желанием отправляться в опасную часть леса без знаний.

Ирма посмотрела на меня долгим взглядом, её глаза будто просвечивали меня насквозь. Потом кивнула, и её усмешка стала чуть мягче.

— Ладно, парень, — она вдруг тепло улыбнулась и на секунду превратилась в обычную милую бабушку. Но лишь на мгновение. — Сходим в лес когда-нибудь, но только в безопасную зону, понял? Там, где звери не рвут на куски за один взгляд. Покажу тебе травы, расскажу, что к чему. Но не жди, что за тебя всё делать буду. Лекарь проверит и пойдём.

Я кивнул — наконец-то сдвинулся с мёртвой точки!

Безопасная зона — это не глубина леса, там можно многому научиться и начать моё знакомство с местной природой. Я привык подмечать детали: сломанную ветку, примятый мох, запах в воздухе. Здесь должно быть то же самое, в общих чертах. Да, всё другое, но можно выучить любой лес.

Однако мысли вернулись к «Звериному кодексу» и огнежару.

А ведь система показала мне информацию о цветке, но не о других травах, что были в избе Ирмы. Почему? Может, потому что большинство трав для меня пока бесполезны? Кодекс, похоже, заточен под Звероловство, а не под травничество. Конечно, это не значит, что заниматься алхимией — бесполезно, это точно нужно делать.

Но нужно правильно выстроить приоритеты.

Если я активирую кодекс, поймав питомца, кто знает, какие знания он мне даст?

— Как скажешь, — в итоге ответил я. — А сегодня хотелось бы потренироваться. Надо бы в порядок себя привести. Да и ещё есть пара дел...

Ирма подняла бровь, и её лицо осветила редкая улыбка, почти тёплая.

— Потренироваться? Ну и ну! Что с тобой, парень? Всё больше напоминаешь мне сына. Он тоже не любил на месте сидеть. Молодец, Макс. Двигайся, но не переусердствуй, а то опять свалишься, и мне тебя отпаивать.

Ирма поднялась с лавки и пошла к выходу. Она повернулась к двери, но остановилась на пороге, обернувшись ко мне. Её глаза смотрели с какой-то странной смесью гордости и грусти.

— Завтра отвара не будет, травы не подсохли. Но вот что. Пора бы тебе становиться мужчиной в семье, внук, — сказала она сухо. — Зарабатывать деньги, помогать матери. Может, и старухе своей поможешь. Я, наверное, всегда буду ходить за травами, даже когда суставы скрипеть начнут, но ты — сын своего отца. Я верю, что валяться на кровати тебе в тягость. Он бы это не одобрил. А про матушку не переживай. Возьму её на себя. Делает из тебя сопляка!

Она ушла, хлопнув дверью с такой силой, что я невольно дёрнулся. Похоже для Ирмы крайне важно было наследие её сына.

Она даже не знает, насколько права.

Я никогда не был человеком, который лежит без дела. Здесь, в этом теле, чувствовал то же самое — потребность двигаться, делать, доказывать самому себе, что могу. А вот Макс, чьё тело я занял, не задумывался о таких вещах, мелкий совсем был. Смерть отца изменила его, заставила мечтать о Звёздном Волке, о том, чтобы стать мужчиной в семье. Но он был слишком юн, слишком горяч, пошёл на очень необдуманный поступок.

Я вышел во двор, утренний воздух, уже нагретый солнцем, обволакивал кожу, словно тёплое одеяло. Жара накатывала, как волна, — липкая, густая, с запахом пересохшей травы и горячей земли.

Солнце палило, и я, не раздумывая, стянул рубаху, бросив её на покосившийся забор. Кожа, бледная, как у мальчишки, который месяцами не вылезал из постели, тут же покрылась лёгким потом.

Я оглядел хозяйство, и в голове щёлкнуло — всё это можно использовать. Не для силовых подвигов — не собирался таскать брёвна, как учил меня дед. Не сейчас! Начинать надо с малого, лишь чтобы разбудить тело, заставить его вспомнить, как двигаться слаженно, как дышать в ритме.

Начал с разминки.

Наклоны, повороты туловища, круги плечами — мышцы скрипели, как несмазанные петли, но постепенно разогревались. Пот стекал по вискам, солнце жгло спину, кожа горела, но это было даже приятно. Я перешёл к растяжке: присел у забора, упёрся руками в шаткую доску и потянул спину. Доска скрипнула, но выдержала.

Рядом с сараем лежал тяжёлый деревянный брус — использовал как опору. Упёрся руками, ноги вытянул назад, и начал отжиматься, но не до упора, а плавно, чтобы почувствовать, как работают плечи, грудь, пресс. Продолжал достаточное количество времени, считая в уме: раз, два, три. Дыхание сбивалось, лёгкие горели, но я заставлял себя дышать ровно, как давно умел. Десять раз, потом отдых.

Дальше — ноги. Взял верёвку из мастерской и натянул её между двумя столбами забора, не высоко, чуть выше колена, и начал перешагивать, как через низкую преграду. Шаг влево, шаг вправо, стараясь держать равновесие. Верёвка слегка провисала, но это даже помогало — заставляло следить за каждым движением, чтобы не запнуться.

Для спины и пресса использовал старую бадью, что стояла у колодца. Пустая, но крепкая, из потемневшего дерева. Я лёг на спину прямо на траве, закинул ноги на край бадьи и начал поднимать корпус, чувствуя, как мышцы живота напрягаются.

Жара делала всё тяжелее, будто солнце давило на грудь, но я считал повторения — десять, пятнадцать, двадцать. На последнем выдохе остановился, лёг на землю, раскинув руки, и посмотрел в небо. Оно было ясным, голубым, с редкими облаками. Взгляд метнулся дальше и остановился на чёрном «Расколе». Я нахмурился. Пожалуй, хватит с физкультурой на сегодня.

Сердце колотилось, но ровно, как хороший мотор. Чувствовал, как кровь бежит по венам — как тело, хоть и слабое, начинает оживать.

А ведь замечательное тело! Молодое, которое может стать очень сильным. Ощущения — невероятные, только тренируйся и тренируйся!

Я встал и подошёл к колодцу. Взялся за рукоять и начал медленно крутить. Не для того, чтобы поднять воду, а чтобы почувствовать, как работают плечи, как напрягаются руки. Движение было плавным и ритмичным. Ведро поднималось, скрипя, и я почувствовал, что делаю это гораздо легче, чем вчера.

Через полчаса остановился, тяжело дыша. Пот стекал ручьями, кожа блестела, как отполированное дерево. Я чувствовал себя живым, будто впервые за долгое время. Мышцы гудели, но не от боли, а от работы, как двигатель, который наконец завёлся. Прислонился к забору, взял ведро и с удовольствием выплеснул на себя колодезную воду.

Затем опёрся на колодец руками, слегка поёжившись от холодной воды — она стекала по шее и груди, оставляя за собой мурашки. Тело чуть гудело после разминки, но в голове уже крутились мысли чем заняться дальше. Привести хозяйство в порядок, помочь семье — само собой. Но главное для всего этого — поймать питомца.

Быстро вытер ладони о штаны, грубая ткань чуть царапнула кожу, и оглядел двор. Разруха, конечно, знатная. Сарай покосился, огород зарос, мастерская завалена хламом. Но в этом хламе можно найти что-то полезное. Удочка — вот что мне нужно.

Рыба на ужин не помешает, конечно, но важнее...

Горноста́й. Именно его можно поймать без особых трудностей.

И для его поимки рыба и нужна. Память Макса подсказывала, что эти звери водятся в безопасной зоне леса, недалеко от деревни. Полезный зверь, не боевой, но ценный. Если пой-

мать такого, можно не только разблокировать кодекс, но и получить его способности. А там, глядишь, и до более серьёзных зверей доберусь.

Рисковать как парнишка и бросаться в глубь леса, ничего не зная о природе — глупо. Так что начать нужно постепенно.

— Горноста́й, значит, — пробормотал я себе под нос, привычно бурча, как делал это, когда жил один и был занят делом. С семьёй не сложилось, хоть и было одно серьёзное увлечение. Но когда та дама настояла, чтобы я сменил работу...

Что ж, тут-то всё и закончилось. Бросить любимое дело, чтобы осесть в какой-то квартире? Да для меня это была настоящая пытка, а она этого так и не поняла, хоть я и предлагал ей достойные компромиссы. А потом до чего-то серьёзного ни с кем не срослось.

Так, не туда понесло.

Зверь!

Маленький, юркий, хитрый. Любит мясо, рыбу, птичьи яйца. Прячется в норах, под корнями. Реагирует на запахи, но осторожный, сволочь. В памяти Макса не было информации о повадках этих «полезных» питомцев, придётся полагаться на свои знания. Надо ловушку делать крепкую, чтобы не сбежал.

И мне это нравилось. Новый вызов, всё с нуля!

Прежде чем начать — вернулся в дом. Покушал каши, которую приготовила Ольга, и решил начать с удочки, пока полон сил. Это самое сложное. Нарыл в памяти информацию, что в речке, за склоном, в полукилометре от нашего хозяйства, водится мелкая рыба, вроде плотвы или окуньков. Этого хватит.

Прошёл к мастерской — дверь скрипнула, когда толкнул её, и в нос ударил запах старого дерева, ржавого металла и сырости. Внутри было темно, свет пробивался только через щели в стенах, рисуя тонкие полосы на пыльном полу. Остановился, давая глазам привыкнуть, и начал осматривать, что есть в наличии. Верстак завален обломками инструментов, в углу — куча прогнивших досок. На полке — пустые глиняные горшки и несколько гвоздей, покрытых рыжей коркой. Негусто, но работать можно.

Подошёл к верстаку, провёл пальцем по его краю, смахивая пыль, и задумался. Удочка — штука простая, но требует точности. Нужен прут, леска, крючок и грузило. Прут можно найти у реки, леску заменит верёвка, если распустить её на нити. Крючок — вот с ним будет сложнее. Грузило тоже, но тут можно обойтись камнем.

— Так, прут первым делом, — буркнул я, потирая подбородок. — Длинный, гибкий, не ломкий.

Ива подойдёт, она у речки растёт. Верёвка есть, но тонкая нужна, чтобы не порвалась. Крючок... чёрт, крючок. Может, из гвоздя попробовать?

Я взял один из них с полки, повертел его в руках. Металл был ржавый, но крепкий, не крошился. Если загнуть, может выйти что-то похожее на крючок. Но чем гнуть? Молоток без ручки — не вариант, да и наковальни в кузнице нет. Я нахмурился, забрал с собой наточенный серп и вышел из здания.

Направился к иистой речушке, что текла за огородом. Солнце припекало, и пот снова начал стекать по спине. Земля под ногами была мягкой, местами вязкой, и я старался не наступать на грядки, где мать сажала картошку. У самой воды росли ивы, их тонкие ветви свисали, касаясь поверхности, будто пальцы, проверяющие температуру.

Присел на корточки, оглядывая деревья. Нужен был прут — длинный, около двух метров, гибкий, но не слишком тонкий, чтобы выдержал рыбу. Я потянул за одну ветку, но она оказалась чересчур хрупкой, треснула, едва её согнул. Я цыкнул, отбросил её в сторону и пошёл дальше, приглядываясь. Вторая — вот она показалась подходящей. Я потянул, проверяя упругость, и ветка мягко прогнулась, не ломаясь.

— Эта пойдёт, — пробормотал и аккуратно срезал её серпом, стараясь не повредить кору. Затем очистил от мелких побегов. Прут получился гладким, чуть изогнутым, но крепким. Половина дела сделана.

Вернувшись в мастерскую, положил прут на верстак и взялся за верёвку. Она была грубой и пахла пылью. Я распустил её на отдельные нити, сидя на табурете, чувствуя, как пальцы начинают ныть от работы. Нити получались неровные, местами рвались, и я невольно чертыхнулся, когда одна из них порвалась в руках.

— Чёртова верёвка, — пробормотал, откладывая её и потирая ладони. — Надо тоньше, но крепче. Может, расплести ещё раз?

Взял другой кусок верёвки, более тонкий, и начал распускать его медленнее, аккуратно отделяя волокна. Это заняло время, пот стекал по лбу, и я вытер его рукавом.

Очень трудоёмкий процесс!

Не знаю сколько прошло времени, но получилась тонкая, но прочная нить, почти как леска. Я отмерил около трёх метров, свернул её в моток и отложил. Не хотелось бы повторять такую процедуру ещё раз!

Итак, крючок — следующая проблема, но уже не такая серьёзная. Проволоки в мастерской я не видел. Тут даже тонкого металла не было. Зато имелись гвозди. В углу, под щепками, подходящей длины — сантиметров пять, но тупой и ржавый.

Ладно, сойдёт.

Сел у плоского камня во дворе, начал затачивать, скребя о шершавую поверхность. Заточка заняла минут двадцать, плечи горели, я пыхтел как паровоз, но гвоздь стал острым.

Теперь согнуть. Тисков нет. Зажал его между двумя камнями, давя ногой, и гнул, надавливая железкой. Металл поддавался медленно, я чуть не порезался, но крючок сделал. Да, кривой, но острый.

— Ну, с этим разобрались. Теперь грузило.

Вышел во двор и начал искать подходящий камень. У речки их было полно — гладкие, отшлифованные водой. Я присел у берега, перебирая камни, пока не нашёл один, размером с куриное яйцо, но плоский. Он был тяжёлым, но не слишком, леску не порвёт. Вернулся в мастерскую и принялся за последнюю часть работы. Взял самодельную леску и начал аккуратно обматывать камень, следя, чтобы узел получился надёжный. Обвил несколько раз вокруг самой узкой части камня, затем туго затянул и проверил на разрыв — держится крепко. — Ну вот, — пробормотал, потягивая за импровизированное грузило. — Не оторвётся.

Посмотрел на своё творение: ивовый прут, самодельная леска из распущенной верёвки, кривоватый, но рабочий крючок и каменное грузило. Не шедевр, но работать должно. Чувствовалось удовлетворение от собственного труда, но усталость давала о себе знать. Спина ныла и желудок начал урчать, напоминая, что время не стоит на месте.

Пора перекусить.

В доме было душно, пахло хлебом и сушёными травами. Каша уже давно остыла, но была вкусной, с лёгкой горчинкой от трав, которые мать добавляла. Оставшаяся со вчера квашенная капуста хрустела на зубах, кислая, но освежающая. Я налил кружку липового чая из кувшина, стоявшего на полке. Пил его медленно, чувствуя, как тепло растекается по груди. Еда придала сил, но мысли всё равно крутились вокруг будущей охоты.

Рыба — хорошая приманка, но надо, чтобы запах был сильный. Может, тухлую взять? Нет, свежая лучше, тухлятину он может обойти. Или здесь всё наоборот?

Память Макса подсказывала, что горностаи в этом мире похожи на обычных, но с магией Раскола в них было что-то ещё. Они могли быть быстрее, умнее, с какими-то различными способностями. Может, шкурки их ценятся? Или они травы редкие находят? Кодекс бы подсказал, но он молчит, пока не поймаю зверя.

Я отхлебнул чай, его сладость смягчала кислоту капусты.

Если поймаю горностаю, смогу продать его или использовать для хозяйства. Ольга перестанет надрываться, а я смогу начать путь Зверолова.

— Ловушка, — пробормотал я, ставя кружку на стол. — Так, нужна клетка или силки. Клетка надёжнее, но сложнее. Силки проще, но горностаю может вывернуться.

Выйдя во двор, вновь набрал воды из колодца и умыл лицо. Солнце уже клонилось к закату, и жара спадала. Сколько уже времени прошло? После еды клонило в сон, но я умылся ещё раз и потряс головой.

Вернулся в сарай, чувствуя, как усталость накатывает тяжёлыми волнами, будто кто-то повесил мне на плечи мешок с камнями. В руке был только заточенный серп.

И как, а точнее, какую ловушку на горностаю можно сделать?

Пригодных досок в сарае не было, только щепки и обломки, разбросанные по пыльному полу. Я присел на корточки, потирая ноющие ладони. Ловушка должна быть лёгкой, но прочной, чтобы зверёк не прогрыз стенки и не выскользнул. Плетёная клетка из ивовых прутьев — первое, что пришло в голову, но без верёвки и гвоздей всё усложнялось.

— Плетёная ловушка — слишком долго, — пробормотал я, оглядывая сарай.

Но как сделать, чтобы захлопнулась? Камень как противовес? Нужна подходящая верёвка, но из чего?

Я вспомнил огород — там росло полно травы, может, что-то подойдёт для этих целей? Сил плести не было, но вдруг найдётся что-то готовое, прочное? Вышел наружу, чувствуя, как ноги гудят.

Сорняки в огороде здесь стояли стеной, некоторые по пояс. Я присел, разглядывая траву. Сначала подумал о крапиве — её волокна прочные, жгучие, но не страшно, можно и без перчаток нарвать. Пожжёт, да пройдёт.

Раздвинул стебли серпом, стараясь не порезаться. Среди зелени мелькнуло что-то знакомое — высокая трава с длинными, тонкими стеблями, похожими на крапиву, но без жгучих волосков. Листья были узкими, чуть шершавыми, а стебли — гибкими, но упругими, как тонкие верёвки.

— Это что, лебеда? — растерянно пробормотал я, трогая стебель. — Нет, точно нет.

Похоже на крапиву, но не жётся. Никогда такую траву раньше не видел.

Сорвал один стебель, потянул — он выдержал, не порвался.

Похоже, что это можно использовать как верёвку. Я провёл пальцами по стеблю — он был прочным, слегка липким от сока, но не ломким.

Срезал серпом несколько штук, проверяя их на разрыв. Один оказался слишком тонким, порвался сразу. Другой был толще, но внутри гнилой — не годится. Наконец, я нашёл несколько крепких, около метра длиной. Они не рвались, даже когда дёрнул посильнее.

— Сойдёт вместо верёвки, — пробормотал себе под нос и вернулся к иве у реки, чтобы нарезать прутья для каркаса.

Решил сделать простую ловушку — каркас с дверцей, которая захлопнется под весом камня. Серп врезался в ивовые ветки с хрустом, но лезвие иногда соскальзывало, и чуть не порезало руку. Я чертыхнулся, но продолжил, срезая тонкие, гибкие прутья. Некоторые были слишком хрупкими, ломались при сгибе. Другие — слишком толстыми, не годились для лёгкой конструкции. Наконец, я набрал десяток подходящих и потащил их в сарай.

Там свалил прутья на пол и сел рядом, чувствуя, как сердце колотится от усталости. Решил просто связать прутья в каркас, без хитростей — даже если с первого раза не получится поймать зверя, понаблюдаю за его поведением. А тратить сейчас остаток сил на более мощную ловушку — просто бессмысленно. Не выйдет с этой, тогда уж и подумаем.

Едва я взялся за первый прут, как внезапно из мастерской донёсся шум.

— Что за?..

Я замер, прислушиваясь. Показалось?

Сердце стукнуло сильнее, в голове мелькнула мысль, что лучше проверить. Мало ли что? Если угроза, не хотелось бы подставлять Ольгу.

Медленно поднялся, сжимая серп в руке, вышел из сарая и шагнул к мастерской. Дверь была открыта, как её и оставил. Я осторожно шагнул вперёд.

Внутри, в полумраке, среди кучи хлама, что-то шевельнулось.

Два жёлтых глаза вспыхнули в темноте, как факелы, и я почувствовал, как по спине пробежал холод.

Это была кошка!

Огромная, размером с крупного пса, с холкой почти по мой живот. При моём-то росте! Её полосатая шерсть блестела в тусклом свете, пробивавшемся через щели.

Зелёные когти, длинные и острые, как кинжалы, сверкали блеском, царапая деревянный пол. Хвост хлестал по земле, поднимая облачка пыли, а кончики клыков, обнажённые в рыке, были такими же зелёными, как когти.

— Rrrrrrrrrrr.

Я сразу понял — это сбежавший питомец Барута.

Та зверюга, что разодрала своего Мастера на дуэли.

Когти зелёные не просто так — тот самый яд. Один удар — и мне конец.

Звериный кодекс: Информация о звере недоступна.

Эволюционный ранг: G.

Уровень зверя: 9.

Глава 8

— Р-р-р-р-р-р-р.

Кошка прижалась к полу, готовясь к прыжку, мышцы напряглись. Рык стал громче, горловым, почти оглушающим в тесной мастерской.

Я почувствовал, как инстинкты вспыхнули в голове.

Нельзя поворачиваться спиной — это спровоцирует атаку. Нельзя бежать — догонит.

Надо двигаться медленно, не показывая страха. Но она будто и сама боится, не рвётся вперёд, лишь предупреждает.

Я чуть согнул колени, держа серп перед собой, не как оружие, а как барьер. Глаза не отрывал от её глаз, стараясь не моргать. Шаг назад, медленный, плавный, чтобы не спровоцировать.

— Спокойно, — сказал я тихо, почти шёпотом, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Кошка Барута рыкнула ещё громче, её уши прижались к голове, а зелёные когти впились в пол, оставляя глубокие борозды. Я сделал ещё один шаг назад, чувствуя, как пятка касается дверного проёма. Сердце колотилось, но я держал себя в руках. Разум холодный, паники нет — хищник чувствует страх, но уважает спокойствие. Ещё шаг — и оказался за порогом.

Она дёрнулась, но не прыгнула, только зашипела, обнажая клыки. Я медленно потянул дверь на себя, не отводя взгляда. Она скрипнула, и кошка напряглась, но я успел захлопнуть её и задвинуть засов, который, к счастью, был на месте.

БАХ!

Глухой удар с той стороны — кошка бросилась на дверь, но она выдержала.

Я отступил назад и замер.

В горле пересохло, а ладонь, сжимавшая рукоять серпа, онемела от напряжения.

Вот это зверюга!

Впервые я видел такое существо — магическую тварь, в которой чувствовалась не просто животная сила, но что-то большее, почти разумное. Это нечто с характером, с волей, с искрой, которую нельзя просто так погасить.

Заставил себя дышать медленнее, глубже, чтобы унять гул в голове.

И что делать? Эта кошка — не просто сбежавшая собака. Она смертельно опасна. Чуть не разорвала своего хозяина на дуэли, и теперь сидит здесь!

Я мог бы побежать в деревню, позвать старосту, кого угодно. Они заберут её, а потом... А потом убьют, вряд ли Стёпа придумывал на ходу, когда рассказывал мне.

Да, я убивал животных раньше и относился к этому как к работе. Это было частью моей жизни и необходимостью. Но эта кошка... Она же не просто зверь. В её глазах я видел не только ярость, но и что-то ещё — гордость, упрямство и... смятение? Будто бы она осознавала свой поступок и пряталась.

Убить её только за то, что Барут не смог её укротить? Отдал неправильную команду? Я догадывался, что всё не так просто. И не простил бы себе, если бы сдал её, зная, что ждёт этого зверя. Она не виновата, что её хозяин оказался слабаком, если это вообще правда.

У неё есть характер, своя воля, и я чувствовал, что уничтожить её — значит предать что-то важное, что-то, что я сам в себе уважаю. Нет, не позволю, чтобы её убили. Не могу так поступить.

Но что тогда делать? Приручить её?

Мысль вспыхнула, как искра в сухой траве, и я невольно сжал кулаки.

Это был бы шанс! Первый питомец, да ещё такой!

Если я смогу её подчинить, это не только разблокирует этот чёртов «Звериный кодекс»... Но как? Я посмотрел на свои руки, на красные татуировки, что вились по запястьям, едва заметно пульсируя. Как их использовать?

Была и ещё одна проблема. Держать её взаперти долго не получится. Ей нужна еда, вода, возможно место, где она не будет чувствовать себя загнанной. А я даже не знаю, как подступиться к такому зверю.

Прижал ухо к двери, прислушавшись.

Тишина.

Ни рыка, ни скрежета когтей, ни ударов о стены. Странно. Эта кошка только что готова была броситься, а теперь затихла. Я стиснул зубы, чувствуя, как напряжение сковывает плечи. Открывать дверь — себе дороже. Один удар этих зелёных когтей, и я мёртв.

Но оставлять её там без присмотра тоже нельзя. Если вырвется, то натворит дел... Почему она пришла сюда, в мастерскую? Из-за того, что наше хозяйство на отшибе, подальше от людей? Пряталась здесь?

Я отошёл от двери, стараясь двигаться тихо, чтобы не спровоцировать зверя. Надо было проверить мастерскую снаружи, убедиться, что кошка надёжно заперта. Обошёл постройку, внимательно оглядывая стены. Доски были старыми, местами потрескавшимися, но в целом крепкими.

Присел на корточки у основания мастерской, где заметил узкую щель между досками — сантиметров двадцать в длину и шириной с палец. Она была небольшой, но достаточно коварной: если кошка начнёт скрести, то, учитывая её силу, щель могла превратиться в полноценный лаз за пару часов.

Провёл пальцами по краю доски, ощущая влажную, слегка подгнившую древесину, которая крошилась под ногтем. Сердце стукнуло быстрее — выпускать эту тварь наружу нельзя, но и тревожить её, стуча молотком или вбивая гвозди, было бы глупо.

Надо заделать, но тихо. Задумавшись, потёр подбородок. Оглядел двор в поисках чего-то подходящего. Взгляд зацепился за кучу земли у огорода, где Ольга копала грядки. Земля была влажной, глинистой, плотной — то, что нужно.

Направился к огороду — у колодца стояла старая потрескавшаяся бадья, и рядом с ней лежала куча глины. Я присел, зачерпнул горсть — она была холодной, липкой, с мелкими комочками, которые крошились между пальцами. Это лучше, чем стучать гвоздями. Набрал полную пригоршню и вернулся к мастерской.

Присев у щели, аккуратно начал втирать глину в зазор между досками. Скрыть щель от глаз хищника, и он не полезет.

Пальцы скользили по влажной поверхности, и я старался не давить слишком сильно, чтобы не издать ни звука. Глина ложилась плотно, заполняя щель, как тесто в форму. Я размазывал её большим пальцем — она прилипала к древесине, закупоривая проход. Работал медленно, прислушиваясь к тишине. Кошка не рычала, не скреблась — это успокаивало, но я всё равно держался настороже. Закончив, провёл пальцем по замазанной щели — глина держалась крепко, а поверхность была гладкой, почти незаметной.

Поднялся, прошёл к колодцу и тщательно вымыл руки. Теперь мои мысли двинулись в другом направлении. Если я хочу попытаться приручить зверя, то нужно хотя бы понять, как это делать. Возможно, нужен зрительный контакт? Или добиться расположения и покормить?

Я обошёл мастерскую ещё раз, проверяя другие стены. У задней, где доски были прибиты реже, я заметил ещё одну щель между двумя досками, чуть шире пальца. Но на этот раз она была высоко, начиналась на уровне моих глаз.

Через неё я смог заметить движение внутри. Замер, прищурился и увидел в темноте жёлтые глаза. Они смотрели прямо на меня, неподвижные, но полные силы, будто зверь знал, что

я здесь, и оценивал меня. По спине пробежали мурашки от какого-то странного волнения. Ощущение, которое я раньше не испытывал. Что это за чувство?

Эти глаза были не просто звериными — в них была глубина, словно кошка пыталась понять, кто я такой и что мне нужно.

Стоп-стоп-стоп, что это такое?!

Я ощутил, как татуировки на запястьях начали гореть.

— ССССССССС, — тихое шипение сорвалось с моих губ.

Тёплое, глубокое, почти живое, чувство — будто кто-то разжёл внутри меня огонь.

Посмотрел на руки, и красные, как свежая кровь, узоры, запульсировали ярче. Я чувствовал, как сила течёт по венам, горячая, бурлящая, но... неполная. Она была, как река, которая только начинает разливаться, но ещё не может снести всё на своём пути. Стиснул кулаки, ощущая, как кожа натянулась на костяшках...

Внезапное ясное знание сформировалось в голове — эта кошка мне не по зубам. Не сейчас.

Сила татуировок была реальной, я чувствовал её, как ток, бегущий по проводам. Но её было слишком мало, чтобы подчинить такого зверя. Это как пытаться удержать бурю в ладонях — она просто вырвется и раздавит тебя.

Отступил от щели, чувствуя, как сердце колотится быстрее.

— Чёрт, этот зверь слишком серьёзен. Я не готов.

Но мысль о том, чтобы приручить её, не отпускала. Если смогу... если найду способ... Это изменит всё. Барут, конечно, вряд ли будет доволен, но он ведь сам не справился с ней. Он вообще должен будет радоваться, если я возьму её под контроль. И вряд ли кто-то осмелится убить прирученного зверя Зверолова. В памяти Макса ясно значилось — трогать чьих-то зверей запрещено. По крайней мере официально...

Я покачал головой — нет, сейчас рано думать о том, чтобы обуздать кошку.

Поэтому отошёл от мастерской, вытирая пот со лба рукавом. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровый цвет, и воздух стал прохладнее, но всё ещё пах травой и речной сыростью.

Ноги гудели, спина ныла, а руки дрожали после всей этой возни. В голове крутилась мысль: хватит на сегодня. Если хочу завтра продолжить — разобраться с кошкой, горностаем, кодексом, — надо отдохнуть. Будь я собой, даже не заметил бы этой нагрузки, но это тело не привыкло к такому труду.

Каждый шаг отдавался в мышцах, словно я весь день ворочал брёвна. Кошка в мастерской потерпит — никуда она не денется, крепкий засов не даст ей вырваться. А мне нужны силы, чтобы завтра не свалиться с ног.

Я поплёлся к дому, чувствуя, как холодный вечерний воздух щиплет кожу. Внутри было темно, Ольга ещё не вернулась с полей, и я был этому рад. Не придётся объяснять, почему выгляжу, как после битвы с медведем.

Плюхнулся на кровать, не раздеваясь, ощущая, как деревянная рама скрипит под весом.

Фух, я и вправду очень утомился. А завтра предстоит сделать ещё больше.

Время теперь играет против меня. Кошка не может сидеть в мастерской вечно.

Может стоит как-то расположить её к себе? Я фыркнул, представляя, как протягиваю руку к этим зелёным когтям и жёлтым глазам. Но даже если я не могу её приручить, оставить её голодной — не выход. Голодный зверь — злой зверь, а злить её ещё больше я не собирался. Ей нужно что-то, чтобы она не чувствовала себя загнанной в угол. Покормить её — это минимум, что я могу сделать, чтобы выиграть время.

Мясо. Вот что ей нужно. Что-то сытное, чтобы унять её голод. Но забирать у Ольги и без того небольшое количество такого дорогого продукта — нет, не выход.

Эта кошка явно походила на тигра, пусть и меньших размеров. А в дикой природе они едят рыбу, если она доступна, хотя это не основа их рациона. Запах свежей рыбы, скорее всего, привлечёт её внимание, так как хищники легко реагируют на сильные запахи.

Пахнувшая сеном подушка приняла голову, и я провалился в сон, не успев даже подумать о чём-то ещё.

Утро встретило меня мягким светом, пробивающимся через щели в ставнях. Я потянулся, чувствуя, как мышцы всё ещё ноют, но голова была ясной. Мамы уже не было — она, как всегда, ушла на поля очень рано.

На столе стояла глиняная миска, заботливо прикрытая чистой тряпицей. Я приподнял ткань и улыбнулся: тушёные овощи — ломти кабачка, моркови и репы, приправленные зеленью и щепоткой соли, ещё тёплые. Рядом лежал кусок ржаного хлеба, чуть подсохший, но всё ещё мягкий внутри.

Ольга и вправду заботится. Даже не разбудила, не дала никаких заданий по хозяйству, слишком странно. Похоже она из тех матерей, которые чересчур заботливы, отсюда и такое поведение.

— Ладно, разберусь со своими делами, обязательно отплачу тем же, — пробубнил себе под нос и позавтракал.

Не откладывая дел в долгий ящик, вышел во двор, ощущая, как утренний воздух, прохладный и свежий, наполняет лёгкие.

Раннее утро — идеальное время, чтобы ловить окуня. Рыба в это время активна, а вода ещё спокойная, без дневного ветра.

Я решил проверить кошку, прежде чем уйти. Подошёл к мастерской, стараясь ступать тихо, чтобы не потревожить зверя. Прижался ухом к добротной деревянной двери.

Внутри царила тишина — ни рыка, ни скрежета когтей. До меня доносился только слабый, ритмичный звук, похожий на глубокое, спокойное дыхание существа. Кошка спит. Кивнул сам себе, испытал лёгкое облегчение, и тихо отошёл, оставляя мастерскую позади.

— Т-а-а-ак, — выдохнул я и пошёл в сарай, где оставил удочку.

Даже если кошка предпочитает мясо, она не откажется от рыбы, если других вариантов нет. Эта зверюга точно обладает неким разумом и может оценивать ситуацию.

Речка недалеко, удочка уже готова — если я сейчас не сделаю этого, то кошка может натворить дел.

Пока она спокойна и не шумит, надо идти. Наловить рыбы, принести, покормить. Может, это её немного успокоит. А если повезёт, это будет первый шаг к тому, чтобы она хотя бы не смотрела на меня, как на врага.

Наживки не было, и я чертыхнулся — без неё удочка бесполезна. Ещё нужна ёмкость для рыбы. В углу сарая схватил чуть мятое ведро, сойдёт.

У колодца, где земля всегда влажная, можно накопать червей за пару минут, наверняка. Сразу пошёл туда.

Земля была мягкой, влажной от брызг, и я присел на корточки, вонзив пальцы в грунт. Холодная грязь липла к коже, но через пару горстей я нашупал жирного червя, извивающегося и скользкого. Выкопал ещё несколько, пока не набралась пригоршня — хватит на сегодня, времени в обрез. Завернул их в кусок найденной старой тряпки, бросил в ведро и двинулся к речке.

Она текла спокойно, вода прозрачная, дно усыпано мелкой галькой. Недалеко раскинулась безопасная зона леса — густая и тёмная с высокими деревьями, отдалённо напоминающими сосны и берёзы. Однако виднелись и другие деревья, названия которых я не знал. Некоторые из них были синими, другие фиолетовыми и росли причудливо — накренились, будто от постоянного сильного ветра.

Действительно, другой мир.

Я остановился и вдохнул глубже.

Спокойно. Умиротворяюще. Впервые за всё время в голове стало тихо, мысли перестали метаться.

Я видел несколько рыбаков вдалеке и специально отошёл подальше. Да и местные явно не жаждали общения.

Сел на травяной склон, у самой воды. Выложил тряпку с червями и набрал ведро. Берег тут был с мягкой травой, усыпанной мелкими белыми цветами. Я бросил удочку рядом и лёг на спину, заложив руки за голову. Нужно просто чуть выдохнуть, хорошо, что вокруг — ни души.

Закрыв глаза и вспомнил свою деревню, в которой вырос. В сердце кольнула тоска. Оказывается, я всё же скучал по тем дням, когда пацаном бегал к реке и мастерил с дедом всё что ни попадя.

Теперь словно вернулся туда. Я любил то время и сейчас получал истинное удовольствие от этого мира.

Открыл глаза и потянулся. Хватит разлёживаться.

Взял удочку, нацепил самого жирного червя и забросил в воду. Грузило плюхнулось, утянув крючок на глубину.

Я замер, держа ветку, и смотрел, как течение слегка шевелит леску. Тишина. Только вода журчит. Кайф!

Глаза следили за водой, где круги медленно растворялись. Надо ждать. Терпение всегда было моим козырем.

Через несколько минут леска дёрнулась — лёгкий рывок, будто кто-то потянул нить. Сердце стукнуло быстрее. Я выждал секунду, чтобы рыба заглотила крючок, и резко потянул. Прут изогнулся, леска натянулась, и я почувствовал сопротивление. Небольшая, но бойкая рыба билась на конце.

Подтягивал медленно, чувствуя азарт. Над водой сверкнула серебристая чешуя — окунёк, сантиметров пятнадцать. Я вытащил его на берег, ощущая, как он трепыхается в моих пальцах. Аккуратно снял с крючка, стараясь не повредить, и бросил в ведро. Одна есть. Надо ещё.

Второй окунёк клюнул быстро, но был мелковат, почти малёк. Третий заброс принёс ещё одну рыбёшку, чуть крупнее первой, с тёмными полосами на боках. Я кивнул, довольный, и продолжил.

Через час вернулся к хозяйству.

Настало время покормить зверюгу.

Глава 9

Рыба для кошки Барута поймана, и теперь надо действовать.

Я подошёл к двери мастерской, сердце стучало чуть быстрее обычного.

Прислушался.

Изнутри доносилось только слабое дыхание — глубокое и спокойное — достаточно далеко от двери. Кошка всё ещё спала, и это было мне на руку, хоть и казалось странным — слишком уж долгий сон. Открывать дверь полностью — самоубийство. Один удар её зелёных когтей, и я останусь лежать с дырой в груди. Но оставить её голодной тоже нельзя. Я решил рискнуть, но с умом.

Присел на корточки, поставив ведро рядом. Вытащил двух окуньков, держа их за скользкие тела. Они были холодными, чешуя липла к пальцам. Я аккуратно приоткрыл дверь, ровно настолько, чтобы просунуть руку. Засов скрипнул, и я замер, чувствуя, как кровь пульсирует в висках.

Тишина. Кошка была далеко и не шевелилась.

Быстро бросил рыбин на пол мастерской — они шлёпнулись с влажным звуком, затем ещё двух и тут же захлопнул дверь, задвинув засов обратно. Сердце чуть колотилось, ладони вспотели, но я выдохнул с облегчением. Первый шаг сделан, можно расслабиться.

И тут...

БА-БАХ!!!

Тяжёлый удар сотряс дверь, словно кто-то швырнул в неё бревно. Я инстинктивно упёрся плечом в доски, чувствуя, как они дрожат под напором. Когти заскребли по дереву, звук был резким, как визг пилы, и я стиснул зубы, удерживая засов.

Мышцы плеча горели, пот стекал по шее, а в голове мелькнула мысль: «Только бы выдержала!». Дверь скрипела, но держалась.

И вдруг — тишина.

А затем — низкое, утробное мурлыканье, переходящее в чавканье. Кошка нашла рыбу. Я почувствовал, как напряжение отпускает, будто кто-то развязал тугой узел в груди. Мурлыканье было странным — не ласковым, а скорее довольным, как у зверя, который получил своё и пока не собирается рвать всё вокруг.

Я обошёл здание и осторожно подошёл к щели, в которую смотрел вчера. Затаив дыхание, подался ближе, чтобы заглянуть.

В полумраке мастерской мелькнула тень. Два жёлтых глаза смотрели прямо на меня. Её взгляд был неподвижным, будто она не просто видела меня, а изучала, взвешивала, решала, что со мной делать.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод, а сердце громко стукнуло. Инстинкт кричал: «Отпрянь!» — и я чуть не дёрнулся назад, но что-то заставило застыть.

Татуировки в запястьях вновь начали пульсировать. Ощущение не исчезало — оно было живым, но непонятным, как шепот на незнакомом языке. Я покачал головой, пытаюсь сосредоточиться. Может выйдет? Но тут же разочарованно выдохнул — ничего не изменилось, не приручить.

Кошка всё ещё смотрела, но теперь её уши чуть дрогнули, и она издала низкий, горловой рык. Звук был глубоким, вибрирующим, но она не бросилась к щели, не ударила лапой. Вместо этого медленно, грациозно поднялась, её полосатая шерсть блеснула в тусклом свете. Её мускулы напряглись под кожей, но движения были плавными, почти ленивыми. Она отвернулась от меня и шагнула вглубь мастерской.

И тут я увидел ведро. То самое, которое я занёс, когда точил серп. Оно стояло у верстака, чуть накренившись, и вода в нём слабо покачивалась, отражая свет. Я совсем забыл про него!

Вода была чистой, с колодца — кошка подошла к ведру, её хвост лениво хлестнул по полу, подняв облачко пыли. Она наклонила голову, принялась, и я услышал тихое, осторожное хлюпанье. Язык мелькал быстро, почти не касаясь воды, а уши всё время шевелились, улавливая малейший звук.

Я медленно отступил от щели, испытав смесь облегчения и какого-то непонятного волнения. Татуировки больше не горели, но всё ещё ощущал их тепло, как будто они напоминали о себе. Покачал головой и усмехнулся, вытирая испарину тыльной стороной ладони:

— Ну и ну.

Хорошо, она перекусила и попила, а мне нужно заняться своими делами. И для этого нужно закончить ловушку.

Прошёл в сарай, где вчера оставил её и уселся перед ней прямо на пол.

— Так, что тут у нас... — сказал хрипло и взял стебли «крапивы», как назвал неизвестную траву про себя. Сразу попробовал завязать ими собранные вчера прутья в квадрат. Узлы выходили неровными, стебли скользили, и каркас получался шатким. Я нахмурился, разглядывая своё творение.

— Это не клетка, а хлам, — буркнул, развязывая узлы. — Надо крепче.

Попробовал другой способ — сложил прутья крест-накрест, как решётку, и обвязал их стеблями, затягивая узлы посильнее. Серп пригодился, чтобы подрезать концы стеблей, но лезвие было неудобным для мелкой работы, и я пару раз чуть не порвал «верёвку».

Каркас вышел грубым, но крепким, размером с небольшую корзину — достаточно, чтобы горностаи пролез.

Дверца.

Я сложил ещё несколько прутьев в прямоугольник, обвязав их стеблями. Крепить её было нечем — ни петель, ни проволоки. Я подумал о коре ивы, но она рвалась, когда я вчера пробовал её срезать.

— Ладно, без петель, — пробормотал под нос. — Дверца просто упадёт.

Пусть падает сверху вниз, как гильотина. Вырезал серпом два прута подлиннее, закрепил их по бокам проёма, чтобы дверца скользила между ними. Стебли заменили верёвки — я подвесил дверцу, привязав её к верхнему пруту.

Этот труд, пусть слегка и непривычный, приносил удовольствие — я занимался любимым делом. Да, приходится проявлять фантазию, не имея всего нужного под рукой, но это даже любопытнее. Сработает ли?

Теперь механизм.

Горностаи должны задеть что-то внутри, чтобы дверца упала. Я нашёл у речки плоский камень ещё вчера — он был тяжёлый, но подъёмный. Привязал его к стеблям травы, подвесив над каркасом. Идея была простой: зверь заденет натянутый стебель внутри, камень упадёт, потянет «верёвку», и дверца захлопнется.

— Так-с, проверим, — сказал и потянул за стебель пальцем. Камень упал, но дверца застряла на полпути — прутья были неровными, цеплялись. Я нахмурился и громко выдохнул.

— Не то, — сказал, потирая виски. — Надо выровнять.

Подрезал серпом края прутьев, стараясь сделать их гладкими. Лезвие скользило, и я чуть не порезал палец. Пот стёк в глаза, жжение заставило зажмуриться. Вытер лицо рукавом и продолжил. Наконец, прутья стали ровнее. Снова проверил механизм — на этот раз дверца упала быстрее, но не до конца. Стебель растения растянулся под весом камня.

— Слишком слабый, — буркнул я с легким раздражением. — Нужен толще. Да что ж такое-то!

Пришлось возвращаться в огород, где срезал ещё несколько стеблей «крапивы», выбрав самые толстые. Они были жёсткими, почти как верёвки, но всё равно чуть липкими. Я заменил ими старую «верёвку», затянув узлы потуже. Проверил снова — камень упал, дверца захлоп-

нулась с глухим стуком. Не идеально, но плотно. Ловушка была готова — грубая, угловатая, но рабочая.

— Для первого раза сойдёт, — пробормотал, откидываясь на стену сарая. Руки устали, но я сделал это!

Улыбнувшись результату, вышел из сарая — ведро с рыбой в одной руке, ловушка в другой.

Но в груди шевельнулась тревога.

Ольга.

Она бы не одобрила, узнав, что я иду в лес, да ещё за зверем. Её лицо всплыло в памяти. Но не могу я сидеть на месте, тем более, когда время поджигает! Надо доказать ей, что её сын может работать Звероловом и становиться кем-то в этом мире. Ловить и продавать питомцев, эволюционировать их! Знания, что скрываются в «Зверином кодексе» — важнее предрассудков Ольги, которая просто маниакально переживала за чудом ожившего сына.

Позже я поставлю её перед фактом. Она будет переживать, но должна понять.

Кошка... Что ж, пока посидит. А какие варианты? Открыть дверь и крикнуть «уходи»? Может и уйдёт, да только с парочкой моих конечностей — убежать ведь точно не успею. Нет, вот поймаю питомца, разблокирую «Кодекс», а там уже подумаю.

Я направился к лесу, но едва отделился от деревни и спустился по склону, как услышал голоса. Знакомый, чуть хриловатый смех Стёпы и ещё чей-то — звонкий, девичий.

Чёрт!

Я остановился и повернул голову. По тропинке, ведущей от деревни, шли трое: Стёпа, а с ним две девушки и три мужика с оружием.

Твою-то мать, ещё и с охраной?

Мужики были крепкие, в кожаных куртках, с мечами на поясах и луками за спинами. Их обветренные лица выражали скуку, но глаза цепко осматривали округу.

Один из них, с густой бородой, жевал травинку, другой поправлял ремень с ножнами. Третий, самый молодой, с редкими усиками, шёл чуть позади, держа лук наготове.

Я пригляделся к девушкам. Одна — высокая, с длинной светлой косой, перекинутой через плечо — Виолу легко было узнать.

Она шагала легко, будто гуляла по своему двору, а не по пыльной тропе. Рядом с ней — другая девушка, поменьше ростом, с короткими тёмными волосами, чуть растрёпанными ветром. Одежда на ней была попроще — рубаха, заправленная в штаны, и потёртые сапоги. Звали её, кажется, Варя, но я не был уверен — память Макса в таких вещах была дырявой.

Стёпа шёл чуть впереди, улыбка — шире, чем обычно.

Я сразу заметил, как он то и дело косится на Виолу, как его глаза задерживаются на ней чуть дольше, чем нужно. Любовный интерес, ясное дело. Эх, парень, на что ты рассчитываешь.

Внучка старосты, где её мир — это достаток и власть, а Стёпа — сын собирателя трав, парень из простой семьи.

Их миры не пересекутся, как бы он ни старался. Эта надменность в глазах девчонки слишком очевидна.

Но тогда почему они вместе?

Я перевёл взгляд на Веру, которая что-то весело рассказывала, размахивая руками. Её движения были живыми, а смех — заразительным. Возможно, через неё?

Мои уголки губ дёрнулись в улыбке. Варя мне понравилась — в ней была какая-то искренняя живость, крайне позитивная девчушка. Её веснушки делали лицо открытым, почти детским.

А это ещё что?

Из-за спины Виолы показалась тень — большая, грациозная, с горящими янтарными глазами. Зверь.

Её питомец.

Звериный кодекс: Информация о звере недоступна.

Эволюционный ранг: G.

Уровень зверя: 2.

Информационная панель была всё ещё была заблокирована, но вот уровень я видел — второй. А вот та кошка у меня в мастерской была девятого. Похоже, Виоле неслабо повезло, когда Барут получил свои раны. Иначе дуэль явно закончилась бы иначе.

Зверь безразлично смотрел на меня, сидя возле хозяйки.

Это был Звёздный Волк — Макс уже видел таких питомцев.

Его шерсть была тёмно-серой, с серебристыми прожилками, будто соткана из лунного света. Ростом мне по пояс, с мощными лапами. Когти, длинные и чуть изогнутые, а клыки, видневшиеся из-под приподнятой губы, были острыми, как иглы. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Этот зверь был силён, не чета кошке Барута, конечно, но точно опасен.

Я оценивал обстановку лишь пару секунд, и лихорадочно соображал, как бы спрятаться от любопытных глаз, но потом отнёс эту мысль — просто не было возможности.

Если они идут в лес, это очень плохо. У меня нет времени, чтобы отказываться от поимки горностая. Нужно узнать какие у них планы.

— Макс! — Стёпа заметил меня, его лицо осветилось радостью. — Привет! Ты чего тут? Я кивнул и махнул рукой.

— Привет, — ответил спокойно. — Дела кое-какие. А вы куда?

Виола посмотрела на меня и показательно сморщилась — её глаза скользнули по моему лицу, потом по ловушке в руке. Брови чуть приподнялись, и я почувствовал досаду — спрятать-то было негде!

— Эй, Зверолов-неудачник! — грубо рявкнула она.

Стёпка поджал губы, а я недоумённо вскинул брови. Дерзкая девка.

— Такое видел, а? — она довольно усмехнулась и показала пальцем на своего зверя. — Небось поджилки затряслись? Слышала, как ты лёг в кроватку на два года, когда захотел такого.

— Видел и получше, — сухо ответил я и отвернулся. — Идите своей дорогой.

— Да как ты смеешь хамить мне?! Не поворачивайся ко мне спиной! — истерично завопила Виола.

Я стиснул зубы и медленно развернулся, но Варя схватила девчонку за плечо и что-то быстро зашептала.

— Что-то ещё? — спросил с безразличием. Меня начинало напрягать то, что трачу время впустую.

— Ничего, — закатила глаза Виола и махнула рукой. — Ты свободен, пока что! Хватит надоедать моему взгляду.

Я лишь усмехнулся над этой детской заносчивостью и шагнул к Стёпе, который озадаченно чесал затылок.

Варя тут же нахмурилась и вскинула руку, её лицо вмиг исказилось.

— Эй ты! Больной! Не подходи!

Вот вам и милая девочка с веснушками.

Однако волк Виолы тут же оскалился и зарычал, предупреждая о своих намерениях.

Я лишь усмехнулся и развёл руками в стороны.

— Да ладно, всего шаг сделал.

Мужики-охранники переглянулись.

— Предупреждаю, парень, — сказал один сиплым голосом. — Не вздумай приближаться! Староста дал всем чёткие указания. Он велел тебе не появляться в деревне!

— А я разве в деревне? — удивился я, но сделал шаг назад. Ни к чему раздражать людей с оружием. Да и биться с волком ведром не собирался.

— А ну-ка подождите! — властно рявкнула Виола и вскинула руку. Она прищурилась и сделала шаг вперёд.

— Это что, ловушка? Ты сам сделал? Впервые такое вижу. Использовал «телесник» как верёвку?

Ага, так вот как называется эта трава.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам. Не очень-то хотелось, чтобы кто-то знал о моих планах, но поделаться было нечего. И что им ляпнуть?

Но прежде, чем я открыл рот, Виола рассмеялась, а Варя подхватила.

— Ха-ха-ха-ха! Эй, да вы гляньте! — внучка старосты карикатурно схватила за плечо Стёпы. — Ну и недотёпа! «Телесником» связал, ха-ха-ха, беднота, даже верёвки нет?! Я уж подумала, ты на охоту, на которую тебе нельзя! А это... Одно слово, недотёпа!

Стёпка посмотрел на неё с осуждением.

— Да ладно вам, чего вы...

Чёрт. Похоже где-то я прокололся. Неужели ловушка не сработает на местного горно-стая? Я поджал губы, но заставил себя широко улыбнуться. Впрочем, если Виола не видит потенциала, считает, что клетка не сработает... Это даже хорошо.

— Да это так, для хозяйства. Птиц ловить, огород разоряют, - пожал я плечами.

Варя хмыкнула, но, кажется, поверила. Виола, отсмеявшись, посмотрела на меня острым взглядом. Я заметил, как её рука легла на пояс, где висела небольшая кожаная сумка, из которой торчала рукоять ножа.

— И зачем ты тогда здесь, если ловушка для каких-то там птиц? — хмыкнула внучка Ефима.

В этот момент я подумал о том, что передо мной, по большому счёту, всего лишь дети. Они так же слабо разбирались в ловушках, да и в опасную зону леса вряд ли ходили хоть раз.

Я не стал отвечать на вопрос:

— Стёп, отойдём, — сказал, кивнув в сторону. — Поговорить надо.

— Эй, нельзя! — рявкнул другой охранник. — Заболеешь!

— Не заболеет, — холодно сказала Виола. — Дедушка говорит, что хворь просто так не передаётся. Нужно часто находится рядом с этим... Простакон. Иди, Стёпа! Избавь нас от него побыстрее.

Я лишь недоумённо смотрел на эту пигалицу. Она действительно пытается самоутвердиться за мой счёт? Других мыслей, зачем себя так вести, в голову не приходило. И что вообще творит её дед? Одним говорит, что хворь опасна, внучке — что действует со временем. Сделал из моей «болезни» фарс. Ефим явно заврался, но его высокое положение заставляло местных заглядывать ему в рот. Ладно, не буду подставлять Ирму и лезть в эту тему, по крайней мере сейчас.

Едва мы отделились, сразу спросил у Стёпы:

— Не ожидал увидеть волка. Давно у неё такой питомец?

Он вылутился на меня, потирая затылок.

— Ты чего, Макс? Ах точно, твоя память... Так это. Месяц назад обряд Виола прошла и Звероловом стала, но пока только на словах, староста отказывается учить. Правда постарался и сразу ей прирученного волка отдал, но на этом всё.

— Понятно. Так куда идёте? И чего вы с охраной? — спросил я, переводя тему.

Стёпа махнул рукой в сторону леса.

— За травами, — сказал он. — Ефим папу попросил, но тот приболел, его Ганус лечит. Ну вот меня позвали. Девчонки захотели в безопасную зону, трав набрать. Я их веду, а отряд Фёдора...

Он кивнул на охранников:

— За нами староста прикрепил. Он Виолу даже в безопасную зону просто так не отпускает, всегда с охраной.

Я взглянул на мужиков, которые лениво переговаривались. Их мечи поблёскивали на солнце. Стандартная охрана для вылазки, судя по всему. Фёдором был самый огромный из этой троицы с серьёзным шрамом на щеке. Он говорил что-то остальным, показывая в мою сторону пальцем, и те послушно кивали.

Пережевывая ответ Стёпки, почувствовал напряжение — они могут пойти туда, где я планирую ставить ловушку.

Могу ли я доверять парнишке? Вроде с Максом он всё-таки дружил крепко. Да, впрочем, и на меня впечатление произвёл хорошее. Нормальный парнишка, простенький, но не из гнилых. К сожалению, придётся пойти на осознанный риск. Если бы не кошка в мастерской, я может и развернулся бы домой, но сейчас...

— Я в лес иду, — сказал тихо, глядя Стёпе в глаза. — За зверем. Хочу поймать, и лучше, чтобы никто не видел. Понимаешь о чём толкую?

Стёпа присвистнул, его брови полезли на лоб.

— Ты серьёзно? — спросил он. — Макс... Староста узнает — тебе конец. Да и девчонки... Виола вон сразу побежит деду стучать. Хорошо, что у неё опыта Зверолова нет.

В груди шевельнулась досада, но я сдержался.

— Ну не тупи, Стёпка! Поэтому и рассказываю тебе, — ответил, понизив голос. — Отведи их в другую сторону. Мне надо в низину, к ручью, где ивы растут. Ты знаешь лес, сделай так, чтобы мы не пересеклись. Выручишь?

Стёпа почесал затылок, его лицо стало серьёзнее. Он посмотрел на девчонок, потом на меня, и кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Я их поведу к поляне у старого дуба. Там трав полно, им хватит. Ты иди к ручью, но, Макс... осторожней. Если тебя спалят без разрешения...

Я кивнул и улыбнулся. Нормальный Стёпка парень, хоть и болтливый. Хлопнул его по плечу и кивнул:

— Справлюсь. Иди, не задерживай их.

Он с тревогой посмотрел на меня, на секунду замер, будто хотел что-то сказать, но передумал и пошёл обратно к группе. Я увидел, как Виола бросила на меня ещё один высокомерный взгляд, сделал вид, что иду домой и дождался, пока они не скрылись в лесу.

Пора и мне.

Я двинулся к безопасной зоне.

Ведро слегка постукивало о ногу, а ловушка в руке казалась слишком лёгкой, почти ненадёжной.

Но я заставил себя отбросить сомнения, несмотря на смех девчонок насчёт материала, который использовал.

Себе я доверял больше, хоть и сомневался выгорит ли. Всё-таки этот мир другой и поведение зверей разительно отличается. Взять хотя бы того же Звездного Волка. Сидит возле ноги восемнадцатилетней девчонки как верный пёс. А для остальных это всё в норме вещей.

Мотнул головой, сосредотачиваясь на главном.

Горностаи — это «полезный» питомец, юркий, но не смертельно опасный. Максим бывал в безопасной зоне леса достаточно часто — его память подсказывала, где он их видел.

И это совпадало с моими знаниями. Зверьки часто бывают у ручья, любят рыбу и мелких грызунов. Вблизи воды охотятся на рыбу или лягушек.

Если поймаю, смогу продать или использовать для хозяйства. А главное — разблокирую кодекс. Это мой шанс понять, как всё работает.

— Ну привет, старый друг, — пробормотал я, улыбнулся и сделал ещё несколько шагов вперёд.

Лес встретил меня густым запахом смолы, прелой листвы и чего-то острого, почти металлического — след трав, которые росли только в этом мире. Уж слишком похоже на огнежар.

Деревья стояли плотно, их стволы, покрытые лишайником с голубоватым отливом, переплетались корнями, образуя естественные ловушки для неосторожного путника.

Густые и тёмные кроны сплетались так, что солнечный свет пробивался лишь пятнами. Он отбрасывал тени, которые двигались на мягкой лесной подстилке.

Я шёл медленно, выверяя каждый шаг. Замечал всё: сломанный стебель папоротника, слишком ровный, чтобы быть случайным, — кто-то прошёл здесь недавно, возможно, заяц или косуля. Следы когтей на коре неизвестного дерева, мелкие и частые, — белка, но слишком высоко, чтобы быть обычной. Может, это всё местные магические питомцы? До конца этого не знал, хоть и держал в уме, что в лесах водятся и простые звери. Я запоминал нужные места, фиксируя в голове проверить позже, когда будет время.

Под ногами хрустели ветки, но я ступал мягко, распределяя вес. Ветер шелестел в листве, принося слабый запах сырости и тины — ручей близко.

Где-то вдаль щебетала птица, но её трель была странной, с низким гудящим подтоном — такое слышал впервые. Я остановился, прислушиваясь: звук шёл слева.

Мой разум цепко хватал каждую мелочь, как будто лес сам раскрывался передо мной, и я впитывал его, словно губка. Это было частью моей работы: видеть, слышать, запоминать. Каждый шорох, каждый след — это карта, которую я строил в голове без особых усилий.

Приблизился к ручью.

Здесь воздух становился прохладнее, влажнее, с лёгким привкусом ила. Журчание воды было мягким, успокаивающим, но я не дал себе расслабиться.

— Не теряй бдительности, — шепнул сам себе.

Ивы у ручья склонялись к воде, их ветви касались поверхности, создавая дрожащие круги. Я присмотрелся: на одной из ветвей висела тонкая нить паутины, но слишком ровная, с едва заметным свечением.

Вот это точно нечто магическое! Не паук... Или паук? Возможно, паутина какого-нибудь особенного мотылька? Сразу вспомнил укус, который сложил парня в кровать, и отошёл подальше, черт его знает, что тут водится. Пусть я и в безопасной зоне.

Присел у ручья, поставив ведро рядом. Провёл пальцами по влажной почве, ощущая её прохладу и липкость.

Подходит.

Горностаи, как и хорьки, любят такие места. Внимательно осмотрел землю: мелкие камешки, корешки, примятый мох. Ничего. Двинулся вдоль ручья, глаза скользили по траве, где местами она была примята. Следы? Возможно, но слишком старые, размытые росой, не то, что мне нужно.

У корней старой ивы, где земля была чуть суше, заметил то, что искал.

Едва видимый отпечаток: маленький, с чёткими когтями, четыре пальца. Хоть у зверьков пальцев пять, но рудиментарный слабо развит и не оставляет отпечатка в следах.

Горностай.

Присел, пальцы коснулись следа, и я почувствовал, как сердце стукнуло быстрее. Азарт Зверолова вспыхнул в груди — тропа найдена. Я осмотрелся: рядом был ещё один след, чуть свежее, ведущий к воде.

Он был здесь, возможно, вчера вечером. Значит вернётся. Я запомнил рисунок следов, их глубину, расстояние между ними — всё это отложилось в голове, как на странице книги.

Зверёк должен почувствовать запах рыбы и прийти.

Если его поведение схоже с тем, что я знал.

Начнём.

Глава 10

Теперь ловушка.

Я выбрал место у корней ивы, где трава была гуще, а земля мягкой. Достал окунька из ведра, его чешуя холодила пальцы, а тело всё ещё слабо дёргалось. Разрезал его серпом, стараясь не повредить внутренности — запах должен быть сильным. Холодная и липкая кровь потекла по лезвию, и я вытер руку о траву.

Положил рыбу в центр ловушки, аккуратно расправив прутья, чтобы дверца могла захлопнуться. Камень, привязанный к стеблям «телесника», должен был сработать как противовес. Я проверил узлы — они держались крепко, хоть и царапали кожу, когда затягивал их.

Установил ловушку, отошёл подальше и присел за кустом, чувствуя, как колючие ветки слегка цепляют рубаху.

Ждать — это всегда самое сложное.

Мышцы ныли, спина затекала, но заставил себя сидеть неподвижно. Ветер шевелил листву, и я чувствовал, как прохлада касается шеи, смешиваясь с теплом от разогретого тела.

Так и сидел, затаившись за кустом ивы, укрытый ветками, чтобы ни шорохом, ни запахом не выдать себя.

Мои глаза были прикованы к ловушке.

Резкий и манящий запах рыбы разносился по ветру, и я надеялся, что он приманит зверя — всё-таки до сих пор не знал, сработает ли это на «местном» горностае.

Ручей журчал, смешивая звуки с сыростью леса, а тени от ив тянулись длинными полосами по траве. Всё было как в тайге: выбрать место, поставить ловушку, ждать. Ничего сложного, по крайней мере для меня.

Прошёл час. Солнце скользило ниже, тени удлинялись, а лес жил своей жизнью: птица где-то каркнула, ветка хрустнула вдали. Я напрягся, вглядываясь в траву.

И тут — шорох.

Тихий, но чёткий, как будто кто-то пробежал по листьям. Сердце заколотилось, я замер, почти не дыша.

В траве мелькнула тень — маленькая, стремительная, как искра.

Горностай!

Звериный кодекс: Информация о звере недоступна.

Эволюционный ранг: G.

Уровень зверя: 1.

Он остановился в паре метров от ловушки, и я, наконец, разглядел его.

Этот зверь был не похож на тех, кого я видел в тайге. Его шерсть была полностью белой, но отливала золотистым сиянием, будто каждая шерстинка была пропитана светом.

По хребту тянулась тонкая мерцающая полоса, как звёздная пыль, а кончик хвоста искрил, словно крошечный факел. Глаза — не просто чёрные бусины, а глубокие, с алой искрой в центре, будто там тлел огонь.

Он был того же размера, что и обычный горностай — гибкое тело длиной с мою ладонь, тонкие лапки, длинный хвост... Но эта магическая аура делала его не просто зверем, а чем-то... потусторонним.

Я моргнул, пытаясь убедиться, что мне не мерещится.

Красивый, чёрт возьми. Настоящий магический питомец. Лишь бы сработала ловушка, а раз пришёл, значит голодный! Иди к рыбе!

Зверёк приняхался, носик дёргался, улавливая запах окуня. Его уши подрагивали, ловя каждый звук, а тело было напряжено, как струна.

Он сделал шаг, потом ещё один, лапки едва касались травы. Я почувствовал, как ладони вспотели, а сердце стучало так, будто хотело выскочить.

«Ну же, давай», — подгонял я мысленно, боясь даже моргнуть. Горноста́й был уже у ловушки, его глаза блестели, когда он смотрел на рыбу. Я затаил дыхание, готовясь к триумфу.

Но тут произошло нечто, от чего у меня кровь застыла в жилах. Шерсть горноста́я засветилась ярче, золотистая дымка окутала его, и прямо перед ловушкой возникла его копия — точная, до последнего мерцающего волоска.

Какого чёрта?!

Иллюзия выглядела как настоящий горноста́й: те же искры на хвосте, те же алые глаза, но что-то в ней было не так — движения слишком плавные, как у куклы. Настоящий горноста́й остался на месте, присев в траве, его глаза следили за ловушкой, будто он проверял, всё ли чисто. Я открыл рот, не веря своим глазам.

Что за...?! Чувствовал себя так, будто мозг отказывается принимать это. Двойник?! Животные здесь НАСТОЛЬКО умные?!

Иллюзия вошла в ловушку, её лапки задели стебель «телесника», и — хлоп! — дверца захлопнулась, камень глухо стукнул о землю. Я даже не дёрнулся, потому что только дурак не понял бы, что план провалился. Но замер, увидев, как иллюзия растворяется, оставляя ловушку пустой — нельзя выдавать своё присутствие.

Настоящий горноста́й фыркнул — звук был почти насмешливым — и рванул к воде. Его мерцающий хвост мелькнул в траве, и он исчез, будто его и не было.

Я сидел, ошеломлённый, сердце колотилось, а в голове гудело от шока.

— Этого... не может быть, — беззвучно прошептал себе под нос, глядя на пустую ловушку. — Зверь обманул меня...

В тайге, конечно, видел всякое, но, чтобы так? Это было за гранью. Я потёр глаза, будто надеясь, что мне привиделось, но ловушка стояла пустая, а следы у ручья подтверждали — он был здесь.

Мои руки дрожали, то ли от холода, то ли от изумления. Этот мир... другой. Обнадёжила лишь одна мысль — хотя бы базовые инстинкты животного походили на привычные.

Я смотрел на пустую ловушку, чувствуя, как азарт смешивается с каким-то детским восторгом и растерянностью. Впервые за долгое время ощутил себя не охотником, а новичком, столкнувшимся с чем-то, что не объяснить.

Хитрый, гадёныш. Но я тебя достану. Это теперь дело принципа.

— Так-так-так, — прошептал себе под нос и закрыл глаза, пытаясь придумать, что можно сделать.

В тайге я ловил лис, контролируя популяцию. Они всегда «думали», что могут обхитрить капкан — опыт, что позволяет им избегать подозрительных ловушек и адаптироваться к новым условиям. Но способы были.

И этот горноста́й не был исключением, магия или нет.

Я заставил себя дышать ровно, напоминая себе, как важно замечать детали. Могу ли я что-то для себя подчерпнуть?

Вполне!

Тень иллюзии была бледнее, почти прозрачной. Настоящий горноста́й, убегая, выдал себя — его лапки оставили свежий отпечаток в иле у ручья, а трава качнулась там, где он проскользнул. Ещё я заметил, что после создания иллюзии он замер на миг, его бока вздымались тяжелее. Похоже магия жрёт его силы и вечно он так делать не сможет.

Но ты голоден, дружок, и запах рыбы не даст тебе уйти далеко.

Ловушка цела, приманка на месте. Надо просто сделать так, чтобы ты поверил, что безопасно.

Я знал, что горностаи возвращаются к еде, если их не спугнуть, а меня он не заметил. Моя задача — перехитрить его, заставить подойти ближе и войти в ловушку без страха. Не может же он вызывать свои иллюзии без конца!

Решил использовать его жадность и осторожность против него самого.

Я аккуратно подполз к ловушке, ступая по камням, чтобы не оставить новых следов. Осмотрел конструкцию: стебли «телесника» растянулись под весом камня, из-за чего дверца упала неплотно. Слабое место. Если он снова войдёт, надо, чтобы всё сработало быстрее.

Если он чувствует магию, как я теперь думаю, то какой-то след татуировок Звероолова мог его отпугнуть — вот почему он вызвал иллюзию. Надо сделать ловушку частью леса.

Затянул узлы потуже, проверяя, чтобы стебли не проскальзывали. Потом зачерпнул горсть ила с ручья и обмазал прутья, добавив сверху мох, чтобы убрать свой запах и следы татуировок, которые могли насторожить зверя.

Теперь нужен был ход, чтобы заманить его. Нужно разбросать приманку, чтобы сбить с толку. В ведре было немного рыбьей чешуи. Я взял щепотку и размазал её по траве в метре от ловушки, создавая ложный запаховый след, но не оставляя еды. Понюхает, разозлится, что пусто, и пойдёт к настоящей рыбе. Это должно было подтолкнуть зверя к ловушке, где запах сильнее. Возможно, эта эмоция заставит влететь внутрь без иллюзии, зависит от того, насколько голодный зверь.

А если ты придёшь ещё раз, дружок, то ты точно голоден.

Я понимал, что механизм ловушки не идеален. Если горностаи войдёт и почует неладное, он может выскочить. И руки слишком медленные для такого быстрого зверя — никак не поймать, да и опасно, ведь не знаю на что он способен.

Огляделся и заметил длинный прут, лежащий у ручья. Если дверца будет падать медленно, можно ей помочь. Лёг на землю в паре метров от ловушки, укрывшись мхом и ветками так, чтобы слиться с лесом. В руках держал прут. Главное — не спугнуть, лежать тихо, как камень, и ждать.

И минут через пятнадцать горностаи вернулся!

Я сразу заметил его осторожные движения, но его носик всё равно тянулся к запаху. Он остановился у пятна чешуи, принялся, фыркнул и повернулся к ловушке. Я затаил дыхание, чувствуя, как татуировки снова запульсировали.

Его шерсть засветилась, но иллюзия вышла слабой, расплывчатой, будто он выдохся — видимо слабый питомец, но я на это и надеялся. И даже если бы ловушка не сработала ещё раз, обязательно бы повторил!

Настоящий горностаи, не доверяя своей иллюзии (или это вообще клон?) сам двинулся к ловушке, его лапки осторожно ступали по траве.

Он вошёл внутрь, потянулся к рыбе и задел стебель. Дверца начала падать, зверь сразу дёрнулся назад, почуяв подвох. Я не стал ждать — резко дёрнул прут, толкнув дверцу вниз.

Хлоп!

Камень прижал механизм, и горностаи оказался внутри, яростно царапая прутья.

Я вскочил, чувствуя, как кровь стучит в висках.

— Попался, хитрец, ха-ха! А ты думал! — сказал вслух и улыбнулся, поднимаясь на ноги. Ай!

Неожиданно татуировки вспыхнули ярким красным светом, и перед глазами возникли слова, будто выжженные в воздухе:

Внимание! *Звериный кодекс разблокирован.*

Получена способность Приручителя: Поиск полезных ресурсов в радиусе 15 метров от себя.

Уникальная способность Приручителя: Экспериментальная эволюция.

*Активирован **Бестиарий**.*

*Активирован раздел «**Питание**»*

*Активирован раздел «**Медицина**»*

*Активирован раздел «**Тренировка**»*

Я обрадовался настолько, что с удовольствием хмыкнул и вытер пот со лба, ухмыляясь.

Первая победа в этом мире!

Горноста́й верещал, но ловушка держала крепко. Я шагнул к ней, и резко замер, когда позади послышался голос, который я уже знал.

— Я так и знала, что ты что-то замышляешь! Ты поймал питомца без разрешения короля!

Голос Виолы!

Глава 11

Я замер, чувствуя, как кровь стучит в висках, а пальцы невольно сжимаются в кулаки.

Горноста́й внутри царапал стебли «телесника», издавая резкий, почти визжащий звук, будто пилой по дереву.

Виола стояла в паре шагов, её надменная ухмылка резала глаза, как солнечный блик на ржавом лезвии. А рядом с ней стоял Звёздный Волк, с интересом поглядывая на горноста́я. Слова девчонки всё ещё звенели в ушах.

Ну Стёпка, как так-то? Дружки у меня в последнее время как на подбор. Кстати, а его самого нет. Как и Вари с охранниками. Она одна? Хитрая девчонка Виола, глупо не признать.

Мой разум лихорадочно перебирал варианты. Если она донесёт до старосты, быть беде. Ефим ясно дал понять, что мне нельзя охотиться. «Ты не у дел», — так он сказал, а ещё грозился выгнать из деревни. Но дело даже не в изгнании — в лесу я выживу, это не вопрос. Я знаю, как найти еду, как укрыться от угрозы, как не стать добычей. Да, возможно здесь будет тяжело первое время, но это совершенно не пугало.

Но вот Ольга... Это не очень хорошо. Если староста решит выгнать меня, она останется одна. А Ирма, эта старуха с языком острым, как мой серп, просила не подставляться. Чёрт, нельзя это так оставить.

Я стиснул зубы, ощущая, как пот холодит шею, стекая под ворот рубахи. Виола развернулась, её светлая коса качнулась, как маятник, а сапоги мягко зашуршали по траве. Она, будто не дождавшись моей реакции, бросила через плечо, с ядовитой насмешкой:

— Отлично, дедушка будет рад услышать такие новости.

И шагнула прочь. Внутри меня всё сжалось, будто кто-то затянул узел на кишках.

Нельзя отпускать! Я шагнул вперёд, игнорируя ноющую усталость в ногах, и схватил её за руку. Кожа её запястья была прохладной, чуть влажной, но она тут же дёрнулась, будто я ткнул её раскалённым прутom. Рука выскользнула из моей хватки, и Виола развернулась, её глаза расширились, а губы искривились в гримасе отвращения.

— Ты что творишь, больной?! — прошипела она, отступая на шаг. — Не смей меня трогать!

Ситуация накалилась.

Звёздный Волк Виолы напрягся, его янтарные глаза сверкнули, а низкий рык прокатился по поляне, как далёкий раскат грома. Шерсть на загривке встала дыбом, когти вдавились в мягкую землю, оставляя мелкие борозды.

Его взгляд буравит меня, будто зверь решал, броситься или выжидать. Мои пальцы, всё ещё сжимавшие ловушку с горноста́ем, слегка дрогнули, но я заставил себя дышать ровно.

Так...

Я медленно опустил ловушку на землю, чтобы руки были свободны, и повернулся к волку, держа плечи расслабленными, но спину ровно. Прямой взгляд в глаза мог спровоцировать, поэтому я смотрел чуть ниже, на его морду, улавливая движение ушей. Мои ладони раскрылись, пальцы чуть разведены, показывая, что я не держу оружия. Сердце стучало, но я подавил желание отступить — это только разожгло бы его инстинкты.

— Тише, большой, — сказал я тихо, почти шёпотом, мой голос был низким, твёрдым, но без угрозы. — Всё спокойно.

Я чуть наклонил голову, не отводя взгляда, и сделал медленный выдох. Волк прищурился, его уши дёрнулись, а рык стал тише, больше похож на утробное ворчание. Его бока всё ещё вздымались, но когти перестали скрести землю. Татуировки на моих запястьях вдруг запульсировали, словно горячая кровь пробежала по венам, и я почувствовал лёгкое тепло, как от нагретого солнцем камня. Это было что-то мягкое, как невидимая нить, потянувшаяся к зверю.

Волк мотнул головой, его шерсть слегка опала, а глаза, хоть и не потеряли настороженности, уже не горели так яростно. Он сделал полшага назад, ближе к Виоле, но не оскалился. Я держал руки неподвижно и выждал ещё пару секунд, пока его дыхание не стало ровнее.

— Вот так, — прошептал я, едва шевеля губами, чтобы не спугнуть этот хрупкий момент. Волк фыркнул, будто соглашаясь, и отвернулся, его хвост лениво качнулся, задев траву.

— Это?.. Это?.. — Виола чуть не задохнулась, выпучив глаза. — Как ты это сделал?! Что это?

Горноста́й в ловушке снова заскре́б, его когти царапали прутья, издавая неприятный скрежет, как нож по тарелке. Я выдохнул, стараясь держать голос ровным, хоть внутри чувствовалось лёгкое раздражение от её высокомерия.

— Никакой болезни нет, Виола, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Так что не надо раздувать.

Она фыркнула, скрестив руки на груди. Её пальцы нервно теребили край кожаной сумки на поясе, а губы скривились в презрительной усмешке.

— Не болен, говоришь? Ага, конечно. Думаешь, я поверю? Ты два года валялся, какдохлая рыба, а теперь встал и вдруг в лес потащился, да ещё и зверя поймал? — Она кивнула на ловушку, и я заметил, как её взгляд задержался на конструкции.

Брови девчонки чуть дёрнулись, а пальцы на сумке замерли, будто она пыталась скрыть удивление. Она явно не ожидала, что я способен на такое. Её можно понять.

Но тут же её лицо снова стало надменным.

— Дедушка узнает, и тебе конец. Без разрешения короля ловить питомцев? Ха! Ты хоть понимаешь, что тебя из деревни вышвырнут, как шелудивого пса?

Чувствовалось, как её слова пытаются вгрызться в меня, но не поддавался. Её тон был как укус, пролитый на открытую рану, но она не знает, что я не поведусь на детские провокации — не тот возраст. За жизнь уж повидал достаточно таких, как она — тех, кто думает, что власть и связи делают их непобедимыми. Я стоял ровно, плечи расправлены, дыхание спокойное, несмотря на то, что горноста́й снова зашуршал в ловушке, будто напоминая о себе.

— Не рассказывай никому, Виола, — сказал я твёрдо, но без угрозы.

В моей голове мысли скакали от одной к другой — что можно предложить ей за молчание?

Она прищурилась, её глаза блеснули, как у кошки, почуявшей добычу. Девушка шагнула ближе, её сапоги мягко впечатались в траву, а волк за её спиной чуть шевельнул ушами, но остался на месте.

— Ого, как мы заговорили, — протянула Виола, её голос сочился ядом, но в нём появилась новая нотка заинтересованности. — А с чего мне молчать, а, Зверолов-неудачник? Ты мне никто. Думаешь, я буду покрывать какого-то доходягу, который возомнил себя приручителем?

Она ткнула пальцем в мою сторону.

— Ты не пройдёшь обряд, твоё будущее — это огород и тяпка. Или, может, кузнецу в подмастерье пойдёшь, будешь угли ворошить? Если, конечно, дедушка не решит, что ты слишком опасен для деревни. А он решит, поверь. Один намёк от меня, и ты будешь гнить в этом лесу, пока твоя мамаша будет плакать.

Ого, а это достаточно жёстко. Её слова были как пощёчина, но я не дрогнул. Мои пальцы сжали ловушку чуть сильнее, грубые прутья впились в кожу, но я не позволил эмоциям Макса взять верх.

Она рисовала мрачную картину, и, чёрт возьми, знала, как бить по больному. Но я заметил, что она не уходит. Просто стояла, смотрела на меня, её глаза бегали по моему лицу, по ловушке, по горностаю, который снова зацарапал внутри, издавая высокий, раздражённый писк. Она ждала моей реакции, и это был шанс. Хорошо, я тебе подыграю, пигалица. Правда

едва сдержал улыбку — настолько мне было очевидно, что она просто что-то хочет от меня получить. И это только на руку.

— Кхе-кхе, — кашлянул я, слегка наклонив голову, но не отводя взгляда. — Что ты хочешь?

Её губы дёрнулись в кривой улыбке, но в глазах мелькнула искра. Девушка шагнула ещё ближе, её запах — смесь травяного настоя и какого-то резкого цветочного масла — ударил в нос.

— Будешь мне должен! — протянула она, голос стал тише. — О, я найду, как с тебя взять. Ты думаешь, мне интересно возиться с тобой? Но раз ты так хочешь сохранить свой ма-а-а-а-аленький секрет...

Она сделала паузу, её пальцы снова теребили сумку, а волк за её спиной чуть повернул голову, его янтарные глаза следили за мной.

— Я приду. И ты сделаешь, что я скажу. Без вопросов. Иначе дедушка узнает всё, и твоя жизнь станет ещё хуже, чем сейчас.

Ого! Во даёт! Пришлось показательно нахмуриться, будто размышляю. Она думала, что держит меня за горло, но я видел в этом возможность. Виола — внучка старосты, не последний человек в деревне. Если получится наладить контакт в будущем, это может обернуться выгодой. Не сейчас, но позже. Она согласилась прийти, несмотря на все её рассказы про мою «хворь». Это о многом говорило. Странно, ведь только что одёрнула руку. Поверила мне? Нет, вряд ли. Играет какую-то роль? В любом случае, она не так проста, как кажется.

— В рамках разумного — согласен, — сказал я, держа голос ровным. — Приходи, договоримся.

Виола фыркнула, её глаза сверкнули торжеством. Она развернулась, её коса качнулась, а волк лениво последовал за ней. Она бросила через плечо:

— Не обольщайся, Макс. Я вернусь, и ты отработаешь свой долг. Готовься.

Несколько секунд задумчиво смотрел, как она уходит в сопровождении своего агрессивного зверя, пока горноста́й в ловушке снова не заскре́б — его когти царапали прутья, но я не обращал внимания. Мои мысли крутились вокруг того, что произошло. Не видел ничего страшного в том, чтобы помочь ей с чем-то, если это сохранит мой секрет. К тому же, иметь что-то общее с внучкой старосты — это не так уж плохо. Это может открыть двери, которые иначе останутся закрыты, а я должен использовать все доступные возможности. А ещё, в следующий раз при мне не будет живого доказательства моего нарушения. Эх, дитё, даже не понимает, где прокололась.

Но её поведение... Обращать внимания на эти детские попытки задеть за живое? Нет, это прошло мимо меня, не вызвав никаких эмоций, разве что недоумение.

Вот только...

Она слишком легко согласилась, несмотря на тяжесть моего «нарушения». Хотя, вспоминая тот зависший на ловушке взгляд... Девчушка-то явно знаниями должна обладать, раз дед Зверолов? Или подобный способ поимки она всё же видит впервые?

Так, чёрт с ней, я сделал что хотел. Теперь, когда прямая угроза сошла на нет, нужно быстро сделать так, чтобы обезопасить себя. «Звериный кодекс» изучу позже, когда смогу уделить этому должное внимание, сейчас точно не до этого.

Я опустил на корточках перед ловушкой.

Горноста́й внутри был в ярости: его маленькое тело металось, когти скребли по прутьям, а глаза с алыми искрами горели, как раскалённые угли. Он шипел, обнажая мелкие, но острые зубы, а его мерцающий хвост хлестал по стенкам, будто молния в клетке. Я смотрел на него, стараясь не делать резких движений.

Зверь был напуган, и это делало его опасным, несмотря на размер. Я знал, что с агрессивным животным нельзя суетиться — любое лишнее движение или звук может спровоцировать его ещё больше.

— Спокойно, дружок, — сказал я тихо, опуская голос до мягкого, почти шёпотного тона. Мои ладони легли на землю рядом с ловушкой, чувствуя влажную прохладу почвы. — Никто тебя не тронет.

Горноста́й замер на миг, его уши дёрнулись, но потом он снова зашипел, вцепившись когтями в стебли «телесника». Я не двигался, давая ему привыкнуть к моему голосу. Мои пальцы почему-то слегка дрожали, но я держал руки расслабленными, чтобы не спровоцировать зверя. Нужно было показать, что человек перед ним не угроза, но и не слабак. Животные чувствуют страх, а я не собирался давать ему этот козырь.

Медленно протянул руку к ловушке, но не слишком близко, чтобы не спровоцировать укус. Горноста́й следил за мной, его глаза не отрывались от моих пальцев. Я заметил, как его бока вздымаются быстрее — он был на взводе, но уже не так яростно царапал прутья. Мой голос продолжал звучать ровно, как журчание ручья:

— Всё, всё, малец. Пора домой.

Я осторожно подхватил ловушку за верхний прут, стараясь не трясти её. Горноста́й снова зашипел, но уже тише, будто его силы начинали иссякать. Вес ловушки был невелик, но шершавые прутья царапали ладони, а стебли «телесника» оставляли липкий след на коже. Я встал, чувствуя, как ноют мышцы ног после долгого сидения в засаде. Солнце уже почти село, небо окрасилось в багрово-фиолетовые тона, а воздух стал прохладным, с лёгким привкусом сырости.

Путь домой нужно было выбрать осторожно. Хозяйство наше стояло на отшибе, у самого леса, и это было моим спасением — меньше шансов нарваться на любопытные глаза. Я двинулся по тропе, держа ловушку в левой руке, а ведро в правой. Шаги мои были мягкими, ступал по траве, избегая хрустящих веток и камней, чтобы не привлекать внимания. По пути запомнил дорогу и явные ориентиры безопасной зоны леса — благо опыта хватало и в мозгу формировалась карта. Ориентиров, а также удивительных, незнакомых мне мест, было слишком много. И когда всё это изучать?

— Ну что, дружок, — сказал я горностаю, держа ловушку на уровне груди. — Веди себя прилично, и всё будет хорошо.

Зверь ответил коротким шипением, но уже без прежней ярости. Его глаза всё ещё горели, но он притих, свернувшись в комочек в углу ловушки. Я чувствовал, как его взгляд следит за мной, но это уже был не страх, а настороженное любопытство. Мой голос, похоже, действовал — животные всегда реагируют на спокойный тон, если он не несёт угрозы.

Я шёл вдоль опушки, где тени от деревьев сливались с сумерками, делая меня почти невидимым. Ветер шуршал в листве, донося запах сырой земли и далёкого дыма из деревенских труб. Где-то вдали залаяла собака, но звук был приглушённым, не близким. Я напряг слух, но шагов или голосов не услышал — путь был свободен.

И тут горноста́й взбесился. Он вдруг рванулся в ловушке, его когти заскребли по прутьям с такой силой, что стебли «телесника» затрещали, а ловушка задрожала в моей руке. Его шипение перешло в высокий, почти визжащий звук, а мерцающий хвост хлестал по стенкам, будто искры сыпались из костра. Я остановился, мышцы напряглись, а сердце стукнуло быстрее.

— Да что с тобой такое? — пробормотал, опуская ловушку на землю. Мои пальцы сжали прутья крепче, чтобы зверь не вырвался. Он был в ярости, его глаза пылали, а зубы клацали, пытаясь вцепиться в стебли.

Я выдохнул, стараясь успокоиться. Нельзя паниковать — это только хуже сделает. Поэтому присел на корточки и посмотрел на горноста́я. Его агрессия была не просто страхом — что-то его взбудоражило.

Может, запах? Или звук? Я прислушался, но ничего, кроме ветра и далёкого лая, не услышал.

Аххх...

Татуировки на запястьях вдруг запульсировали, будто кто-то провёл по коже горячей иглой. Жар разлился по рукам, а в груди возникло странное ощущение, как будто внутри меня проснулась какая-то сила, древняя и тяжёлая, как раскалённый металл в кузнечном горне. Я не успел осознать, что происходит, и рывкнул:

— ТИХО!

Мой голос прогремел, как удар молнии, и татуировки вспыхнули ярким красным светом, будто вены наполнились расплавленным огнём. По коже пробежали узоры, закручиваясь, как живые змеи, и я почувствовал, как эта сила хлынула из меня, словно поток горячего ветра.

Горноста́й замер.

Его глаза расширились, алые искры в них потухли, а тело обмякло, будто кто-то выдернул из него всю ярость. Он смотрел на меня, его уши прижались к голове, а хвост бессильно повис. Ловушка перестала дрожать, и наступила тишина, такая густая, что я слышал собственное дыхание.

Я моргнул, чувствуя, как жар в руках медленно угасает, а татуировки тускнеют, возвращаясь к своему обычному, едва заметному красному оттенку. Горноста́й не шевелился, только его бока слабо вздымались, как будто он боялся даже дышать громко. Я тихо выдохнул:

— Вот так-то лучше.

Что это было? Эта сила... Великолепно! Я успокоил зверя всего лишь одним словом, ха-ха-ха! Как же было здорово. Раньше о таком и помыслить было нельзя.

Невероятный мир! Невероятные возможности!

И эта сила теперь моя? Она часть этого мира, и я только начал её понимать. Приручили я горноста́я? Вроде нет, скорее усмирил. Вон он, сидит и ест рыбу, будто не он только что рвал и метал. Интересно, вцепись он с такой яростью в лицо... Да, искромсал бы напроочь.

Но сейчас не время размышлять. Надо двигаться.

Я подхватил ловушку и двинулся дальше. В голове крутилась мысль: зверюгу нужно спрятать. В мастерской его держать нельзя — там кошка, а две хищные твари в одном помещении — это верный способ устроить бойню. Но я видел несколько старых клеток разных размеров в другом помещении, где находились различные непонятные устройства. Лишь теперь я начал понимать их назначение. Разломанные устройства в том здании очень подходили под что-то подобное тренировке. Буду звать то здание «Тренировочный полигон», пусть он и далёк от прямого назначения в текущей ситуации.

Там была клетка подходящего размера, если её почистить, горноста́й сможет там сидеть, пока не приручу его.

Сумерки сгущались, небо стало тёмно-фиолетовым, с редкими проблесками звёзд. Я ускорил шаг, стараясь не шуметь. Хозяйство уже виднелось впереди — покосившийся забор, тёмный силуэт сарая, низкая крыша дома. Ведро в правой руке слегка позвякивало, напоминая мне о кошке в мастерской.

Добравшись до дома, опустил ловушку с горноста́ем под кучу досок у забора. Прутья скрипнули, когда я прижал их к земле, мох и тени скрыли конструкцию, словно проглотили. Горноста́й внутри шевельнулся, его когти царапнули стебли, издав резкий звук, как нож по глиняной плошке.

Странно, Ольги в доме нет. Где она?

Я выглянул за угол и...

...Тут же замер, чувствуя, как волосы встали дыбом.

Во дворе, прямо перед дверью мастерской, она и стояла. Стояла спиной ко мне, её рука уже лежала на дверном засове. Чёрт, она же никогда туда не ходила!

НИКОГДА!
Почему сейчас?!
Она же вот-вот откроет!

Глава 12

Нет!

Нельзя, чтобы она увидела кошку Барута. Если та выскочит, можно ожидать самого худшего!

— СТОЙ! — крикнул я, среагировав мгновенно, будто молния ударила. Холодный и шершавый серп в руке впился в ладонь.

Сразу рванул к мастерской. Ноги топтали траву, сердце колотилось, как молот по доске, а серп в руке качался.

Мысли неслись: что делать если она не послушает и потянет за засов? Что предпримет кошка Барута? Если выскочит, начнётся хаос, шипение, а то и хуже. Как уговорить её? Или, чёрт возьми, если она кинется на мать, придётся бить серпом по лапам. Главное — держать её подальше от Ольги, любой ценой.

И не остановилась несмотря на мой оклик! Прошла всего секунда, но засов уже скрипнул, когда я добежал до мастерской.

Дверь начала отворяться с протяжным стоном, как старый сундук.

Ольга обернулась на мой крик, её лицо исказилось удивлением. Брови взлетели, глаза расширились, а рука застыла на засове, будто время замедлилось.

Мои шаги гулко отдавались в ушах, трава пружинила под ногами, а рубаха задралась, цепляясь за ремень. Я вытянул руку с серпом, готовый перехватить Ольгу, если кошка рванёт наружу.

Но... ничего не произошло.

Дверь распахнулась, я молча отодвинул женщину в сторону и замер в ожидании, но внутри было пусто.

Ни шипения, ни когтей, ни горящих глаз.

Только пыльный воздух, пахнувший ржавым металлом и старым деревом, ударил в нос. Половицы скрипнули под ногами, когда я шагнул внутрь. Я замер, переводя дыхание — пульс всё ещё стучал в висках.

Кошки не было. Ни следа, ни звука.

Я моргнул, оглядывая мастерскую: верстак с разбросанными гвоздями, моток верёвки в углу, тёмное пятно на полу от старого масла — всё как и было. Но где, чёрт возьми, кошка Барута? Может, выскользнула, пока я был в лесу? А как? Засов был на месте, я же проверял!

Ольга положила руку мне на плечо, я повернулся. Её лицо чуть смягчилось, но в глазах плескалось недоумение. Она поправила выбившуюся прядь волос.

-Ты чего, дурной, что ли? — сказала она, её голос был усталым, но с лёгкой насмешкой, как будто женщина пыталась скрыть тревогу. — Кричишь, будто крыша загорелась.

Я стоял, не находя слов.

Горло пересохло, будто пылью забило. Как кошка исчезла? Куда? Чёрт, так хотел её приручить!

Мои пальцы сжали серп сильнее, плечи напряглись, как канаты, натянутые на кол. Но может оно и к лучшему, чёрт знает, что бы случилось, будь она сейчас внутри.

Я осмотрел каждый угол. Полки с инструментами, куча тряпок, ржавый молоток без ручки — ничего.

— А что ты тут хотела? — спросил, стараясь держать голос ровным, хотя мысли путались. Я повернулся к женщине.

— Да ерунда, — ответила она, пожав плечами. Её взгляд скользнул по верстаку, потом на дверь. — Не поняла, почему мастерская на засов закрыта. Непривычно как-то. Ты что ли начал что-то делать?

Я выдохнул, стараясь не выдать облегчения. Пульс замедлился, но в груди всё ещё ворочалось напряжение.

Надо было объяснить, не вызывая подозрений. Я повернул серп в руке, его лезвие тускло блеснуло, и шагнул к верстаку, будто невзначай.

— Закрыл, потому что нас год назад обокрали, помнишь? — сказал, проводя пальцем по лезвию, ощущая его неровности. — Оставим открытым — всё растащат. А я тут иногда работаю, вот, серп точил, обещал же, что потихоньку начну работать.

Я показал ей инструмент, поворачивая его так, чтобы свет отразился на металле. Ольга смотрела на меня, её брови смягчились, а губы дрогнули в лёгкой улыбке. Она шагнула ближе, её рука потянулась к моей голове, и пальцы взъерошили волосы. Жест был быстрым, но тёплым.

— Молодец, сынок, — сказала женщина тихо и мягко. — Уже за дело берёшься. Мне приятно.

Я кивнул, тепло её слов осело в груди, словно глоток отвара Ирмы.

— Ага, слушай, а иди в дом, займись ужином? Я наловил окуней, в ведре у дома. Сейчас закончу тут и приду.

Её глаза расширились, она посмотрела на меня с удивлением, но тут же улыбнулась шире, её лицо осветилось, несмотря на усталость. Она поправила передник, её движения стали чуть живее, как будто моя забота добавила ей сил.

— Окуней? — переспросила, голос дрогнул, но она сдержалась, кашлянув. — Хорошо, сынок, спасибо. Это... очень кстати.

Я кивнул, но тут же вспомнил про ловушку со зверем у дома. Чёрт! Ольга же сейчас пойдёт туда и наткнётся... На горностая! Когда она открывала дверь мастерской перепугался так, что всё из головы вылетело.

Я постарался не выдать спешки.

— Ой, подожди тут секунду, — сказал, поднимая руку с серпом. — Есть вопрос, сейчас вернусь.

Ольга нахмурилась, её пальцы замерли на переднике.

— Куда это ты? — спросила она, но я уже рванул к дому, не отвечая. Добежал до кучи досок, где спрятал ловушку.

Горностай сидел тихо, его алые глаза следили за мной, будто изучая. Шерсть слабо мерцала, как звёзды в мутном небе, а хвост лежал неподвижно, не хлеща по прутьям. Он выглядел спокойным, почти любопытным, уши слегка подрагивали, ловя звуки. Я задержал взгляд — удивительное создание, в нём чувствовался живой ум. Странное ощущение, которое будто транслировали татуировки.

Я схватил ловушку, стараясь не трясать её, чтобы не спугнуть зверька. Путья царапнули ладони, вес был лёгким, но неудобным, заставляя напрячь плечи. Ведро с рыбой подхватил другой рукой, его ручка звякнула, когда окуни плеснулись.

Обогнув дом, выбрал угол, где тень от крыши падала на землю, скрывая всё в полумраке. Там, у стены, где трава была выше, а старый бочонок гнил в углу, я поставил ловушку. Она почти слилась с землёй, укрытая тенью и травой. Горностай не шевельнулся, только его глаза блеснули, когда я поправил прутья.

— Веди себя хорошо, — сказал спокойно, и зверёк замер, чуть склонив голову.

Вернувшись к Ольге, протянул ей ведро с рыбой, стараясь выглядеть естественно. Её брови взлетели, она посмотрела на ведро, потом на меня, и её губы дрогнули в лёгкой улыбке.

— Да я и сама могла бы взять, — сказала она, принимая ведро. Её пальцы коснулись ручки. — Что, хотел лично передать, да?

Я почесал затылок. Ну ладно, наверное, что-то подобное бы и ляпнул. Поэтому пожал плечами, скрывая неловкость.

— Ага, вроде того, — буркнул в ответ. Ольга улыбнулась шире, её глаза потеплели.

— Ценю твою заботу, сынок, — сказала она тихо и чмокнула в щёку, её голос был тёплым, но сдержанным. — Пойду пожарю рыбу, заканчивай дела, позову на ужин.

Она повернулась и пошла к дому, ведро слегка покачивалось в её руке. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью, и выдохнул. Пульс замедлился, но в груди всё ещё ворочалось напряжение, постепенно сходящее на нет.

Тут же рванул за угол дома, подхватил ловушку с горностаем и побежал к мастерской. Зверь снова зашевелился, его когти слабо царапнули прутья, но он не шипел, а только смотрел. Шерсть искрила, отбрасывая крошечные блики на прутья, а уши подрагивали, будто он прислушивался к моим шагам. Я улыбнулся — этот малец был отличной добычей!

В мастерской поставил ловушку на пол у верстака и начал искать клетку. В углу нашёл нужную, с чуть погнутыми прутьями, но вполне подходящую.

Прутья были холодными, покрытыми коркой грязи и лёгким налётом ржавчины, а дверца болталась, но держалась. Вытащил её и принялся чистить. Смахнул пыль тряпкой, пахнувшей маслом и плесенью, а потом взял щётку с жёсткой щетиной с полки. Щётка царапала металл, счищая ржавчину, которая осыпалась, как сухая земля. Я работал быстро, но тщательно, проверяя каждый прут, чтобы горностаи не вырвались.

Зверь наблюдал. Его глаза следили за каждым движением с любопытством, а уши дёргались от звуков. Он не шипел, а сидел, свернувшись в комок, его мерцающий хвост чуть покачивался, как маятник. Бока вздымались медленнее, будто он успокоился, но был настороже.

— Ну что, малец, — сказал я, опускаясь на корточки перед ловушкой. — Пора в новый дом. Веди себя прилично.

Горностаи фыркнули.

Медленно открыл дверцу ловушки, держа клетку наготове. Пальцы слегка дрожали от напряжения, но я двигался плавно, чтобы не спугнуть. Зверь насторожился, уши встали торчком, глаза блеснули. Он шагнул вперёд, лапки едва касались прутьев, а потом рванул в клетку, будто решив, что это лучше тесной ловушки. Я быстро захлопнул дверцу.

Он закрутился, обнюхивая прутья, когти слабо царапнули металл, но вырваться не пытался. Хвост мелькнул, оставляя шлейф искр, а потом зверёк свернулся в углу, глядя на меня. Его глаза, алые и глубокие, будто спрашивали: «И что дальше?» Я выдохнул.

— Так держать, — пробормотал, отодвигая клетку в угол мастерской, где тени от полок скрывали её. Держать зверя в клетке так нельзя, это временно. Ему нужна еда, уход, приручение. Вернусь, когда Ольга уснёт, тогда разберусь. Татуировки на запястьях слабо пульсировали, напоминая о «Зверином кодексе».

Я выпрямился, забрал ловушку и вышел на улицу.

Ольга как раз появилась из-за угла дома — её лицо было хмурым, брови сдвинуты, губы поджаты, будто она скрывала недовольство. Передник был в муке, волосы растрепались, выбившись из пучка.

— Макс, к тебе Виола пришла, — сказала она с тенью раздражения.

Девчонка показалась за спиной женщины почти сразу. Кхм, успела переодеться и сразу пошла сюда? Ну хоть волка не видеть.

Её тёмно-синяя юбка колыхалась при каждом шаге. Сапожки тихо хрустели по тропинке, а на лице легко читалось уже привычное надменное выражение. Глаза скользнули по мастерской, остановившись на мне. Губы изогнулись в привычной высокомерной усмешке, но в её походке было что-то нарочито лёгкое.

Я невольно усмехнулся и спокойно, без суеты, закрыл дверь мастерской на засов. Мелькнула мысль, что очень уж я ей нужен, раз так быстро объявилась за долгом.

— Всё в порядке, — кивнул Ольге.

Она посмотрела на меня, потом на Виолу, её брови чуть сдвинулись, но женщина лишь кивнула.

— Не задерживайся, Макс, — бросила она, поворачиваясь к дому. — Рыба уже на скоробе будет.

Дверь скрипнула, закрываясь за ней, и её шаги затихли, смешавшись со стрекотом сверчков. Я повернулся к Виоле и кивнул в сторону сарая.

— Пойдём туда, — махнул ей рукой, шагая вперёд. Девчонка фыркнула, но последовала за мной, её сапожки топтали траву с демонстративной ленцой, как будто она делала мне одолжение.

Мы остановились у сарая, девушка скрестила руки, её подбородок вздёрнулся, а глаза прищурились, будто она смотрела на что-то мелкое и несущественное. Я опёрся на серп, его рукоять впиалась в ладонь, и ждал, пока она заговорит.

— Барут очнулся, — сказала она с едким оттенком. — Жив-здоров, если тебе интересно. Старуха Ирма, конечно, не удержалась, растрепала, что ты помог и убедил её отдать огнежар.

Я кивнул:

— Хорошо, что выжил, — сказал, глядя ей в глаза. — А то у тебя бы точно проблемы были. Его родители ведь в совете старейшин, верно?

Виола напряглась, её пальцы дрогнули, но тут же рассмеялась — громко, чуть надрывно, как будто хотела задушить тишину. Её глаза сверкнули, но улыбка вышла натянутой.

— Проблемы? У меня? — она вскинула бровь, отбрасывая косу за плечо. — Ха! Барут сам полез, получил, что заслужил. Никто мне ничего не сделает.

Я заметил, как её ногти впились в ремешок, оставляя белые следы на коже.

Врёт. Переживает, и на самом деле рада, что парень выжил. Но указывать на свои предположения не стал — лишь пожал плечами.

— Я устал, Виола, и ужин скоро. Говори быстрее, что тебе нужно?

Она вдруг шагнула ближе и, не говоря ни слова, опустилась на траву, вытянув ноги с вальяжной небрежностью. Девушка посмотрела на меня снизу вверх, её губы изогнулись в насмешливой улыбке, а глаза блестели с вызовом.

— Ты же теперь мой должник, Макс, — сказала она, её голос стал слаще, с ядовитым привкусом. — И ты сделаешь, что я хочу.

Глава 13

— А помассируй-ка мне ножки, а? Устала я, по лесу сегодня долго бродила, — Виола притворно потянулась и уставилась на меня в ожидании.

Мои брови взлетели. Сердце стукнуло, как кувалда по наковальне, а в голове мелькнула мысль: неужели она серьёзно?

Я моргнул, стараясь не выдать оторопь, но уголок рта всё же дёрнулся. Любит принижать, ставить всех ниже себя. Играет в хозяйку, а мы все — её слуги. Ох девочка, несладко тебе по жизни может быть, если что-то в ней изменится...

Что-то подсказывало, что дуэль с Барутом была не из-за той причины, которую рассказал мне Стёпка. Её слова, её тон и поведение... Всё показывало мне это.

— Нет уж, Виола, — сказал я, растянув губы в лёгкой улыбке. — Для таких дел у тебя охранники есть. Пусть они и стараются, а то, чего бесплатно деньги получают?

Она прищурилась, её пальцы замерли на ремешке, а улыбка стала острее.

— Странно, что ты про Стёпу ничего не сказал, — протянула она, наклоня голову. — Он же на меня так смотрит, не замечал?

Ну, змея, вся в деда. Внимательная! если так дальше пойдёт, скоро будет из парня верёвки вить. Я вновь пожал плечами, поворачивая серп в руке.

— Не замечал, — ответил ровно. — Да и не до того мне, Виола. Если это всё, то я, пожалуй, пойду.

Она вскинула подбородок, её глаза недобро сверкнули.

— Ты хорошо подумал? — голос стал резче. — А как же твой поход в лес? Дедушка будет рад услышать, что ты нарушил закон. Не хочешь помассировать мне ножки? Многие были бы рады.

Я усмехнулся, постукивая серпом по ладони. Ох дитя.

— Спасибо, конечно, но обойдусь. А насчёт леса? Кхм-м-м-м, — я не удержался и показательно задумался, приложив палец к подбородку. — У тебя что, есть какие-то доказательства? Твоё слово против моего.

Виола напряглась, её губы сжались в тонкую линию, а пальцы так стиснули ремешок, что кожа побелела. Она вскочила, её юбка взметнулась, и шагнула ко мне.

— Много на себя берёшь, Макс! — выпалила она, её голос дрожал от еле сдерживаемого гнева. — Думаешь настоящий Зверолов, да? Да деревня тебя за больного держит! Думаешь, раз татуировки загорелись, то теперь всё можно?

Я снова усмехнулся, поигрывая серпом в руках. Настанет время, девочка, и мы поговорим совсем по-другому. А пока... Выбьем тебя из колеи.

— Кстати, а ты, похоже, не веришь в эту чушь. Раз пришла сюда, да ещё просишь меня к тебе прикоснуться. К чему этот фарс, Виола? Чем дальше, тем больше кажется, что тут что-то нечисто. А знаешь, будет забавно рассказать твоему деду, о чём ты меня просила. Как он ответит мне, когда его любимая внучка просила больного парня коснуться её... Ещё раз?

Её глаза расширились, губы дрогнули, как будто кто-то выдернул у неё опору. Она замерла.

— Ты... что? — выдохнула она, её голос стал тише, но в нём звенела тревога. — Такой умный стал? Раньше ты этим не отличался.

Я пожал плечами и ответил спокойно:

— Время прошло, Виола. Люди растут и меняются.

Она стиснула зубы, её глаза сузились, но потом она вдруг сменила тон, её голос стал мягче.

— Ладно, — сказала девчонка, отводя взгляд. — Покажи мне, как ты сделал эту ловушку. Я такого раньше не видела. Без проволоки, без верёвок — как это работает?

Я прищурился. Такая примитивная ловушка, а она так заинтересовалась? Странная. Показать было несложно, тут нет никакого секрета, и если это — то знание, которое удержит её язык за зубами, почему нет. Ладно, чуть смягчим ситуацию, мне сейчас крайне невыгодно, чтобы старик выявил горностаю. Как ни крути — он Зверолов, со своими питомцами и способностями, а своего врага нужно знать в лицо. Слишком уж мало времени прошло, мне нужно больше знаний.

Я поставил ловушку на землю.

— Вот. Стебли «телесника», сплетены туго, чтобы держали форму. Камень сверху, как противовес, — показал на плоский булыжник, привязанный к верхнему пруту. — Зверь задевает натянутый стебель, камень падает, дверца захлопывается.

Виола присела на корточки, её юбка собралась складками на земле, а пальцы осторожно коснулись прутьев. Её брови сдвинулись, глаза внимательно изучали узлы.

— И это держит зверя? — спросила она, её голос был подозрительно серьёзным, в нём звучало едва скрываемое любопытство.

— Держит, если узлы крепкие, — ответил, постукивая пальцем по камню. — Главное — сплести так, чтобы не развалилось.

Про маскировку запаха и свои теории о магическом следе татуировок говорить не стал, ещё чего. По большому счёту одной ловушки тогда не хватит, чтобы поймать зверька, если нет других знаний. Может и получится, на удаче, но полагаться на это профессионалу не пристало. А даже если и получится, мне-то что?

Главное, чтоб молчала.

Ещё предстоит у Стёпки узнать, как это так вышло вообще? Уж не разболтал ли чего, ведь неровно дышит к этой пигалице.

Виола кивнула, её пальцы пробежались по стеблям, будто проверяя их прочность. Потом встала, отряхнула юбку и посмотрела на меня, её глаза снова блеснули насмешкой.

— Неплохо для доходяги, — бросила она, развернувшись к дороге.

Её сапоги зашуршали по траве, коса качнулась, и она исчезла за углом дома, не сказав больше ни слова.

Я смотрел ей вслед, пока её шаги не затихли, покачал головой и направился домой.

Внутри пахло жареной рыбой. Печь потрескивала, угли в ней шипели, отбрасывая красноватые блики на глиняные стены. Ольга стояла у стола, её передник был припорошен мукой, а руки двигались быстро, переворачивая окуней на сковороде. Жир шипел, брызгая на край печи, а запах рыбы, обваленной в муке, заполнял комнату, смешиваясь с дымком от дров. Ведро с рыбой стояло у двери, внутри плескались две оставшиеся рыбины. Хорошо, что клёв был хороший.

— Садись, Макс, — сказала Ольга, не оборачиваясь. — Что там Виола хотела?

Я опустился на табурет, его ножки скрипнули под весом. Постучал пальцами по столу.

— Благодарил за помощь Баруту, — ответил, глядя на сковороду, где окуни шипели, их корочка золотилась.

Ольга кивнула, её рука замерла с деревянной лопаткой над сковородой.

— Дуэль, значит, — сказала она, её брови чуть сдвинулись. — У них всё обошлось?

— Наверное нет, — ответил я.

Наступила небольшая пауза, которую захотелось нарушить.

— А до какого момента проводится дуэль? Не до смерти же?

Она сняла со сковороды последнюю готовую рыбину, положила лопатку на стол и вытерла пальцы о передник, оставляя белые следы муки.

Быстро наложила нам окуньков и села за стол.

На лице Ольги отразилась материнская забота и печаль.

— Как много ты забыл после своей болезни...

— Главное, что сейчас всё в порядке! — я широко улыбнулся и принялся за ужин, и она расслабилась.

— В дуэлях всегда секундант есть, — начала она. — Правила простые: звери бьются до тех пор, пока могут продолжать. Секундант следит, чтобы всё по-честному. В деревне нашей редко такое, Мастеров не так уж много, да и Звероловов почти нет. А в городах — да, там почаще. Там и ставки, и толпы, и шум.

Я кивнул.

— Но ведь питомцев, особенно боевых, используют не только в дуэлях?

Спросил не просто так, потому что в размытой памяти парнишки что-то смутно крутилось про войны и лес.

— Ну конечно... — мама удивлённо вскинула брови. — В чём, по-твоему, настоящая сила Звероловов и Мастеров? Первые поставляют военную мощь, силу противостоять магическим зверям в глубинах опасных зон, уж молчу про войны с другими королевствами. Вторые просто её используют.

— Да, я об этом.

— Службу королевству и военный призыв никто не отменял, это правда, — кивнула мама с тревогой в глазах. — Понимаешь, почему я против? Хоть Звероловов и ценят, это правда...

— А как иначе зарабатывать, м? — постарался спросить я как можно мягче, глядя на её руки, испещрённые царапинами от работы. — Вечно пахать в поле за копейки?

— Мне не нравится этот разговор, Максим, — строго сказала женщина, оторвавшись от тарелки.

— А смертельные случаи? — спросил я, резко сменив тему. — Бывает, что зверь погибает на дуэли?

Она вздохнула, её плечи чуть опустились, как будто груз дня стал тяжелее.

— Редко, — её голос стал тише. — Питомцы дорогие, их берегут. Но случается, если кто-то зазевался или зверь слишком агрессивный. В нашей деревне такого не бывает.

— Никогда? — уточнил я, прищурившись.

— Ну, — она пожала плечами, — в дуэлях редко. На войнах, или в каких-то серьёзных стычках, где сражаются уже не на жизнь, а на смерть, там да... Но это уже и дуэлью не назвать, когда вот так... А так, все же ценят своих зверей, Макс.

Я кивнул, потирая запястье.

— А сколько стоит, например, горноста́й первой ступени? — спросил я, стараясь держать голос небрежным. — Просто любопытно.

Ольга посмотрела на меня, её брови взлетели, но она ответила, её голос стал деловым, как у торговки на базаре.

— Горноста́й первой ступени, если полезный, вроде тех, которые травы находят, стоит дорого.

— Ну сколько?

— Серебряков может пятнадцать? Хотя, после смерти твоего отца, я уже давно не слежу за ценами на питомцев, — Ольга вздохнула, а я напряг память.

Деньги у нас — медь, серебро, золото. Медные монеты — мелочь, за горсть хлеба купишь. Сто медяков — уже серебряная. Эти — уже серьёзнее, за пару серебряков сапоги крепкие можно взять, одежду различную и тому подобное. Сто серебряных монет — одна золотая. Золотая уже редкость, за них многое можно купить, например небольшое хозяйство.

Если горноста́й имеет нужные навыки, то пойдёт за пятнадцать серебряков? Вот это да! И это первой ступени!

— А что влияет на цену? — спросил я, наклоняясь ближе. Печь потрескивала, тепло от неё гудело, как далёкий колокол.

— Так! Хватит об этом, — рявкнула Ольга и нахмурилась. — Я не собираюсь рассказывать своему сыну такое, что заставит его шуровать в лес на охоту, понял?

— Да всё, всё, — буркнул я, уставившись в тарелку.

Ладно, хоть чуть-чуть узнал.

— А как дела на работе? — спросил, пытаясь разрядить обстановку.

Ольга пожала плечами.

— Всё в порядке, — сказала она с показным безразличием. — Правда Сатий задерживает выплату, но он раньше так не делал. Обещал за неделю рассчитаться. Хорошо, что ты рыбу наловил, сынок, вовремя.

Я кивнул и изобразил улыбку, хоть внутри и неприятно кольнуло.

После ужина, когда Ольга ушла спать, пожелав мне добрых снов, я взял ведро с оставшимися окунями и вышел на улицу.

Время близилось к полуночи.

Деревня молчала, лишь сверчки стрекотали в траве, да где-то вдали скрипела калитка, качаемая ветром. Звёзды мерцали над крышами, а воздух пах сыростью и дымом от остывших печей. Я взглянул в небо, туда, где небесный Раскол искрил фиолетовыми брызгами, и вдохнул глубже, плечи расслабились.

Эх, как ни крути, а мир этот мне по душе.

Пора разобраться с этим «Звериным кодексом».

Я присел у стены мастерской, поставил ведро на землю, рыбины плеснули, звякнув чешуёй о металл. Закрыв глаза, сосредоточившись. Татуировки на запястьях кольнули жаром, как раскалённый гвоздь, и перед глазами вспыхнули чёткие слова.

Звериный кодекс. Бестиарий. Раздел открыт.

Я мысленно потянулся к разделу, и текст развернулся, будто свиток на столе.

Интересно, но доступен мне был только один питомец!

Горноста́й мерцающий. Эволюционный индекс — G.

Горноста́й мерцающий. Хищник, своевольный и привередливый, выбирает добычу по запаху и настроению, может отказаться от еды, если не доверяет хозяину. Маленький зверь, покрыт короткой, шелковистой шерстью, которая в темноте испускает слабое мерцание, особенно на хвосте.

Поведение: Осторожен, но любопытен. Предпочитает ночную активность если не голоден, избегает открытых пространств.

Навыки:

Создание иллюзии (G)— физическая, но крайне слабая проекция себя, чтобы обмануть хищников или охотников. Требуют затрат энергии, после чего зверь становится медлительнее. Чует магические следы на расстоянии до 2 метров.

Поиск и сбор (G)— чует редкие травы и реагенты в радиусе 5 метров. Точность, расстояние, а также редкость найденных ресурсов, зависит от эволюционного индекса и уровня приручителя.

Я выдохнул.

Невероятно. Поиск и сбор ресурсов! А не это ли полезный навык, за который можно выручить нормально денег? Вот только я сразу же отмёл эту мысль как дошло до дела...

Потому что «такая корова самому нужна»!

Всё, что я знал о животных, меркнет перед этим. Зверь, который создаёт иллюзии, ищет травы, слегка светится в темноте — это как держать в руках факел, который сам выбирает, куда светить и собирает ресурсы! Возможности кружили голову.

Радовало, что я был прав. Всё-таки этот мелкий зверёк почуял мои татуировки, поэтому и призывал иллюзию. Странное, конечно описание. Не клон, а иллюзия, хоть и материальная.

А вот слабости и повадки были достаточно знакомы. Этому я особо не удивился, если учесть, что пришедший Раскол видоизменил существующих зверей, а не создал новых. Хотя, поговаривают, что в самых опасных участках ближе к «Хребту Раскола» и такие есть.

Закрыв бестиарий, увидел уведомление.

Информация о корме, тренировках и уходе доступна после приручения питомца.

Дальше вспыхнула новая надпись.

Приручение питомца — Сила Зверолова позволяет установить связь с питомцем его уровня или ниже. Требуется физический контакт и активация татуировок через сосредоточение. Доверие формируется через регулярное взаимодействие: кормление, уход, тренировки. При высоком доверии возможно приручение зверя выше эволюционного индекса или уровня, но успех зависит от мастерства Зверолова. Процесс требует времени и терпения. Зверь должен признать хозяина как равного.

Я мысленно кивнул, впитывая информацию как губка. Доверие, значит... Так, а ведь должна же быть какая-то информация обо мне, так? И точно, вот она, панель «статус». Тут же раскрыл её.

Статус.

Уровень: 1.

Опыт: 0/5.

Свободных очков: 2.

— Ха-ха-ха, — я невольно расхохотался. — А что качать-то?

Тот охотник рассказывал про какие-то характеристики, сила, ловкость, что-то там ещё. А у меня просто опыт и всё? А что тогда даёт уровень? Хотя, подожди-ка. Очки ведь какие-то есть. И у меня открылась возможность обнаружения полезных ресурсов в радиусе 15 метров. Может уровень будет улучшать её? Или какое-то взаимодействие с питомцами? Давать доступ к новой информации? Тогда это имеет смысл. Короче, нужно взять второй уровень, приручить питомца и посмотреть. Я мотнул головой. К чёрту, так можно сидеть бесконечно.

Возможно, после приручения узнаю больше. Вот только приручить бы! Похоже придётся постараться. Могло ли моё воздействие татуировками усилить доверие? Ладно...

Пора было действовать.

Подхватил ведро, рыба плеснула, и пошёл к мастерской.

Горноста́й в клетке поднял голову, его алые глаза блеснули, как раскалённые бусины. Хвост слабо качнулся, искры пробежали по шерсти, отбрасывая блики на прутья.

Поставил ведро на пол, и присел перед клеткой. Зверёк насторожился, уши дёрнулись, когти царапнули металл. Я медленно протянул руку к дверце, её петли скрипнули, когда потянул.

Зверь фыркнул, его шерсть встала дыбом, но он не бросился. Пальцы сжали край клетки, металл охлаждал кожу, а татуировки кольнули жаром, как раскалённый гвоздь.

— Спокойно, малец, — шепнул я, опуская голос до мягкого журчания. — Мы с тобой теперь команда.

Сосредоточившись, закрыв глаза. Татуировки запульсировали сильнее, жар разлился по рукам, как расплавленный воск, стекающий по свече.

В груди зародилось тепло, тяжёлое, как нагретый в кузне металл, и потекло к пальцам. Я медленно протянул руку к горностаю, ладонь раскрыта, пальцы неподвижны. Зверь замер, его глаза следили за мной, как два раскалённых угля. Уши прижались, но он не шипел, только дышал быстрее, бока быстро вздымались.

Я действовал интуитивно, это ощущалось, как если бы ты сел на велосипед спустя пятьдесят лет.

Представил, как сила татуировок течёт из меня, как верёвка, которую наматываешь на катушку. Она была горячей, живой, будто пульсировала в такт моему сердцу. Я направил её к горностаю, чувствуя, как она касается его шерсти, как искры на его хвосте вспыхивают ярче. Зверь дёрнулся, его когти царапнули прутья, но я не остановился. Жар в татуировках стал сильнее, узоры на коже закрутились, как водоворот в реке, и сила хлынула вперёд, обволакивая горностаю.

Его глаза расширились, искры в них заплесали, как звёзды в ночном небе. Я чувствовал его сопротивление, как тугую струну, которую пытаешься натянуть. Но я не давил, а вёл, как мастер, направляющий молот по наковальне. Мои пальцы дрожали, а пот стекал по виску. Сила текла через татуировки, соединяя нас, как мост из расплавленного света. Горностаю фыркнул, его хвост хлестнул по прутьям, но потом он вдруг расслабился, его уши поднялись, а шерсть опала.

На его шее, чуть ниже уха, вспыхнул знак — тонкая красная спираль, похожая на завиток раскалённой проволоки. Она пульсировала в такт моим татуировкам, а потом угасла, оставив слабый, но чёткий отпечаток. Зверь смотрел на меня, его глаза уже не горели угрозой, а искрились любопытством. Он шагнул ближе, его лапки мягко коснулись прутьев, и фыркнул, будто соглашаясь.

Я выдохнул, жар в татуировках угас, как остывающий очаг. Сердце стучало, но я улыбнулся.

Это оно.

Теперь понятно, как это работает. Сила Звероолова — не просто магия, это открывало такие перспективы, что голова кружилась. Действительно могу укрощать зверей, менять их, растить.

Это как ковать живое оружие...

Моё оружие.

Внимание! Питомец приручен.

Внимание! Получено опыта — 5. Получен Уровень 2.

Горностаю мерцающий. Уровень — 1. Эволюционный индекс — G.

Разблокированы разделы: Питание, Тренировка, Медицина.

Я тут же раскрыл их.

Питание: Горностаю мерцающий. Предпочитает сырую мелкую рыбу, мелких грызунов, насекомых, ягоды.

Специальная пища: Звёздный ишиовник, пыльца искрового мха.

Тренировка: Горностаю мерцающий. Для улучшения навыка «Создание иллюзии» рекомендуется тренировка реакции и скорости реагирования зверя. Для навыка поиска и сбора рекомендуется прямой подход через практику и обучение.

Я мысленно кивнул, впитывая информацию, лишь вскользь изучив раздел медицины. Информация была почти ясной, но всё равно несколько минут просидел, перечитывая данные. Эти названия реагентов пока мне были незнакомы.

Что ж, пожалуй, придётся заниматься зверем, «Звериный Кодекс» не давал прямого руководства, придётся разбираться со всем этим подробнее завтра.

Подумал о том, что зверь достаточно своенроен — каждый шаг придётся продумывать.

Я мысленно вызвал статус.

Статус.

Уровень: 2.

Опыт: 0/8.

Свободных очков: 4.

Навык: «Обнаружение» — поиск полезных ресурсов в радиусе 15 метров.

Особенность: Экспериментальная эволюция. (Заблокировано, достигните Уровня 10).

Питомец: Горноста́й мерцающий.

Уровень: 1.

Опыт: 2/5

Эволюционный индекс: G.

Характеристики питомца:

Сила: 2 (влияет на физическую выносливость и мощь питомца).

Ловкость: 4 (определяет скорость и точность движений).

Поток: 5 (влияет на магические способностей).

Навыки:

Создание иллюзии (G): Физическая, слабая проекция себя для обмана врагов. Требуется поток, после чего зверь замедляется.

Поиск и сбор (G): чует редкие травы и реагенты в радиусе 5 метров. Точность зависит от уровня приручителя.

Пульс ускорился, как тиканье часов, сорвавшихся с ритма. Характеристики зверя были скромными, кхм, а что вообще улучшать горностаю?

Всерьёз задумался. Во-первых, ничего не мог уяснить про эволюционный индекс и экспериментальную эволюцию. Про это просто не было информации. Могу ли я налаживать, если вброшу очки горностаю куда-то не туда? Каким образом улучшаются навыки и их ранг? После эволюции?

Невероятное количество вопросов и ноль ответов. Исходя из моей логики егеря, хотелось усилить ловкость и силу, но неужели у зверя просто так параметр «Поток» на самом высоком значении? Хотя, создание иллюзии казалось мне малополезным навыком. Я тут же мотнул головой. О чём ты думаешь? А если создать отвлекающий манёвр для какого-то зверя?

Ну а как зарабатывать опыт самому питомцу? И что будет давать его уровень, если очки прокачиваю я? Голова кругом. Нет, на сегодня точно хватит.

Никаких поспешных решений!

Сомнение заключалось ещё и в том, что количество очков у меня не безгранично, а вот потенциальных питомцев, которым я могу их дать — очень даже. Так что сейчас это мой самый важный ресурс!

Перевёл взгляд на горностаю. Он сидел в клетке, его алые глаза следили за мной, уши слегка подрагивали. Хвост лениво качнулся.

Я вытащил окуня из ведра. Рыбина, ещё влажная, скользнула в руке, но удалось удержать. Положил рыбу на пол в метре от клетки, отступил и скрестил руки.

— Ешь, малец, — сказал твёрдо, но спокойно.

Татуировки на запястьях кольнули жаром, и я сосредоточился, представляя, как моя воля течёт через них, как нить через игольное ушко.

Знак на шее горностаю — тонкая красная спираль — слабо засветился, пульсируя в такт моим татуировкам. Зверь дёрнул ушами, его глаза блеснули, и он шагнул из клетки, лапы мягко коснулись пола. Он принюхался, его усы задрожали, и, не теряя времени, метнулся к рыбе.

Когти царапнули половицу, зубы вонзились в окуня, разрывая чешую с хрустом. Он ел быстро, но аккуратно, не отводя от меня взгляда.

Однако чувствовалась, что эта связь хрупкая, как хрусталь. Я выдохнул, жар в татуировках угас. Сердце стучало ровно, а уголок рта дёрнулся в лёгкой улыбке.

Горностаю фыркнул, слизывая каплю рыбьего жира с усов, и вернулся к клетке, где свернулся клубком. Его глаза всё ещё следили за мной, но в них была не угроза, а спокойное, только зародившееся доверие.

Да уж. Возможности, по сравнению с моими прошлыми знаниями о зверях, совершенно иные.

— Эй, — я присел к клетке и похлопал по своему плечу ладонью. — Прыгнешь сюда?

Зверёк фыркнул и чуть склонил мордочку, будто не понял, чего от него хотят, но алые глазки на миг полыхнули в протесте.

— Ладно. Времени у нас много впереди, дружок. Ты уж посиди сегодня тут, ладно? Завтра разберёмся с проблемой доверия.

Интересно, куда всё-таки подевалась кошка?

Но едва зашёл домой, и моя голова коснулась подушки, как тут же уснул.

Глава 14

Проснулся с первыми лучами солнца, ещё до того, как в деревне запели петухи. В голове снова всплыла мысль о кошке Барута — куда, чёрт возьми, она могла подеваться?

Быстро позавтракал, накинул рубаху и вышел во двор. Роса холодила ноги, а воздух был свежим, с привкусом утренней сырости.

Направился напрямик к мастерской. Засов был на месте, точно так, как я его оставил вчера. Отодвинул его и шагнул внутрь.

Горноста́й в клетке спал, свернувшись клубком, его мерцающая шерсть едва заметно поблёскивала.

Пыльный воздух ударил в нос, смешанный с запахами ржавого металла и старого дерева. Проверю более тщательно...

Я медленно обошёл всё помещение, внимательно осматривая каждый угол. Никаких следов когтей на стенах. Никаких повреждений в досках. Даже пыль на полу лежала ровно, без признаков борьбы или резких движений.

— Что за чёрт... — пробормотал, присев на корточки у того места, где стояло ведро с водой.

Оно было пустым, но это ничего не значило — кошка могла выпить всё за день.

Поднялся и ещё раз обошёл мастерскую, на этот раз проверяя каждую щель между досками, каждую трещину в стенах. Ничего. Помещение было замкнутым пространством, из которого не могла сбежать кошка таких размеров.

— Ты что, умеешь проходить сквозь стены? — спросил я в пустоту, но ответа, естественно, не последовало.

Загадка оставалась нерешённой, но, если честно, чувствовал больше облегчения, чем разочарования. Теперь можно спокойно заниматься горностаем, ничего не опасаясь.

Взял клетку и вышел на улицу. Зверёк проснулся и сидел, внимательно наблюдая за мной алыми глазками. Уши слегка подрагивали, улавливая каждый звук.

— Доброе утро, малец, — сказал я тихо, присаживаясь перед клеткой. — Как спалось?

Зверёк фыркнул и потянулся, его позвоночник изогнулся дугой, как у кошки. Хвост качнулся, оставляя за собой слабые искры.

В ведре оставалась ещё одна рыбина с вчерашней рыбалки. Я достал её и положил перед клеткой.

— Завтрак подан, — объявил, открывая дверцу.

Горноста́й вышел не сразу. Сначала он долго принюхивался, его усы дрожали, улавливая запахи. Потом осторожно выставил одну лапку, потом вторую. И только убедившись, что никакой опасности нет, подошёл к рыбе.

Но вместо того, чтобы сразу приняться за еду, он начал её обследовать. Обошёл вокруг, понюхал с разных сторон, даже лизнул хвост. Я наблюдал за этим ритуалом с усмешкой.

— Ты что, ресторанный критик? — пробормотал я. — Это та же рыба, которую ты вчера лопал с аппетитом.

Наконец зверёк, видимо, остался доволен качеством блюда и принялся за трапезу. На этот раз ел он аккуратно, отрывая маленькие кусочки и тщательно их пережёвывая. Время от времени поднимал голову и смотрел на меня, словно проверяя, что я никуда не делся.

Пока он завтракал, я заглянул в «Звериный кодекс» и ещё раз перечитал раздел о питании.

Предпочитает сырую мелкую рыбу, мелких грызунов, насекомых, ягоды.

Специальная пища: звёздный шиповник, пыльца искрового мха.

Обычная еда у нас была — рыбу я мог ловить регулярно, да и лес — рукой подать, сбегает. А вот со специальной пищей сложнее. Где растёт этот звёздный шиповник? И что такое искровый мох? Может расспросить Ирму, она должна знать? Чёрт, но ведь эта старуха сразу догадается в чём дело, слишком уж проницательна.

Горноста́й закончил есть и, вместо того чтобы вернуться в клетку, начал обследовать окрестности. Он ходил кругами, приносясь к каждой травинке, каждому камню. Его нос работал как миниатюрный пылесос.

Внезапно он замер возле кучи старых досок и начал возбуждённо скрести лапками землю. — Что там такое? — заинтересовался я, подходя ближе.

Зверёк пискнул и начал рыть с удвоенной энергией. Из-под досок показался червяк, которого горноста́й тут же схватил и проглотил.

— Ага, дополнительный белок к завтраку, — кивнул я с пониманием.

Но он на этом не остановился. Продолжал копать, явно что-то чуя. Я отодвинул несколько досок, освобождая ему место для работы.

И тут меня осенило. А не это ли действие его способности «Поиск и сбор»? Зверёк явно чувствовал что-то ценное под землёй. Не травы, конечно, но какую-то другую добычу.

Через несколько минут кропотливого труда горноста́й выкопал небольшой клубень неизвестного мне растения. Он был серовато-коричневого цвета, размером с грецкий орех, и источал слабый, приятный аромат.

Зверёк с довольным видом отнёс его в сторону и спрятал за камнем. Видимо, создавал стратегический запас.

— Хорош, — похвалил я его. — Значит, твой навык действительно работает как надо. Чёрт, неужели?..

Я закрыл глаза и сосредоточился. Татуировки на запястьях мгновенно отозвались жаром, будто раскалённые угли прижались к коже. Тепло поползло по венам, разливаясь по всему телу тяжёлой волной.

Навык «Обнаружение» активирован.

Мир взорвался болью в глазах.

Когда я их открыл, всё вокруг погрузилось в чёрно-белую дымку, словно кто-то выжег все краски из реальности. Трава под ногами стала пепельно-серой, небо превратилось в мутное полотно, а деревья вдали смотрелись как угольные наброски на белой бумаге. Даже горноста́й рядом со мной потерял своё мерцание, став блёклой тенью.

Я медленно повернул голову, осматривая окрестности. В радиусе пятнадцати метров — а я каким-то образом чувствовал эту границу, как невидимую стену — не было ни проблеска цвета.

Ничего.

Пустота.

СТОП!

Мой взгляд упал на корнеплод, который выкопал горноста́й. В этом сером мире он слабо, едва заметно, отливал тусклым коричневатым оттенком. Не ярко, не броско — просто намёк на цвет в бесцветном пространстве.

Татуировки жгли всё сильнее, а в висках начала пульсировать боль, как от удара молотка. Способность высасывала силы, словно прорвавшаяся плотина. Дыхание сбилось, пот выступил на лбу, а руки задрожали.

Чёрт, долго не выдержу!

Я резко деактивировал навык, и мир вернулся к своим привычным краскам. Горноста́й снова замерцал серебристыми искрами, трава зазеленела, а небо обрело голубизну. Но головокружение накатило волной — едва не упал, хватаясь за ствол ближайшего дерева.

— Вот это да, — простонал на автомате, потирая пылающие запястья. Татуировки всё ещё пульсировали остаточным жаром, как угли в затухающем костре.

Горноста́й посмотрел на меня с любопытством. Теперь, когда способность не работала, корнеплод за камнем выглядел самой обычной морковкой — правда, странной формы и с необычными наростами.

Но я видел. В том чёрно-белом мире он был единственным, что имело хоть какой-то цвет. Жаль, что в огороде ничего полезного не оказалось.

— Значит, ты всё-таки что-то особенное нашёл, малец, — пробормотал я, глядя на зверька. — Вот только уведомления системы не было, для Зверолова этот плод бесполезен. По крайней мере на моём уровне знаний.

Вот уж, эта способность невероятно энергозатратна. Можно секунд двадцать держать, не больше, и то с трудом. Видимо, нужно развивать силу Зверолова, чтобы использовать навык дольше. А пока что — только в самых необходимых случаях, когда точно знаешь, что ищешь что-то ценное.

Слишком дорогое это удовольствие для постоянного применения.

Чёрт! Я задумчиво взглянул на зверька. Нужно научить его отличать действительно ценные находки от обычного мусора. А для этого придётся ходить в лес и показывать ему примеры и использовать навык. Впрочем, некоторые реагенты может подсказать Ирма, и тогда процесс пойдёт быстрее, мне не придётся погружаться в этот «чёрно-белый мир» часто.

Пока я размышлял, горноста́й, к моему удивлению, подошёл ко мне и сел рядом, внимательно глядя в глаза.

Я медленно протянул руку. Зверёк понюхал мои пальцы, но не отпрыгнул. Это уже прогресс.

— Хорошо, малец, — тихо сказал я. — Мы с тобой найдём общий язык.

Раз уж зверь прижился и начал хоть чуть-чуть доверять, пора переходить к обучению. Открыл «Звериный кодекс» и перечитал раздел о тренировках.

Тренировка: Горноста́й мерцающий. Для улучшения навыка «Создание иллюзии» рекомендуется тренировка реакции и скорости реагирования зверя. Для навыка "Поиск и сбор" рекомендуется прямой подход через практику и обучение.

Нужно разобраться как мы будем взаимодействовать. Сила татуировок давила магической силой, заставляя питомца слушаться. Но система не зря говорила про доверие. Значит, придётся поработать.

Звучит просто. На деле оказалось иначе.

Взял кусочек рыбы и спрятал его в мастерской, затем вернулся и дал понюхать руку.

— Ищи! — командую, как обычной собаке, просто пытаюсь понять уровень интеллекта. Как-то ведь надо начать.

Зверёк смотрит на меня с таким видом, словно я предложил ему станцевать польку. Хвост презрительно дёрнулся, и он отвернулся.

— Ладно, попробуем по-другому. — Я опустил на корточки, мои руки обдало жаром. — Хочешь рыбу? Тогда найди.

Горноста́й фыркнул и... исчез.

Я моргнул. На том месте, где секунду назад сидел мой питомец, теперь располагалась его точная копия. Иллюзия выглядела чуть бледнее, и тень от неё казалась размытой.

— Хитрый, — усмехнулся я, оглядываясь в поисках настоящего зверя.

Тут кто-то дёрнул меня за рукав рубахи. Овернулся — горноста́й стоял позади и деловито пытался вытащить рыбу из моей второй руки.

— Эй! — возмутился я, но зверёк уже умчался к куче дров.

Иллюзия тем временем спокойно «сидела», изображая послушного питомца. Я подошёл и попытался её потрогать. Едва коснулся как проекция растворилась.

Дальше — больше. Принёс горностаю миску с водой, а он отказывается пить. Сидит и смотрит на неё с подозрением, будто я пытаюсь его отравить.

— Да что с тобой не так?

Зверёк обошёл миску по кругу, принялся и всё равно отвернулся. Странно, обычная вода, из колодца. Чистая и свежая.

Тогда принёс другую миску — из неё он пить согласился.

— Привереда, — проворчал я, но внутренне был даже рад такой придирчивости. Может, у зверя такой инстинкт самосохранения, или не хватает доверия между нами? Нет, похоже просто капризничает!

Следующий эпизод случился, когда я решил проверить его способность к поиску полезных растений. Взял пучок сушёной травы из дома, показал ему и разложил в разных местах двора небольшие кусочки.

— Ищи!

Он послушно принялся и... помчался совсем в другую сторону. Прямоком к забору, где начал яростно скрести землю лапками.

— Там ничего нет, — попытался объяснить я. — Трава вон там, смотри...

Но зверёк меня не слушал. Прокопал ямку и извлёк оттуда... дохлого жука. Эээх, глупо было надеяться, что он сразу всё будет делать по команде — обучать надо!

Гордо принёс насекомое ко мне и положил к ногам, явно ожидая похвалы.

— Это не то, что я просил найти.

Горностаю обиженно фыркнул и унёсся к траве, которую нашёл за полминуты. Но тут же устроился рядом с находкой и начал её методично поедать.

— Эй!

Слишком поздно. От травы остались одни стебельки.

К середине дня у меня уже болела голова от попыток понять логику зверя. То он выполнял команды с первого раза, то упрямо делал всё наоборот. То соглашался есть предложенную рыбу, то воротил нос от точно такой же.

Особенно доставал его трюк с иллюзиями, который он проворачивал, едва отдохнёт. Стоило мне на секунду отвлечься, как настоящий горностаю исчезал, а на его месте оставалась копия. Причём иллюзия могла «заниматься» совершенно обычными делами — «умываться», «спать» или даже «есть», пока сам зверь шлодничал.

К вечеру я просто утомился. Этот маленький пушистый дьявол играл со мной как кот с мышью. И хуже всего — мне это даже нравилось. Зверь был умным, хитрым и обладал чувством юмора.

Я сидел на крыльце и наблюдал, как горностаю исследует двор. Он находил интересные запахи в самых неожиданных местах — мог полчаса обнюхивать старый башмак или вдруг заинтересоваться пятном засохшей грязи на заборе.

А ещё у него была странная привычка таращиться на блестящие предметы. Когда солнце отражалось от лезвия серпа, зверёк садился перед ним и неподвижно смотрел, как замороженный. Глаза при этом становились совсем большими, а хвост мелко подрагивал.

И самым странным действительно был его нюх. Горностаю мог реагировать на запахи, которые я вообще не чувствовал. Вдруг останавливался посреди двора, задирает нос кверху и принимался с таким видом, словно учуял что-то невероятно важное. А я стоял рядом и ничего не ощущал, кроме обычных деревенских ароматов.

— Ладно, приятель, — сказал я ему под вечер, когда он наконец устал от своих загадочных занятий и свернулся клубком рядом со мной. — Ты определённо необычное животное. И знаешь что? Мне это нравится.

Погладил его по спине. Шерсть была невероятно мягкой, как шёлк. Зверёк довольно заурчал и ещё крепче свернулся.

— Надо тебе имя дать, — размышлял я вслух. — Как же тебя назвать...

Горноста́й приоткрыл один глаз и посмотрел на меня с любопытством.

— Учитывая твоё самомнение... — Я усмехнулся. — Будешь «Красавчиком». Как тебе? Зверёк фыркнул, но не возразил.

— Красавчик, значит, — кивнул я. — Что ж, Красавчик, завтра продолжим твоё обучение.

В ответ он лизнул мне руку шершавым языком и окончательно закрыл глаза. Через минуту уже мирно сопел.

А я сидел и думал о том, что работа с этим зверем потребует совершенно иного подхода... Никакой муштры и принуждения. Только терпение, хитрость и взаимное уважение.

Что ж, значит, так тому и быть — разум местной живность явно отличается.

К тому же, Красавчика нужно научить отличать действительно ценные находки от просто полезных, но этим займёмся в лесу.

Следующие несколько дней мы проводили в тренировках. Я — укреплял тело, а он отрабатывал «поиск» под моим чутким надзором. И чем больше времени зверёк тратил на мои задачи, тем сильнее радовал. Иногда, конечно, капризничал, но редко. Что удручало, его навыки не улучшались системно, и я понял, что без характеристик не обойтись. Да, у меня получилось сработаться со зверем, но сильнее он не становился.

— Придётся нам частенько в лес наведываться, — сказал я Красавчику. — Тебе нужна практика, а мне — опыт работы с системой. Скоро повысим тебе параметры.

Зверёк фыркнул и улёгся на солнышке. Видимо, считал, что на сегодня поработал достаточно.

Все эти дни я прятал его в клетку, чтобы Ольга не видела, когда возвращалась с полей. И когда убедился, что первоначальный этап приручения «Красавчика» окончен, решил заняться тем, что давно планировал.

В один из дней я вышел на улицу — при свете утреннего солнца картина нашего хозяйства была удручающей. Покосившийся забор, дыры в котором можно было заткнуть разве что тряпками. Сарай с провалившейся крышей, огород, больше похожий на поле битвы сорняков с культурными растениями, где сорняки явно побеждали.

Горноста́й тем временем принюхивался к старому ящику возле крыльца. Вдруг он возбуждённо зачирикал и начал скрести лапками по дереву.

— Что там у тебя? — подошёл я ближе.

Зверёк смотрел на меня, потом снова на ящик, явно пытаясь что-то сообщить. Я заглянул внутрь и нашёл несколько засохших корешков какого-то растения.

— И что это такое? — удивлённо протянул я, а потом хлопнул себя по лбу. Подобные ведь видел у Ирмы в доме! Бесполезные для меня, но всё же!

Способность «Поиск и сбор» зверька работала даже на такой ерунде. Что же будет, когда мы доберёмся до настоящих трав в лесу?

Я взял в руки один из корешков и показал горностаю:

— Вот это интересует Ирму, понял? Такие штуки нужно будет тоже искать.

Зверёк обнюхал корешок, потом посмотрел на меня и кивнул. Я чуть не подавился от удивления — кивнул! Будто понял.

— Да ну... Невозможно... — ошарашенно пробормотал я и покачал головой. Всё ещё не мог поверить, что всё это на самом деле.

Горноста́й гордо вскинул мордочку и направился к огороду, принюхиваясь к грядкам.

А я взялся за дело.

И начал с огорода. Сорняки росли с такой силой, что казалось, они вот-вот задушат всё живое. Я работал мотыгой, выдирая особо наглые экземпляры, и постепенно освобождал грядки.

Красавчик крутился рядом, время от времени что-то вынюхивая. В одном месте он снова возбуждённо зачирикал, указывая лапкой на корень какого-то растения.

— Что, опять что-то нашёл?

Я выкопал корень. Он был странного фиолетового цвета, с резким, но не неприятным запахом.

— Не годится, — сказал после применения навыка, и продолжил работу.

К обеду огород был расчищен на треть, а я чувствовал приятную усталость в мышцах. Давно не работал так усердно и с таким удовольствием.

Красавчик тоже устал от исследований и дремал в тени.

— Эй, пойдём, покормлю тебя как следует.

Зверёк открыл один глаз, зевнул и лениво поднялся. Но когда я направился к дому, он двинулся за мной.

Внутри я накрошил ему остатки рыбы в миску и поставил на пол. Почти каждое моё утро начиналось с рыбалки, ведь нужно было как-то кормить сорванца.

Красавчик принялся есть, а я наблюдал за ним, размышляя о проделанной работе.

Хозяйство требовало огромных вложений труда и времени. Но у меня было и то, и другое. А главное — появилась цель. Не просто выжить, а построить что-то своё, восстановить то, что оставил отец Макса.

Неожиданно для самого себя я взглянул на зверька и протянул руку:

— Хочешь попробовать?

Красавчик секунду колебался, принялся к моей ладони. Потом, словно решившись, прыгнул!

Его лапки были удивительно лёгкими и тёплыми, коготки слегка царапали кожу, но не больно. Зверёк сидел секунду, потом испуганно спрыгнул и отбежал на пару метров, будто сам удивился своей смелости.

Я расхохотался:

— Да ладно тебе, я же не кусаюсь! Молодец, что решился. Значит, доверие растёт.

Красавчик склонил голову набок, его глаза блеснули, а хвост слегка завилял. Кажется, ему понравился мой смех.

— Ладно, дружок, — сказал, поднимаясь. — Пора продолжать работу в огороде.

К вечеру, когда всё же закончил с сорняками, а Красавчик опять мирно дремал в тени, я наконец смог спокойно обдумать свое положение.

Сидел на крыльце, а в голове роились мысли, и чем больше я думал, тем сложнее казалась ситуация.

С одной стороны, у меня есть уникальный питомец. Красавчик не просто красивый зверёк — он настоящий кладоискатель. Его способность находить редкие травы в сочетании с моим умением обнаруживать полезные ресурсы открывает невероятные перспективы.

Но с другой стороны...

Как конкретно я собираюсь это использовать? Нужно ли продать Красавчика? Да кому я его продам, если поймал без королевского разрешения? Это же прямое нарушение закона.

А если и найдётся какой-нибудь перекупщик, готовый купить «с рук»... Да я же сам не готов расстаться с этим пушистым негодяем!

Красавчик словно почувствовал мои мысли. Открыл один глаз, посмотрел на меня и снова задремал, мирно урча.

— Нет, приятель, — пробормотал я. — Никуда ты от меня не денешься. Мы теперь команда.

Значит, продажа отпадает. Тогда что? Использовать горностая для собственного заработка?

Это уже интереснее. С его помощью я могу находить редкие травы, которые дорого стоят. Алхимики, лекари — все они нуждаются в качественных ингредиентах. А определить их без специальных навыков, опыта и знаний крайне сложно, если верить Ирме. Но не мне. Не теперь.

Взять хотя бы Огнежар, который я обещал достать ей. Явно очень ценный ресурс! И растёт он в труднодоступных местах, где не каждый рискнёт искать, в опасной зоне лесов.

Но с Красавчиком всё может измениться.

Правда, есть одна проблема. Пока что зверёк не очень понимает, что именно от него требуется. Вчера он с равным энтузиазмом искал и ценные корешки, и дохлых жуков. Нужно его обучать в лесу, как ни крути.

— Значит, будем травниками, — решил я окончательно. — По крайней мере, пока не подрастём и не окрепнем.

Но и тут не всё так просто. Ведь наверняка слух пройдёт, если вдруг парнишка, который последние два года не вставал с кровати, притащит гору ценных ресурсов.

Да и чёрт с ним! Я же могу просто собирать травы? Могу — это не запрещено никому. Растения растут сами по себе, каждый может их рвать.

А то, что у меня есть помощник с острым нюхом... ну так кто об этом знает? Кто докажет, что использую магического зверя?

Конечно, рано или поздно придётся легализовать свой статус. Получить разрешение от короля, пройти какие-то там процедуры. Но пока важнее развиваться, копить опыт и деньги.

А ещё мне нужны новые питомцы. Одного Красавчика мало для серьёзной деятельности.

Представил себе целую команду: Красавчик для поиска трав, какой-нибудь боевой зверь для защиты, может быть, летающий питомец для разведки...

Но это всё планы на будущее. Пока я слишком слаб. Второй уровень, четыре свободных очка, один питомец — не густо для серьёзных амбиций.

Зато есть преимущество: никто не знает о моих истинных возможностях. Все считают меня больным мальчишкой, который еле на ногах держится. Это отличная маскировка.

Буду развиваться постепенно, не привлекая лишнего внимания.

— Завтра начнём серьёзные тренировки. И никаких фокусов с иллюзиями во время работы, понял? В лес пойдём!

Красавчик открыл глаз, но кивнул. Видимо, тоже настроился на рабочий лад. Вот же чёрт, он действительно кивает мне!

Я потянулся и встал с крыльца. День был продуктивным, но завтра предстояло ещё больше работы.

Жизнь становилась интереснее с каждым днём.

Как раз в этот момент я услышал знакомый стук сапожек по дорожке. Красавчик мгновенно насторожился, его уши встали торчком, а ноздри задрожали, улавливая запах.

А потом произошло нечто неожиданное. Зверёк вдруг метнулся прочь от меня с такой скоростью, что я даже глазом не успел моргнуть. Понёсся через двор, перемахнул через забор и скрылся в направлении леса.

— Эй! — крикнул я, но было поздно.

Что за чёрт? Почему он сбежал?

А через секунду из-за угла дома показалась Виола в своей неизменно надменной позе. Она опять была одна — ни волка, ни охранников рядом.

— Эй! — окликнула она меня, подходя ближе, будто издеваясь. — Кому ты кричал «эй»?

Я попытался скрыть растерянность и удивление за внешним спокойствием, но мысли лихорадочно метались. Куда это он? Почему убежал именно при появлении Виолы? Неужели почувствовал в ней опасность? Почему просто не спрятался?

— Чего тебе? — кивнул я сухо.

Девушка остановилась в нескольких шагах от меня, и в её глазах появился странный блеск. Не злорадство, как обычно, а что-то похожее на возбуждение от важных новостей.

— В деревню прибыл лекарь, — произнесла она торжественно, словно объявляла о коронации короля.

Моё сердце пропустило удар. Лекарь... Тот самый. Наконец-то весь этот бред закончится.

— Ну и отлично! — я широко улыбнулся.

Её брови приподнялись, а губы растянулись в предвкушающей улыбке.

— Дедушка требует твоего немедленного появления. Лекарь должен тебя осмотреть и вынести окончательный вердикт — действительно ли ты болен.

В её голосе звенела плохо скрываемая радость. И на что ты рассчитываешь?

Я лишь пожал плечами и усмехнулся:

— Говорю же — отлично.

Виола моргнула, её улыбка дрогнула. Явно не такой реакции она ожидала.

— Ты... не боишься? — не удержалась она от вопроса, и в её голосе прозвучало искреннее недоумение.

— А чего мне бояться? — развёл я руками. — Здоров как бык, лекарь это подтвердит, и все ваши опасения насчёт «хвори» улетучатся.

И это была правда. Я действительно хотел пройти эту проверку! Официальное заключение о моём здоровье решило бы множество проблем. Смогу свободно перемещаться по деревне, общаться с людьми, изучать рынок, узнавать цены на питомцев и алхимические ингредиенты.

Мысли потекли быстрее. Наконец-то получу доступ к информации из первых рук! Смогу расспросить торговцев о том, какие именно травы пользуются спросом, где их лучше продавать, какие питомцы ценятся больше всего. Ирма-то куда-то запропастилась, лишь раз с утра отвар принесла и убежала. Впрочем, Ольга говорила, что у неё какой-то «крупный заказ».

Да, это будет настоящий прорыв. Конец изоляции и начало нормальной жизни. Но всё это лишь при одном условии — если мои подозрения ложные, и лекарь не подставной.

Единственное, что беспокоило — где сейчас Красавчик? Надеюсь, у него хватит инстинкта самосохранения не попадаться на глаза другим людям. И главное — чтобы он вернулся, когда опасность минует.

Хотя... А что, если его побег не случаен? Что если он почувствовал что-то важное? Магические звери обладают гораздо более тонким восприятием, чем люди. Может, он учуял запах других питомцев в деревне? Или ощутил присутствие кого-то опасного? Всё-таки я еще не умел так тонко чувствовать своего зверя.

— Тогда пойдём, — Виола развернулась к дороге, её коса качнулась, как маятник. — Дедушка не терпит опозданий. А лекарь уже устал помогать больным, сказал, что с тобой тоже хочет закончить сегодня.

Я бросил последний взгляд в сторону леса и зашагал следом.

— Кстати, — не оборачиваясь, произнесла Виола, — лекарь очень опытный. Он сразу определит, если кто-то болен даже на уровне своей силы. Так что не надейся обмануть его.

Ответом ей послужило молчание, поэтому она обернулась и пристально посмотрела мне в глаза. В её взгляде читалось любопытство вперемешку с недоверием.

— Знаешь, Макс, — медленно проговорила она, — если лекарь подтвердит твоё здоровье, у деда возникнут очень неудобные вопросы. Откуда у чудом выжившего и здорового парня взялись способности Зверолова? Почему татуировки проявились сами собой, без обряда посвящения? И главное — не нарушал ли ты запретов, ха-ха.

В её словах прозвучала нескрываемая угроза. Но я только усмехнулся:

— Виола, а ты забыла нашу маленькую договорённость? Про то, что ты никому не расскажешь о моих... прогулках?

Её щёки чуть порозовели, но голос остался твёрдым:

— Я ничего не забыла, — она выразительно пожала плечами. — Это ты забыл, что мне всё равно на тебя, и если дед спросит...

Девушка многозначительно замолчала.

Понятно. Она пытается переложить ответственность, создать мне дополнительное давление.

— Тебе лучше держать язык за зубами, — посоветовал я миролюбиво. — А то твоему деду может не понравиться, что его любимая внучка совершенно не слушается своего старика.

Виола фыркнула, но больше ничего не сказала. Остаток пути мы прошли в молчании.

По мере приближения к деревне я чувствовал, как нарастает напряжение. Впереди меня ждала встреча, которая могла кардинально изменить моё положение.

Виола подмигнула мне с таким видом, будто оказывает мне невероятную честь. В её глазах играло что-то похожее на предвкушение зрелища.

— Идём, Макс, — сказала она, и в её голосе слышалась плохо скрываемая радость. — Дедушка так волнуется за твоё здоровье, что решил всё устроить по-особенному.

Глава 15

Я шагнул рядом с Виолой, чувствуя, как под ногами скрипит утоптанная земля деревенской дороги. Кто-то из прохожих шарахался в сторону, завидев меня, другие останавливались и пристально смотрели вслед. Шепотки следовали за нами почти без остановки.

— Что Ефим сделал по-особенному? — переспросил я, хотя нехорошее предчувствие уже ползло по спине.

— Увидишь, — загадочно улыбнулась Виола. — Дедушка всегда говорит: если человек утверждает что-то, то почему бы не доказать это всем? Так справедливо, правда?

Справедливо... Я стиснул зубы. Всем? Публично что ли? К этому всё идёт?

Мы свернули на центральную улицу, и передо мной открылась картина, от которой засосало под ложечкой.

Центральная площадь была забита людьми. Казалось, будто собралась вся деревня. Женщины в платках сгрудились с одной стороны, перешёптываясь и бросая в мою сторону настороженные взгляды. Мужчины стояли поодаль, скрестив руки на груди, их лица выражали смесь любопытства и подозрения. Дети выглядывали из-за материнских юбок, широко раскрыв глаза.

В центре площади возвышался деревянный помост, наспех сколоченный из досок. На нём стоял староста Ефим в своей лучшей одежде — тёмном кафтане с серебряными пуговицами, подпоясанном широким ремнём. Трость с резной рукоятью он держал перед собой, как жезл власти. Его красные татуировки ярко пульсировали на запястьях, демонстрируя силу Зверолова третьей ступени.

Рядом со старостой стоял незнакомый мне мужчина лет сорока с аккуратной тёмно-русой бородкой и внимательным взглядом. На руках виднелись зелёные татуировки Мастера.

Лекарь, значит.

Но больше всего моё внимание привлекло существо, лежавшее у его ног.

Передо мной была... странная помесь совы и летучей мыши. Размером с крупную кошку, с перламутровыми крыльями, которые переливались всеми цветами радуги. Большие золотистые глаза смотрели на меня с почти человеческим интеллектом.

Светлокрыл. Эволюционный индекс F, уровень II.

Звериный кодекс: Информация недоступна, достигните Эволюционного индекса F для разблокировки.

Ранг F! Это же явно сильный зверь! Одиннадцатый уровень! Такого питомца могут позволить себе только очень богатые и влиятельные люди. Неужели этот лекарь настолько крут? Он из столицы?

Я заметил, что Светлокрыл время от времени беспокойно переступает лапками, его уши дрожат, а взгляд то и дело скользит к лекарю, словно ища указаний?

— МАКС! — раздался надрывистый знакомый голос.

Я обернулся и увидел маму, которая пробивалась через толпу, расталкивая людей локтями. Её лицо было белым как мел, глаза красными от слёз. Рядом с ней с каменным выражением лица шла Ирма.

— Сынок, бабушка мне только сообщила, и я сразу сюда! — Ольга добралась до меня и схватила за руки. — Что это за безумие? Зачем тебя сюда привели?

— Э-э-э-эй, ты чего, всё будет хорошо, — я приобнял её и улыбнулся, хотя сам чувствовал себя далеко не спокойно, уже догадываясь, что за цирк может начаться. — Сейчас проверят на «хворь» и удостоверятся что всё в порядке.

Ирма промолчала, но её маленькие глазки сузились, изучая помост с лекарем.

— Шуты гороховые, — злобно проскрипела бабка.

— Внимание! — раздался зычный голос старосты, и площадь постепенно стихла. — Собрались мы сегодня здесь по важному делу!

Ефим выпрямился во весь рост, его голос разносился над притихшей площадью.

— Как вы знаете, наш юный Максим утверждает, что полностью здоров после своей... неопределённой хвори. — Он сделал паузу, оглядывая толпу. — И я, как ваш староста, не могу игнорировать ни его просьбы, ни ваши справедливые опасения! После пробуждения татуировок Зверолова, всё это выглядит сомнительно, поэтому развеим сомнения прямо здесь, чтобы ни у кого не было вопросов! Приручителей нужно ценить, а потому, повторяю ещё раз, развеим все сомнения прямо здесь! Совет ничего не должен утаивать от Мастеров и жителей деревни!

Одобрительный гул прокатился по рядам. Кто-то с татуировками Мастера крикнул:

— Правильно, Ефим! Нам всем безразлично!

— Поэтому, — продолжил староста, подняв руку для тишины, — я пригласил лекаря Больда из столицы, человека с безупречной репутацией, чтобы он провёл проверку прямо здесь, на ваших глазах!

Толпа зашумела сильнее. Я заметил, как в первых рядах стояли двое зажиточно одетых людей средних лет — мужчина с седой бородой и женщина в тёмно-синем платье. Они переговаривались между собой и о чём-то тихо переговаривались, их лица выражали беспокойство.

Где-то в толпе разглядел Стёпу. Парень выглядел растерянным и взволнованным, то и дело поднимался на цыпочки, пытаясь получше разглядеть происходящее.

— Так никто не сможет сказать, что мы действовали несправедливо! — торжественно объявил Ефим. — Если Максим здоров, как утверждает, то все сомнения развеются, и он сможет жить нормальной жизнью и станет Звероловом, как его уважаемый почивший отец. А если...

Он не договорил, но подтекст был ясен всем.

Лекарь Больд шагнул вперёд, его серые глаза спокойно оглядели толпу.

— Всё просто, — заговорил он ровным, профессиональным тоном, — процедура проверки безвредна. Мой новый питомец, Светлокрыл, обладает редким даром «просвета». Он может определить состояние здоровья любого живого существа.

— А где его обычный глазастик? — хмуро прошептала Ирма и повернулась к Ольге. — А?

Та лишь неуверенно пожала плечами в ответ.

Лекарь указал на своего необычного питомца, который грациозно поднялся на лапки.

— Светлокрыл приложит лапки к телу пациента и погрузится в магический транс, считывая внутреннюю энергию организма. Затем он поднимет голову и издаст звук. — Лекарь сделал паузу, убеждаясь, что все его слушают. — Мелодичная трель означает здоровье. Хриплый скрежет сигнализирует о болезни или проклятии.

Простая система, чёрт возьми. Но как же неубедительно выглядит.

Что-то в поведении Светлокрыла меня смущало. Зверь был явно встревожен, его золотистые глаза то и дело искали взгляд хозяина, а лапки нервно перебирали по деревянным доскам помоста. Похоже, я уже знаю, что произойдёт. Вот же старый хрыч, неужели готов даже на такой шаг?

— Максим! — позвал староста, широко улыбаясь. — Подходи, мальчик. Не бойся, это всё для твоего же блага!

Двое местных стражников — крепких парней с дубинками на поясах — мягко, но настойчиво отстранили маму и Ирму, освобождая мне путь.

— Всё будет хорошо! — крикнул я через плечо, стараясь звучать уверенно.

Поднялся на помост, чувствуя на себе сотни взглядов. Деревянные доски скрипнули под ногами. Лекарь кивнул мне с профессиональной вежливостью.

— Ложитесь на спину, молодой человек, — сказал он, указывая на расстеленную на помосте белую ткань. — Расслабьтесь и дышите ровно. Светлокрыл не причинит вам вреда.

Я лёг, глядя в серое небо, где далеко виднелся тёмный разрез Раскола. Площадь притихла, слышались только шорох ткани и чьи-то нервные переговоры. Ещё чуть-чуть и всё закончится.

Светлокрыл осторожно приблизился ко мне. Его перламутровые крылья сложились за спиной, а большие золотистые глаза внимательно изучали моё лицо. В них я увидел не просто звериный интеллект, а почти человеческое понимание происходящего.

Зверь аккуратно поставил передние лапки мне на грудь. Прикосновение было неожиданно тёплым, лапки мягкими, с небольшими коготками, которые не царапали кожу через рубашку.

Светлокрыл закрыл глаза и замер. По его телу пробежала волна мерцающего света — от кончиков ушей до хвоста. Свечение было слабым, но заметным, переливающимся всеми оттенками радуги.

Я лежал неподвижно, чувствуя, как по телу разливается странное тепло. Это была не неприятная процедура — скорее наоборот, расслабляющая.

Несколько долгих мгновений на площади стояла тишина. Светлокрыл словно прислушивался к чему-то, его уши мелко подрагивали, а свечение на теле становилось то ярче, то тусклее.

Внезапно зверь поднял голову и открыл глаза.

И издал звук.

Чистая, звенящая трель полилась над площадью. Мелодичная, как пение жаворонка на рассвете. Красивая и ясная, без малейшей примеси хрипоты или фальши.

Облегчённый вздох прокатился по толпе. Я почувствовал, как напряжение в груди отпускает — значит, всё нормально, я ошибся в мотивах старосты. Зверь определил, что я здоров.

Уже было собрался встать, как...

Внезапно голос Светлокрыла начал меняться. Чистые ноты стали надламываться, в них появилась хрипота. А затем мелодичное пение превратилось в отвратительный скрежет — такой, словно по железу скребли ногтями.

— КХХХХХХХХХХХХХ.

Хриплый, ужасающий звук наполнил площадь.

Лекарь резко вскинул руки вверх, его лицо исказилось от ужаса.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Это... это хуже, чем я думал!

Светлокрыл забился, его трель достигла апогея мерзкого скрежета, а затем зверь внезапно замолчал и съёжился, прижимая уши к голове.

Толпа взорвалась паническими криками.

— Заразный!

— ПРОКЛЯТЫЙ!

— ИЗГНАТЬ ХВОРЬ С ДЕРЕВНИ!

Лекарь поднялся во весь рост, его голос гремел над площадью:

— Народ! Я всё понял! То, что рассказал нам Светлокрыл, — это редчайший и крайне опасный случай! — Он указал на меня рукой. — Максим является носителем неизлечимой заразной болезни! Но самое страшное — он сам не болеет, оставаясь переносчиком!

Мир вокруг меня взорвался криками. Чего он там тебе рассказал, твою...

В голову будто налили свинца, а потом шандарахнули молотком.

— Такие случаи уже были описаны в медицинских трактатах столицы! — продолжал лекарь, его голос дрожал от возбуждения. — Человек может годами носить в себе заразу, не подозревая об этом, но заражая всех вокруг! Если не предпринять меры немедленно, вся

деревня может погибнуть! Это долгая хворь, которая пробирается со временем, хорошо, что успели выявить!

Я резко сел на помосте, сердце колотилось как бешеное. Чистой воды подстава!

— Да о чём вы говорите, — зарычал в ответ.

Светлокрыл съёжился ещё сильнее, его золотистые глаза метались между мной и лекарем. Но кто сейчас не поверит в силу питомца против моего слова?

Я медленно поднялся на ноги, в груди поднималось знакомое упрямство.

Ефим поднял трость, требуя тишины. Его лицо изображало глубокую скорбь, но глаза блестели торжеством.

— Послушайте! — воскликнул он. — Максим — сын уважаемого Зверолова, внук нашей дорогой Ирмы...

Он сделал паузу, оглядывая толпу.

— Но безопасность деревни превыше всего! — Ефим ударил тростью о доски помоста. — Лекарь Больд ясно сказал — молодой человек является смертельной угрозой для всех нас!

Толпа загудела одобрительно. Кто-то крикнул:

— Правильно! Изгнать заразу!

— Пусть идёт в лес к своим зверям!

— Не место ему среди людей!

Я стоял на помосте, чувствуя себя как на эшафоте. Сотни глаз смотрели на меня с отвращением и страхом. Люди, которые знали парнишку с детства, теперь шарахались, словно я был ожившим мертвецом. И что делать? Не расстреливать же их... Наверное, даже понять можно. Вон, некоторые смотрят с искренней грустью.

— НЕТ! — закричала мама, пытаясь прорваться сквозь кольцо стражников. — ОТДАЙТЕ МНЕ СЫНА! ОН НЕ БУДЕТ ПОКИДАТЬ ДОМ, Я ОБЕЩАЮ!

Она царапала руки стражников, пытаясь добраться до помоста. Но её крепко держали, не давая приблизиться.

— Ольга, дорогая, — с притворным состраданием произнёс староста, — я всё понимаю. Но мы не можем рисковать всей деревней ради одного человека! Я помогу Максиму, дам ему кров в лесу!

Ирма стояла неподвижно, как каменная статуя. Её маленькие глазки буравили старосту взглядом, полным такой ярости, что я удивился, как тот не сгорает на месте. Губы бабки были плотно сжаты — похоже она разделяла мою позицию, но ничего не могла доказать.

Стёпа метался в толпе, растерянно хватаясь за голову. То приближался ко мне, то отступал, борясь между желанием помочь другу и инстинктом самосохранения.

— Макс! — наконец крикнул он. — Я не верю!

Но его голос потонул в общем гуле, а соседи тут же оттащили парня подальше от «источника заразы».

Биола наблюдала за происходящим с холодным интересом. Её лицо не выражало ни торжества, ни сочувствия — только любопытство, словно она изучала реакции людей для каких-то своих целей. Время от времени её взгляд скользил к зажиточной паре в первых рядах.

Мужчина с седой бородой и женщина в дорогом платье переглядывались, явно обсуждая что-то между собой. Женщина наклонилась к мужу и что-то прошептала ему на ухо. Тот нахмурился и кивнул. Они выглядели обеспокоенными, но не паникой толпы — чем-то другим.

— Больд! — обратился староста к лекарю. — Скажи нам — есть ли способ излечить молодого человека?

Лекарь покачал головой с выражением глубокого сожаления.

— К сожалению, нет. Это древняя хворь, против которой медицина бессильна. Единственное, что мы можем сделать — изолировать носителя, чтобы предотвратить распространение заразы.

Светлокрыл всё ещё ёжился у ног хозяина.

— НАРОД! — снова загремел голос старосты. — Тяжело мне это говорить, но мы должны принять решение! Ради безопасности наших детей, наших семей!

Он поднял руку, указывая на меня.

— Максим должен покинуть деревню. Сегодня!

— ИЗГНАТЬ! — грубо рявкнул кто-то из толпы.

Голоса сливались в единый рёв. Кулаки взметались в воздух, лица искажались гневом.

Я медленно спустился с помоста, чувствуя, как люди расступаются передо мной, образуя живой коридор. Никто не хотел оказаться рядом с «заражённым».

Мой разум лихорадочно анализировал ситуацию. И что это такое? Лекарь явно подкуплен, его питомец принуждён лгать. Верно ведь?

Стоп.

Или...

Мог ли я быть настолько самоуверен, настолько твердолоб, что просто обманывал себя?

Нет, и всё-таки, себе я верил больше. Верил ощущениям. Верил тому, что видел во взгляде старосты. Так что нет никакой болезни. А с этой старой лисой с палкой разберёмся.

Но вдруг пришло спокойствие. Ведь меня отправляли в лес...

В ЛЕС!

— СЫНОК! — Ольга вырвалась из рук стражников и бросилась ко мне.

Она обхватила меня руками, прижала к груди.

— Мы разберёмся! — прошептала она дрожащим от ярости голосом. — Мы уйдём вместе!

— Нет, — тихо сказал я, обнимая её. — Ты останешься. Я не могу подвергать тебя риску. Всё будет в порядке, не переживай. Лес — это не так уж плохо.

— Да о чём ты говоришь?! — воскликнула она.

— Я справлюсь, не переживай, — прошептал ей на ухо. — Обещаю. Когда стану сильнее, когда смогу доказать правду — вернусь.

Только её в лесу мне и не хватало

Ирма подошла к нам, её лицо было мрачным как грозовая туча.

— Слушай сюда внимательно, парень, — сказала она тихо, так, чтобы слышали только мы. — Не знаю про какой кров говорит староста, но в лесу есть изба, надеюсь он о ней. Если найдёшь её...

Она не договорила, но кивнула, давая понять, что там есть всё необходимое. Я удивился и хотел задать кучу вопросов, но Ефим вновь обратился к толпе, а потом Ирма просто испарилась.

— Всё! — снова возвысил голос староста. — К закату солнца Максим должен уйти!

Мама не плакала, те секундные слёзы — момент слабости. Сейчас она угрюмо смотрела на Ефима. Сильная женщина, это хорошо. Она ещё не знает, что в текущей ситуации я видел огромные возможности и переживать не о чём. Меня ведь не в "Хребет Раскола" отправляют.

Всему своё время.

Ну Ефим, вот это ход... Который я ждал. Подозревал, конечно, что такое может произойти, но до конца не верил... Не верил, что я настолько важная фигура на шахматной доске. Вот только он не учёл, что настоящему егерю только это и надо — уйти в лес. Он ведь думает, что я там сгину, хех. Ты всё ещё думаешь, что я мелкий слабый парнишка, да, Ефим? Это мне на руку. Пока ты при власти, придётся быть чуть хитрее, уж знаю уровень твоего влияния.

Толпа медленно расходилась, люди расступались, но не уходили совсем — все хотели увидеть, как «заражённого» изгоняют из деревни. Как он идёт к своему дому в последний раз.

Стёпа наконец прорвался ко мне.

— Макс, я... я не знаю, что сказать, — пробормотал он, глядя в землю. — Может, это ошибка? Мог ли лекарь ошибиться?

— О, нет тут ошибки, — ответил спокойно. — Всё идёт по плану старосты.

Стёпа вскинул голову, в его глазах мелькнуло понимание.

— Ты думаешь...?

— Думаю, что мне пора собираться в дорогу, — оборвал я его. Не стоило втягивать парня в это дерьмо. У него и так проблем хватит, если староста решит продолжить давление.

Биола всё ещё стояла поодаль, наблюдая за нашим прощанием. Когда наши взгляды встретились, она чуть кивнула, прыснула, прикрыв рот рукой и повернулась к Варе, прошептав ей что-то на ухо. Вторая девчонка смотрела на меня с мрачным удовлетворением.

Да что со всеми вами происходит, народ?

Внезапно я оскалился. Так, что Варя дёрнулась и отвела взгляд. Что ж, Ефим, решил поиграть? Поиграем. Я не из тех, кто сдаётся. Уверен, что сдюжишь?

Зажиточная пара тоже не торопилась уходить. Мужчина о чём-то напряжённо говорил с женой, та качала головой, их лица выражали явное беспокойство. Что их так волнует?

— Время истекает! — напомнил староста. — Не хотелось бы, чтобы Макс шёл по лесу ночью!

Я ещё раз обнял Ольгу, почувствовал запах её волос, тепло её рук.

— Не болен я.

— Всё равно буду к тебе приходить, — настойчиво шепнула на ухо Ольга.

Я отошёл и громко, чтобы слышала вся площадь, произнёс старосте:

— Раз всё так вышло... В лесу тоже неплохо живётся, там мне будет даже лучше.

Глаза Ефима на секунду расширились в удивлении, но он тут же показательно нахмурился и зашептал что-то лекарю на ухо.

А я направился домой собирать пожитки.

Что ж, жители не виноваты. Власть изволила сделать ход.

И я вновь хищно оскалился.

За спиной слышались злорадные смешки и довольные переговоры — люди облегчённо выдыхали, зная, что хворь им больше не угроза. Староста Ефим добился своего, и я обязательно узнаю его мотивы.

Ещё покажу этому змею, чего стоит сибирский егерь.

В лесу, говоришь? Да мне там как дома будет.

Ты просто развязал мне руки, старик.

Глава 16

И вот я спокойно собираю вещи в холщовый мешок — мало их у меня, если честно. Ножик прихватил — пригодится. Ирма стоит рядом, время от времени бормочет что-то себе под нос, а мама молча складывает в узелок хлеб и другую еду на первое время.

За моей спиной покашливает староста Ефим. Пришёл проводить, видите ли. Заботливый, хех. А на деле — лишь проверить хочет, чтоб всё прошло как он хочет.

— Ну что, Максим, дорогой, — произнёс он с той же приторной мягкостью, — не говорил ли я тебе, что торопиться не стоит? А ты всё норовил в лес податься. Вот и дождался, мечта исполнилась.

Стёпа, стоящий у порога, нервно переминался с ноги на ногу. Парень переживал, это видно, нормальным оказался. Спросить бы, как это Виола оказалась возле меня в лесу, но не при Ефиме же. Успеется — виновато вроде не выглядит.

— Предупреждали, — согласился я со стариком, пихая в мешок серп. — Только не о том, кажется.

Ефим усмехнулся, постукивая тростью по половице:

— О чём же это, мальчик?

— Да о том, что опасность не в лесу была, а здесь, в деревне. От людей. Ну я запомню этот «урок».

Его глаза сузились, улыбка медленно сползла с губ.

— Запомнишь? Не угрожай мне, парень. Ты ещё молод, в тебе говорит юношеская злость. Не понимаешь всей ответственности, что лежит на плечах старосты! Я забочусь о каждом жителе деревни, и ты не исключение. Вот потому и запрещает наш король неопытным Звероловам лезть в опасные места без разрешения. А разрешения я не даю, пока не уверен, что Зверолов готов.

Я поднял взгляд от мешка и сказал с усмешкой:

— И как же это получается? Разрешения не даёте, потому что молодым Звероловам в лесу опасно. Но сейчас как раз туда меня и отправляете. Где логика?

Ефим на секунду замер, потом посуровел:

— Логика простая — выбора у нас нет. Лучше один заражённый в лесу, чем вся деревня под угрозой.

— Поймай он сильного питомца, докажи, что может, — вдруг встряла Ирма, сверля старосту взглядом, — и любое разрешение ему дашь, это уж точно. Нечем крыть будет, старый ты пройдоха, так ведь, Ефим?

Староста посмотрел на бабку с неприязнью:

— Ирма, ты что-то совсем фантазии предаёшься. Где неопытному мальчишке взять сильного питомца? Это же просто невозможно.

Невозможно? Посмотрим. Я усмехнулся про себя. Судьба сама даёт мне шанс показать всё, на что способен. Наконец-то никто не будет дышать в затылок, контролировать каждый шаг. В лесу буду сам по себе — а это именно то, что нужно.

Ольга слёз не показывала, это только к лучшему, но её руки чуть дрожали.

— Эй, — сказал тихо, подходя к ней, — всё будет хорошо.

— Как может быть хорошо? — шепнула она. — В лесу же всякое может быть, хоть зона и безопасная, но зверей диких хватает...

— Кстати об этом, Ольга. Не нужно делать из меня монстра, — встречает Ефим, и в его голосе звучит показное великодушие. — Я, так и быть, разрешу тебе, Макс, поселиться в старой хижине отшельника. Помнишь, была такая, на границе безопасной и опасной зон? Отличное место, жить можно будет...

Последние слова он произнёс с особой интонацией, словно намекая на что-то.

А не об этой ли избе бабка и говорила? Возможно.

— А что за отшельник там жил?

Ефим машет рукой:

— Ты не знал его. Григор звали. Давно это было. Он тоже... проблемный был. Пришлось выселить подальше от людей.

— Григор? — Ирма вдруг оживилась, в её глазках заплясали огоньки. — Да-да, помню Григора... Проблемы создавал? Интересно, какие именно? Что-то его изгнание прошло не так прилюдно, как сегодня.

Старик стиснул трость крепче:

— Ирма, не стоит ворошить прошлое. Совет принял решение, меня в нём даже не было тогда. Григор давно сгинул — звери небось сожрали. Что с него взять, неопытный был, как и наш Максим.

— Ага, сожрали, — хмыкнула бабка. — А может, не звери совсем его сожрали? И чой-то мой внук стал «нашим», а? У тебя своя пигалица есть.

Между ними пробежала искра взаимной неприязни, а Ефим нахмурился.

— Ну что ж... — сказал я, затягивая мешок, — На границе зон, значит?

— Именно, — кивнул Ефим. — И не думай в опасную зону соваться — не жилец ты там. Посиди, подумай, травки пособирай.

А вот это уже сам решу, что мне делать. Граница двух зон — самое то, что нужно! В безопасной области можно отлавливать простых зверьков, набираться опыта, как лес изучу. А потом — заходить дальше, за по-настоящему ценной добычей.

— Ну... — объявил я, взваливая мешок на плечо. — Готов.

Ольга вдруг резко встала, подхватила узелок с едой и кинулась к сундуку в углу.

— Макс, я с тобой! — заявила она решительно, начиная выгребать из сундука свои немногочисленные пожитки.

Ефим тут же подскочил, замахал руками:

— Ольга, что ты делаешь? Этого нельзя категорически!

— Почему нельзя? — повернулась к нему женщина, и в её голосе звенела сталь. — Он мой сын!

— Потому что хворь твоего сына убьёт тебя! — рявкнул староста и стукнул тростью. — Нельзя с ним жить, будь вразумительна! Я говорил с Большом, он всё ясно сказал! Ты подхватишь заразу и принесёшь её в деревню! Этого допустить нельзя — запрещаю!

— Значит не нужна мне ваша деревня! — глаза Ольги вспыхнули.

— Если всё так, то почему мама до сих пор не заболела? — с усмешкой спросил я.

— Да потому что недавно хворь появилась, — Ефим ответил слишком быстро и закивал с грустью на лице. — Я ведь как узнал, что ты очнулся, так сразу неладное почуял — просто так на ноги не встают спустя столько времени. И лекарь подтвердил, лишь ты заражаешь людей, я так всей деревне и сообщу. А если матушка твоя заболеет, да сгинет, то её выбор. Но что я был бы за староста деревни, если б позволил ей, понимаешь? Думать о близких надо!

Ну всё продумал, гад. Складно заливает, покруче соловья будет — словно подготовился.

— А навещать можно? — встряла Ирма и едва заметно подмигнула мне, словно понимала, что присутствие матери будет только мешать.

Ефим замялся:

— Изредка... На короткое время... И не сразу! Но жить вместе — ни в коем случае!

Я подошёл к Ольге и аккуратно взял её за плечи:

— Послушай меня. Всё в порядке, правда. А тебе здесь лучше будет. Избушка-то тоже в безопасной части леса, как староста сказал. Будешь навещать, слышала же Ирму.

— Опять он меня Ирмой зовёт, мелкий засранец, — пробухтела бабка.

Мама посмотрела на меня долгим взглядом, потом вдруг заметила что-то в окне и ахнула:
— Макс! Ты огород пропалывал?!

Забыл рассказать. Обернулся — и правда, грядки, которые расчистил от сорняков, хорошо видны отсюда.

— Ну... да, — признался. — Поработал.

Ольга вышла во двор, а мы следом за ней. Она стояла среди грядок, разглядывая аккуратно выполотые ряды.

— Макс, — прошептала она. — Да ты же... это же целый день работы! Откуда силы взялись?

— Сил хватает уже, — пожал плечами. — А делать-то особо нечего было.

Она обернулась ко мне:

— Ты и правда окреп, — сказала она тихо. — Совсем другой стал.

— Я справлюсь. Травы всякие найду, может, дичи принесу. И навещать будешь, когда захочешь.

Ольга замерла на несколько секунд, поджала губы, взглянув на Ефима, а затем молча кивнула.

Стёпа вдруг подошёл ко мне:

— Макс, я тебя тоже навещать буду!

— Ты-то зачем в лес полезешь так далеко? — удивился я.

— Так я же травник! — гордо выпрямился парень. — Отец меня с командами в лес водит, травы собирать. В безопасную зону часто ходим. Так что увидимся!

— Не травник ты, а одно название, тьфу, — сплюнула Ирма. — Лет через тридцать станешь, малец. Смотри правде в глаза!

Стёпка лишь улыбнулся и подмигнул мне. Все давно привыкли к характеру бабки.

Ефим нахмурился:

— Стёпа, не обещай лишнего. Всё же лучше поосторожнее...

— А что такого? — встрял я. — Он же в безопасной зоне будет, как сами говорили.

Староста помрачнел, но ответил:

— Я же говорил — Звероловы третьей ступени имеют иммунитет. А вот простые люди...
Ладно мать, её можно понять. Но...

— Понятно, — кивнул я и перебил старосту.

Одна и та же песня.

— Значит так, — сказал твёрдо и взглянул на Ольгу. — Ты остаёшься. И это окончательно. Не хочу, чтобы ты из-за меня пострадала.

Женщина кивнула:

— Хорошо, сынок. Но я приду к тебе, как только смогу. И еду принесу...

— Конечно, — улыбнулся ей. — Буду ждать.

Стёпа крепко пожал мне руку:

— Держись там.

Ефим покашлял:

— Ну что, вы закончили? Путь неблизкий.

Ирма вдруг схватила меня за рукав.

— Постой-ка, парень, — проскрипела она, оглядываясь на старосту. — Раз уж тебе в тех краях жить, то и работать можешь. Помнишь, про должок-то?

Я кивнул — от слов отказываться не собирался, скорее желал новой информации, поэтому с интересом взглянул на бабуку.

— Так вот, — Ирма наклонилась ко мне, понизив голос. — Огнежар растёт в опасной зоне, туда пока не суйся, чёрт с этим цветком, должен будешь. А вот на границе, где твоя избушка будет, есть кое-что попроще, но тоже ценное.

Ефим сделал шаг вперёд, ничуть не скрывая любопытства.

— Лунный пырей, — шепнула Ирма. — Серебристая такая травка, светится по ночам слабо. Растёт где деревья гуще стоят, любит тень и сырость. Для многих снадобий нужен, а достать его — проблема. Слишком далеко от деревни, опасно ходить, в опасной зоне уже, но на границе, понял?

— И сколько он стоит?

— Нормально стоит. Если хороший урожай соберёшь, месяц безбедно жить будешь, — в глазках старухи заплясали огоньки. — Я пару раз в жизни и глубже заходила... Но там — только с охраной, а за это драть с меня будут как с липки. Да и не надобно оно мне...

— А где именно растёт этот пырей? Деревья много где гуще стоять могут.

— В низинах, возле ручьёв, ищи. Там, где мох толстым ковром лежит. Но осторожно — зверьё там тоже водится.

Ефим фыркнул:

— Ирма, ты что мальчишку на верную смерть посылаешь? Лунный пырей? Там же хватает опасности!

— А что, по-твоему, ему теперь делать? — огрызается бабка. — Воздухом питаться? Раз уж изгоняете, так хоть работать дайте! Ничего, он справится. Не лезь не в своё дело.

Староста сжал трость, костяшки побелели, и он посмотрел на бабку совсем новым взглядом. Недобрым, злым и опасным. Но лишь на секунду, а потом...

Молча улыбнулся.

— Оставь его, — шепнул ей на ухо, на что Ирма лишь махнула рукой. Я пошёл в мастерскую за оставшимися инструментами. Собрал всё, что не пригодилось бы Ольге, а в конце прихватил мою ловушку.

Самодельная — пока что главное богатство. Почувствовал неприятный укол — где же Красавчик? Почему убежал, гадёныш? Хотя одна догадка имелась.

— Возьми, — мама протянула мне узелок потяжелее. — Сало там, хлеб чёрный, всего по чуть-чуть. На первое время хватит. Скоро ещё принесу!

Взял и узелок, который оказался увесистым:

— Спасибо, разберусь.

— Подожди! — она вдруг сбегала в дом и вернулась с фляжкой. — Держи, всё равно без дела лежит. Ирма, там же вроде речка?

— Чистейшая, — ухмыльнулась бабка.

Вот ведь... Изба, речка и лес. Пожалуй, теперь и вправду всё что нужно.

— А это что? — Ирма ткнула пальцем в самодельную ловушку из ивовых прутьев.

— Да так... Сам сделал, — ответил я как можно спокойнее и пожал плечами.

Бабка взяла ловушку, повертела в руках, проверила всё с таким видом, будто была опытным Звероловом со стажем.

— Хм. Работа неплохая. Может, и не сгинешь.

— Спасибо, — я искренне расхохотался, — ты, как всегда, сама забота.

Ефим посмотрел на мою поделку с кислой миной:

— Да уж, парень, надеюсь ты не попрёшься в опасную зону леса. Ты же не думаешь, что сможешь хоть что-то поймать? Не забывай, что это запрещено. Впрочем, если какого-то мелкого не магического зверька... И то сомневаюсь.

Я понимал логику Ефима. Он был Звероловом третьей ступени и привык ловить агрессивных, мощных тварей. И даже если подумал про горностаю, то ни за что бы не поверил, что этой ловушкой можно его поймать. Классическая охота в этом мире сошла на нет — лишь обрывки знаний.

Староста уж точно знал, что горностаю чувствует след магии Раскола и не сунется в ловушку. Но то, как я поймал Красавчика наверняка и в голову ему не пришло. Остальные

действуют по простому принципу: найти питомца по силе — жахнуть магией со всей дури и приручить.

Он не мог знать, что мне нужно было именно «поймать» зверюгу, чтобы разблокировать кодекс.

Так что всё в порядке, мне это удобно.

Я взвалил мешок на плечо, взял в руку ловушку. Всё, что нужно для начала, у меня есть. Инструменты, еда, одежда, и самое главное — очевидная цель.

Что-то затянулись сборы. Повернулся к Ольге:

— Я там рыбы с утра наловил, не забудь.

Она ещё раз обняла меня:

— Береги себя. И помни — если что, плевать мне на их запреты, вместе убежим.

Вроде и приятные слова, а с другой стороны, совсем не верит ведь! Не верит, что справлюсь. Убежим? После всего, что произошло? Ну нет, это всё я так точно не оставлю. Поджал губы, отстранился и кивнул:

— Буду осторожен.

Ефим нетерпеливо стукнул тростью:

— Пойдём уже!

— Да не ори ты, — вдруг вырвалось у меня, а Ефим на миг осёкся и ошарашенно уставился на меня.

Ирма залилась скрипучим хохотом, а я пошёл по тропинке, ведущей к лесу, насвистывая себе что-то под нос.

Что ж, теперь никаких ограничений, никого контроля. Впереди — неизвестность, опасность и свобода.

В лесу я буду сам по себе. А для егеря — это самое естественное состояние.

Ефим пошёл впереди меня по извилистой тропинке, ведущей к лесу, постукивая своей резной тростью по земле. Время от времени он поглядывал через плечо, проверяя, не отстаю ли я. В его взгляде читалось плохо скрываемое торжество.

— Неспешно, Макс, неспешно, — приторно произнёс он, когда я чуть прибавил шаг.
— Куда торопишься-то? Лес от тебя никуда не денется.

Я молчал, переставляя ноги по утопанной земле. Мешок на плече был не особенно тяжёлым. А вот ловушку и удочку нести было чуть неудобно.

— Знаешь, Макс, — внезапно заговорил староста, остановившись у поваленного дерева, — я всё думаю об отце твоём. Хороший был Зверолов, не спорю. Сильный. Только вот куда его сила привела, помнишь?

Не удержался от подколов. Пытается вывести меня из себя? Что он хочет проверить такими вопросами?

Такой радости не доставлю.

— Помню, хорошо, когда сила передаётся по наследству, правда? — коротко ответил я.

— То-то же, — кивнул Ефим, поглаживая рукоять трости, но тут до него дошёл смысл моих слов и он нахмурился. — Не повторяй его ошибок! Не заблуждайся! В лесу много чего водится, а ты... ты ведь ещё неопытный. Береги себя.

В его голосе прозвучала такая фальшивая забота, что мне захотелось рассмеяться. Но я лишь кивнул и спросил:

— А если я такой больной, не переживаете, что меня сожрут звери и растащат заразу по всему лесу, м?

— Эта хворь так не действует, я же уже говорил, — сокрушённо покачал головой староста. — Думаешь мне всё это нравится? Вовсе нет. Так что даже навещу тебя, принесу что-то полезное, чтобы тебе было проще там.

— Лучше бы сразу дал, — хмыкнул я.

— Да ведь кто ж знал, кто ж знал, — вновь покачал головой староста, — Ты же сам слышал лекаря, времени нет. Так что первые деньки придется тебе побыть с тем, что собрал.

Я внимательно посмотрел на Ефима. Как же там сказала Ирма? «Дряблая лиса»?

Хитёр старик.

Мы дошли до опушки. Здесь кончалась протоптанная тропинка и начинался настоящий лес — тёмный, густой, полный шорохов и теней. Деревья стояли стеной, их кроны переплетались так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь листву.

Ефим остановился, опёрся на трость и указал вглубь леса:

— Видишь тот высокий дуб? — он показал на могучее дерево с расщеплённой молнией кроной, возвышавшееся над остальными. — Иди к нему, а там держись правее. Дойдёшь до ручья с каменной переправой — там уже недалеко. Хижина стоит на поляне, не промахнёшься.

— Понял, — кивнул я, запоминая ориентиры. Дуб хорошо виден, до него добраться несложно. А дальше... что ж, разберусь.

Староста обернулся ко мне, и на его лице расцвела широкая улыбка. Торжествующая, довольная.

— Ну что ж... — протянул он, явно наслаждаясь моментом. — Не говорил ли я тебе, что торопиться не стоит? Что лучше дома посидеть, поправиться? А ты всё норовил самостоятельность показать... Не слушался умных, переживающих за тебя людей.

Он замолчал, но будто говорил мне: «Вот она, твоя самостоятельность. Я предупреждал». Заладил одно по одному.

— Постарайся в первый же день не сгннуть, — добавил он, и в его голосе зазвучали нотки, которые можно было принять за искреннюю заботу. — Было бы жаль терять... Зверолова.

Я взглянул на него спокойно:

— Не сгину. Так заботитесь обо мне, что даже до избы не доведёте, да? Двойные стандарты?

— Ну-ну, — усмехнулся Ефим. — Это всё же безопасная зона, а у меня дел хватает. Дам совет тебе — в лесу нужен опыт. А его у тебя немного, — он выразительно пожал плечами.

— Это даже не совет. А так, всему можно научиться, — ответил, переместив ловушку в другую руку.

— Можно, — согласился староста. — Если доживёшь до того момента, когда сможешь.

Он развернулся и сделал несколько шагов к деревне, потом обернулся:

— Ах да, чуть не забыл. Если что — не жди помощи от деревни. Мы же не можем рисковать здоровьем людей ради одного заражённого, правда? Так что полагайся только на себя.

Я лишь хмыкнул. Да уж, может Макс и стухнул бы на этом этапе жизни, но мне было радостно от происходящего. Лишь отсутствие Красавчика омрачало настроение.

Хотелось сказать Ефиму пару ласковых, но к чему пустые слова? Дело надо делать, оно любых слов сильнее. А лишний раз провоцировать его на хитрые манипуляции просто глупо. Пусть старик считает, что всё у него под контролем.

Всему своё время.

Ефим тронулся в путь, насвистывая какую-то мелодию. Звук становился всё тише по мере того, как он удалялся по тропинке. Скоро он скрылся за поворотом, и я остался один на опушке леса.

Глава 17

Я стоял несколько минут, вслушиваясь в тишину. Птицы где-то вдалеке перекликались друг с другом, листва шелестела от лёгкого ветерка. Пахло хвоей, прелой листвой и чем-то ещё — знакомым, но не неприятным.

Глубоко вдохнул и шагнул под полог деревьев.

И сразу почувствовал себя как дома.

— Ну не подведи, приятель, — я выдохнул и с силой втянул носом чистый воздух.

Лес встретил меня прохладой и полумраком. Солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны пятнами, создавая игру света и тени. Под ногами хрустели сухие листья, мох пружинил, как мягкий ковёр.

Я остановился, осмотрелся. Вот оно, моё царство. Здесь я сам себе хозяин.

Взгляд сразу же начал выхватывать детали. Вон там, у берёзы, кора ободрана — олень чесал рога. Свежий след, судя по цвету древесины. Значит, не так далеко пасётся. На земле отпечатки копыт в мягкой почве, ведут в сторону ручья. Размер приличный — взрослый самец.

Дальше — примятая трава. Тропа, но не человеческая. Слишком узкая, и растительность примята по-особому. Косули, скорее всего. Ходят часто, тропа натопанная.

Ветер дул слева направо, слабый, но постоянный. Нужно учитывать при движении — зверь может учуять запах человека за сотню метров. Я понимал, что зона безопасная, но не знал, следы каких именно зверей вижу, простых или магических? Ведь и мой Красавчик вполне себе может исполосовать лицо. Так что всё относительно. Не зря же староста внучку с охраной отправляет даже в безопасную зону, несмотря на то что она владеет Звездным Волком.

Вдохнул ещё раз. Здесь был ещё один запах — металлический, с едва уловимой сладостью. Магия? Возможно. В памяти Макса всплыли обрывки знаний о том, что воздух в лесах после Раскола изменился. Стал... насыщеннее что ли.

Но в целом лес как лес. Те же законы, те же принципы. Только обитатели другие, возможно и их повадки. Ведь меня уже обманул один зверь.

Придётся всему учиться.

Я направился к дубу с расщеплённой кроной. Шёл медленно, внимательно изучая всё вокруг. Каждый куст, каждое дерево могли рассказать свою историю.

Вон на том пне — помёт. Округлые катышки, размером с грецкий орех. Заячий. Но цвет странный — не коричневый, как обычно, а с зеленоватым отливом. И блестит слегка, будто покрыт лаком. Такое я видел впервые и невольно замер на секунду. Чёрт, и как это вообще считать?

А это что? На ветке куста шерстинки — белые, но переливающиеся всеми цветами радуги. Будто мыльный пузырь. Никогда такого не видел. Подцепил одну на палец, покрутил на свету. Красиво. И это лишь в безопасной зоне. Что же творится глубже в лесу?

Дуб был ещё величественнее, чем казался издали. Ствол такой толщины, что его не обхватить даже троём. Расщеплённая крона создавала причудливую тень.

Я обошёл дерево, отмечая детали. С северной стороны на коре — свежие царапины. Не медвежьи, слишком тонкие, да и нет этой зверюги в этой части леса. И не кошачьи — нет характерных бороздок от втягивания когтей. Что-то другое.

Под деревом — ямки в земле. Кто-то рыл, искал корешки или зарывал запасы. Глубиной сантиметров пять, диаметром с кулак. Множество таких ямок, будто здесь поработала целая армия землекопов. Трогать не буду — необдуманно это. Ох, изучение местной флоры и фауны займёт достаточно времени.

Повернул направо, как указал Ефим. Тропинка была едва заметной, но для глаза, привыкшего читать лесные знаки, вполне различимой. Примятая трава, сломанные веточки, едва

заметные потёртости на коре деревьев — всё это создавало дорогу, по которой когда-то ходили люди.

Шёл уже достаточно долго, когда услышал журчание воды. Ручей. Значит, близко.

И тут...

Я на секунду напрягся и схватился за серп, потому что услышал шорох, но сразу расслабился.

Потому что из кустов прямо передо мной выскочил Красавчик.

Горноста́й радостно поскакал ко мне, виляя хвостиком и попискивая. Его белая шерсть переливалась золотистыми искорками, глаза горели радостью встречи.

— Стой! — рявкнул я таким тоном, что зверёк замер как вкопанный.

Моё лицо, видимо, было мрачнее тучи, потому что Красавчик сразу прижал уши и съёжился. Радость в его глазах сменилась испугом.

Я почувствовал, как мои татуировки начали тепло пульсировать. Связь с питомцем активировалась, и через неё зверёк ощутил всю силу моего недовольства. А ещё, между нами словно установилась невидимая связь, благодарю которой я ментально ощущал, где находится питомец. Но раньше её не было. Выросло доверие, или так сработала моя команда под силой татуировок?

— И с чего ты решил, что можешь убежать от хозяина без разрешения? — произнёс я спокойным, низким голосом. Но достаточно жёстко, чтобы он осознал.

Красавчик ещё сильнее сжался и с надеждой посмотрел на меня.

— Ты не должен самовольно покидать меня таким образом, — продолжил я, делая каждое слово чётким и понятным. — Ты даже не ушёл на охоту на грызунов, ты просто сбежал! Так нельзя, необходимо подчиняться приказам. Питомец должен быть верен.

Татуировки вновь слегка обдало жаром.

Горноста́й жалобно пискнул, прижимаясь к земле. Его золотистые искорки в шерсти потускнели, будто от стыда.

Конечно, я не получал особого удовольствия выдавать ему нагоняй. Вон он, сидит и смотрит на меня как верный пёс. Но дисциплина превыше всего. В лесу он мне понадобится, а если буду рассчитывать на него, и зверёк подведёт... Кто знает, во что это выльется для меня.

— Знаю, что Виола Зверолов, знаю, что такие звери, как ты, избегают магии татуировок. Ты чувствуешь её. Но так нельзя. Ты понял? — спросил я, немного смягчив тон.

Красавчик кивнул, насколько это возможно для зверька. Его глаза снова обрели блеск, но взгляд изменился — теперь он стал каким-то особенным. Руки чуть кольнуло, словно наша связь стала ещё сильнее.

— Хорошо, — сказал я и присел на корточки, протягивая руку. — Можешь подойти.

Теперь Я позволял ему быть рядом. Выставил всё это как награду за послушание, потому что именно так и нужно.

Горноста́й осторожно приблизился, обнюхал мои пальцы, затем ткнулся мордочкой в ладонь. Я почесал его за ухом, и зверёк довольно замурлыкал.

— Молодец, — похвалил я и постучал ладонью себе по плечу. — Можешь залезть сюда. Но ведёшь себя хорошо, понял?

Красавчик радостно подпрыгнул и впился коготками мне в рубаху.

Мы дошли до ручья. Вода была чистой, прозрачной, с лёгким серебристым отливом. Каменная переправа — три больших валуна, расположенных в удобном для перехода порядке.

Перебрался, не замочив ног.

Дальше тропинка поднималась в гору. Не круто, но заметно. Деревья здесь были других пород — больше сосен и елей, меньше лиственных. Воздух стал прохладнее, посвежее. Но были и совершенно незнакомые мне деревья — цветастые и огромные — словно в сказку попал.

Красавчик вдруг забеспокоился, приняхиваясь к воздуху. Потом прыгнул с плеча и побежал к зарослям кустарника, издавая тихие попискивания.

— Что там?

Горноста́й остановился у густого куста и указал лапкой вглубь зарослей, возбуждённо виляя хвостиком.

Я почувствовал знакомое покалывание в татуировках. Ну ладно, поверю тебе, малец.

Активировал навык «Обнаружение».

Мир вокруг потускнел, окрасившись в чёрно-белые тона. И среди кустарника ярко засияло золотистое свечение — что-то очень ценное пряталось в зарослях.

Я осторожно пробрался сквозь колючие ветки, преодолевая усталость, которая навалилась после использования способности. Голова слегка кружилась, но любопытство было сильнее.

Звездный шиповник. Возраст — 6 месяцев. Уровень развития — G.

Информация «Звериного кодекса» доступна:

Реагент для корма некоторых питомцев ранга G. Влияет на степень удовлетворения зверя, а также стабилизирует переход на следующую эволюционную ступень.

Кустарник был небольшим, всего в полтора метра высотой, но совершенно невероятным. Его ветки были покрыты тёмными, почти чёрными ягодами, каждая размером с вишню. И каждая ягода мерцала серебристыми искорками.

Идеально! Как раз то, что нужно для Красавчика!

Я аккуратно начал собирать ягоды, складывая их в узелок из ткани. Горноста́й крутился рядом, явно желая попробовать блестящие плоды.

— Стоять, — строго сказал я, когда он потянулся к ягоде лапкой. — Не трогай.

Зверёк обиженно пискнул, но послушался.

— Это не простая еда, — объяснил я, продолжая сбор. — Эти ягоды — реагент. Их нужно правильно использовать, а не жрать как попало.

Красавчик наклонил голову набок, явно не понимая разницы. Для него еда была едой.

— Когда доберёмся, посмотрим, что к чему, — пообещал я. — А если будешь сейчас хватать без разрешения, ничего не получишь.

Горноста́й понуро опустил мордочку, но больше не пытался добраться до ягод. Конечно, в основном он реагировал на тон. Но меня не отпускало подозрение, что он действительно мог понимать человеческую речь — через силу Зверолова. Возможно, чем сильнее зверь и наша связь, тем лучше уровень доверия и взаимопонимания.

Ягод я собрал всего ничего — несмотря на размеры куста, разгуляться не получилось.

— Молодец, — похвалил зверька, когда закончил. — Ты нашёл это место. Но запоминай — сначала показываешь хозяину находку, потом уже действуешь. Ясно?

Зверёк радостно кивнул и запрыгнул мне на плечо.

Через несколько часов лес расступился, открывая поляну.

Я остановился, ошеломлённый увиденным.

Поляна была большой — метров двести в диаметре. Покрыта густой, сочной травой, на которой то и дело виднелись яркие пятна цветов. С одной стороны тёк ручей, тот же самый, который мы только что пересекли — он делал здесь широкую петлю.

А в центре поляны стояла изба.

Крепкая, из толстых брёвен, с широким крыльцом и высокой крышей. Окна были целыми, дверь закрытой. Рядом — несколько хозяйственных построек, не в очень хорошем состоянии, всё-таки время взяло своё, но восстановить это вполне возможно.

Но больше всего меня поразило не само строение.

Поляна была словно специально создана для содержания животных. Естественные загоны из поваленных деревьев и больших камней — пара недель труда и вполне можно. Если

расчистить участки, то тут могли бы пастись травоядные. Плотная роща с одной стороны — укрытие для тех, кто любит тень. Ручей, обеспечивающий постоянный доступ к свежей воде.

Это было идеальное место для содержания питомцев определённого вида — если заняться этим вплотную.

— Ну дела... — непроизвольно вырвалось у меня.

Медленно прошёл по поляне, изучая каждый её уголок. Вот здесь можно построить вольеры для мелких зверей. Тут — загон для крупных. А там, у ручья — пастбище для травоядных.

Изба изнутри оказалась ещё лучше, чем снаружи. Большая комната с мощной печью, способной обогреть всё жилище. Крепкий стол, лавки, полки для припасов. В углу — кровать с толстым тулупом вместо одеяла.

Я провёл рукой по гладко отёсанной балке, чувствуя под пальцами твёрдость качественного дуба. Такое сооружение простоит ещё очень долго.

Но самое главное — подпол. Спустился туда, Красавчик заискрил, освещая всё вокруг, а я... обомлел. Огромное подвальное помещение. Сухое, прохладное, явно можно сделать различные отделения. Идеальное место для хранения кормов, реагентов, всего необходимого для будущей работы. Что тут делал этот Григор? Это не просто изба, человек явно постарался!

В подполе уже стояли массивные стеллажи, правда пустые.

Но, как ни крути, работы требовалось много. Прямо сейчас всё это было непригодно для моих планов — что-то нужно было восстанавливать, всё же много времени прошло. Однако азарт в груди разгорался с невероятной силой. Перед глазами замаячили перспективы.

— Вот это да, — прошептал я, поднимаясь вверх.

Красавчик бегал по избе, приносясь к углам. Ему тоже нравилось новое жилище.

Я вышел на крыльцо и ещё раз окинул взглядом поляну и несколько хозяйственных построек рядом. В воображении уже рисовались картины будущего.

Не просто выживание. Настоящий бизнес. Я могу приручать, ухаживать и тренировать здесь магических животных. Если не всех — то многих.

Я глубоко вдохнул лесной воздух, полный ароматов хвои, прелых листьев и той особенной свежести, что бывает только в глуши.

И почему здесь никто не живёт?

Утренний туман следующего дня ещё цеплялся за верхушки деревьев, когда я устроился на берегу ручья с самодельной удочкой. Вода журчала спокойно, отражая первые лучи солнца, а воздух пах свежестью и прелой листвой.

Впервые за все время пребывания в этом мире я почувствовал себя по-настоящему дома. Никаких деревенских сплетен, никаких косых взглядов, никаких осточертевших речей старосты. Только я, лес и тишина, нарушаемая лишь птичьими трелями да плеском рыбы.

Я закинул удочку в омут под склонившейся ивой и откинулся на спину, подложив под голову руки. Здесь можно было думать и планировать что-то. Изгнание оказалось подарком — теперь я мог заниматься тем, что действительно умел.

Взгляд невольно скользнул вглубь леса, туда, где деревья становились гуще.

Метрах в двухстах от ручья лес... менялся.

Стволы там казались темнее, будто покрытые черной корой. Кроны сплетались так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь них, создавая зловещий полумрак. Даже птицы пели по-другому — их трели звучали приглушенно, с каким-то тревожным подтоном.

Граница опасной зоны, без сомнений.

Память Макса подсказывала, что именно там обитали существа, способные разорвать неопытного Зверолова в клочья. Туда ходили только со специальным снаряжением, большим

опытом и, желательно, с охраной. Пока мне туда рано, но если пройти по границе в поисках дорогих ресурсов, с моей осторожностью...

Леска дёрнулась, отвлекая от мыслей. Я осторожно подсёк и почувствовал, как рыба дергается на крючке. Окунёк, неплохо.

Пока вытаскивал добычу, подумал о Красавчике. Горностай исчез с рассветом — когда я проснулся, его рядом не было, видимо выскочил в открытое окно. Но на этот раз всё в порядке. Зверь есть зверь, даже прирученный. Ему нужно бегать по лесу, охотиться, исследовать территорию. Это естественно и полезно для развития.

Здесь магические существа сохраняли дику́ю природу. Попытки превратить их в диванных любимцев только ослабят, это уж точно. Красавчик вернётся, когда захочет. А если не вернется — значит хреновый из меня вышел Зверо́лов.

Хотя нет, вернется. Я чувствовал нашу связь — слабую ниточку, протянувшуюся куда-то в глубину леса. Она пульсировала размеренно, спокойно. Зверек был в порядке и не слишком далеко.

Следующий окуне́к клюнул почти сразу. Потом ещё один. К тому времени, как солнце поднялось выше крон деревьев, в ведре плескались уже семь рыбешек. Хватит для угощения Красавчику. В планах — тренировка.

Я смотал удочку и поднялся, отряхивая с штанов прилипшую траву.

Едва направился к избе, как из кустов почти мгновенно выскочил знакомый белый комочек. Красавчик несся ко мне, виляя хвостом, а его шерсть переливалась золотистыми искорками в утреннем свете.

— Ага, сразу на завтрак, да? — рассмеялся я, наблюдая, как горностай прино́хивается к моему улову.

Он встал на задние лапы, заглянул в ведро и жалобно пискнул. Я почесал его за ухом.

— Потерпи немного. Тут другой подход у нас теперь будет.

Красавчик обиженно фыркнул, но послушно запрыгнул мне на плечо, и я почувствовал тепло его маленького тела.

Мы направились к избе по едва заметной тропинке. Солнце припекало все сильнее, обеща́я жаркий день. В такую погоду рыба долго не пролежит, нужно будет сразу приготовить.

— Ты где шлялся с утра? — спросил я горностая, зная, что ответа не получу, но наслаждаясь возможностью говорить вслух. Привычка.

Красавчик лишь довольно заурчал и устроился поудобнее на плече.

В избе было прохладно и пахло застоявшимся воздухом. Я поставил ведро с рыбой на деревянный стол и окинул взглядом скромную обстановку. Красавчик соскользнул с моего плеча и вновь принялся обнюхивать ведро, нетерпеливо поскуливая.

— Погоди, дружок, — сказал я, потирая подбородок. — Теперь будем делать всё правильно.

Впервые с момента пробуждения «Звериного кодекса» у меня появилась возможность спокойно изучить все его возможности.

Глава 18

Я сосредоточился.

Питомец: *Горностай мерцающий.*

Уровень: 1.

Опыт: 2/5

Эволюционный индекс: G.

Характеристики питомца:

Сила: 2

Ловкость: 4

Поток: 5

Навыки:

Создание иллюзии (G): физическая, слабая проекция себя для обмана врагов. Требуется поток, после чего зверь замедляется.

Поиск и сбор (G): чувствует редкие травы и реагенты в радиусе 5 метров. Точность зависит от уровня приручителя.

Доступно очков для распределения: 4

Хм, интересно. У меня четыре свободных очка. Пожалуй, пора усилить зверька. Но сначала стоит разобраться с разделом «Питание».

Горностай мерцающий — хищник с высоким метаболизмом. Основа рациона: свежая рыба, мелкие грызуны, птичьи яйца.

Для оптимального развития рекомендуется:

— 2-3 приёма пищи в день

— Сочетание обычной пищи с магическими реагентами.

— Реагенты можно давать в сыром виде, предварительно измельчив для лучшего усвоения

Текущие доступные реагенты:

— Звёздный шиповник: стабилизирует поток, благоприятно влияет на будущую эволюцию. Рекомендуемая дозировка: 2-3 ягоды на порцию.

Способ приготовления:

Измельчить ягоды, смешать с сырой пищей.

— Не так уж и сложно, — хмыкнул я, внимательно изучая каждую строчку. Система была куда подробнее, чем я ожидал. — Значит, не нужно возиться с огнём хотя бы сейчас, тем лучше.

Красавчик между тем встал на задние лапы, упёршись передними в край стола, и снова заглянул в ведро с рыбой. Его чёрные глазки-бусинки горели нетерпением, а из горла вырывались тихие, почти мелодичные попискивания.

— Подожди, — строго сказал я, и зверёк тут же отпрыгнул назад, прижав ушки. — Сначала я готовлю, потом ты ешь.

Горностай поник и уселся в углу, но продолжал внимательно следить за каждым моим движением. Его шерстка слабо мерцала в полумраке избы, создавая причудливые блики на стенах.

Я окинул взглядом помещение, прикидывая, что мне понадобится для приготовления корма. В правом углу у окна стоял массивный деревянный стол. Его поверхность была изрыта множеством мелких зарубок от ножа.

Нужна была посуда. Справа от стола, на грубо сколоченной полке, стояла немудрёная утварь: несколько глиняных мисок разного размера, пара кувшинов, жёстяная кружка с помя-

тыми боками. Я выбрал самую большую миску — тёмно-коричневую, с отколотым краем, но вполне пригодную для дела.

— Сначала помою, — пробормотал себе под нос.

В углу у двери стоял деревянный рукомойник — простое устройство из двух досок и металлического бачка. Вода в нём была холодная, пахла железом, но чистая — я набрал её утром. Плеснул немного в миску, протер её тряпкой, которую нашёл на гвозде рядом с рукомойником. Тряпка была серая от времени и не первой свежести, но лучшего под рукой не было.

Чёрт, казалось бы, мелочи, но в итоге придётся потратить целый день на то, чтобы придать этому месту приличный жилой вид. Всё же изба долго находилась в запустении.

Красавчик все это время сидел как истукан, только кончик хвоста изредка вздрагивал, выдавая его нетерпение.

Нож я взял из дома — с потемневшим от времени лезвием, но достаточно острый. Ручка была стёртая, гладкая от долгого использования.

Теперь можно было приступить к делу.

Я достал из узелка три ягоды звёздного шиповника и положил их в чашку. При дневном свете они выглядели ещё более необычными, чем в лесу. Тёмно-синие, почти чёрные плоды размером с крупную вишню, но их поверхность покрывали тонкие серебристые прожилки, которые пульсировали еле заметным светом. Если приглядеться, казалось, будто внутри каждой ягоды течёт расплавленное серебро.

Я осторожно придавил одну плоской стороной ножа. Кожица лопнула с тихим хлопком, и наружу вытекла густая, вязкая жидкость цвета тёмного мёда. Аромат ударил в нос — сладковатый, но с острым металлическим привкусом. Что-то в этом запахе было древнее, первозданное, будто я вдыхал саму магию Раскола.

Красавчик вскинул мордочку, принялся и издал протяжный, почти стонущий звук. Его глаза загорелись ещё ярче.

— Чувствуешь, да? — усмехнулся я. — Терпи ещё немного.

Размял остальные ягоды, превращая их в пахучую кашу. Серебристые прожилки не исчезли даже после измельчения — они извивались в мякоти как живые, создавая причудливые узоры.

Теперь очередь рыбы. Я выбрал из ведра самого крупного окунька — ладони полторы длиной. Быстрыми, привычными движениями очистил его от чешуи — она сыпалась на стол серебристым дождём, поблёскивая в лучах солнца, пробивавшихся сквозь оконце.

Выпотрошил рыбу, отрезал голову и хвост. Филе получилось белое, плотное, с прожилками розового мяса. Нарезал его небольшими кусочками — примерно с мой ноготь размером, чтобы горностаю было удобно есть, а шиповник пропитался во всей порции.

Высыпал кусочки рыбы в миску и тут произошло нечто удивительное.

Как только магические реагенты коснулись рыбного мяса, серебристые прожилки вспыхнули ярким светом — мягким и завораживающим. Вся порция начала светиться изнутри золотистыми искрами, а запах усилился во много раз.

Воздух в избе наполнился ароматом. Пряный, сладковатый, но с нотками свежей рыбы и чего-то неуловимо древнего. Я почувствовал, как по коже пробежали мурашки — это была чистая магия, осязаемая и реальная.

Красавчик не выдержал. Он подскочил и помчался ко мне, забыв обо всех запретах. Его шерстка засверкала так ярко, что он превратился в живой фонарик. Зверёк встал на задние лапки, упёрся передними мне в ногу и жалобно заскулил.

— Ладно, ладно, — рассмеялся я. — Вижу, что больше терпеть не можешь.

Присел на корточки и поставил миску на пол. Красавчик кинулся к еде с такой жадностью, будто не ел целую неделю. Он хватал кусочки рыбы, торопливо жевал, глотал и тут же

тянулся за следующими. Золотистые искры вспыхивали у него на мордочке, а шёрстка светилась всё ярче.

Я наблюдал за этим зрелищем, опершись о стол. Забавно было видеть, насколько ему вкусно.

Пока он доедал, я изучил остальные разделы в системе горностая. В «Тренировке» была базовая информация об упражнениях для развития навыков, а «Медицина» содержала список распространённых болезней и способов их лечения. Полезно, хотя и не слишком подробно.

Вскоре миска была вылизана до блеска. Красавчик отодвинулся от неё, сел на задние лапки и принялся умываться. Его язык тщательно очищал мордочку от остатков пищи, а движения стали плавнее, увереннее. На морде застыло выражение глубокого удовлетворения.

— Ну как, вкусно было? — спросил я, протягивая руку.

Горностай подбежал ко мне и благодарно ткнулся носом в ладонь.

Получено опыта: 3.

Ого, я получил опыт за приготовление блюда? Или за то, что верно накормил питомца? В любом случае, я вздохнул с облегчением. Если питание, тренировки и приручение даёт мне опыт — можно не переживать за взятие уровня.

— Ладно. Теперь займёмся твоим образованием.

Я вышел во двор и сорвал тонкую ивовую ветку. Красавчик проследил за моими движениями заинтересованным взглядом.

— Видишь эту ветку? — показал ему прут. — Хочу, чтобы ты применил навык и поймал её своей иллюзией.

Горностай наклонил голову набок, явно не понимая, чего я от него хочу. Тогда я подбросил ветку вверх и поймал сам, чуть надавив силой Зверолова на зверька. Наша связующая нить на мгновение будто натянулась.

— Вот так. Только используй свою способность.

После нескольких попыток объяснить жестами, Красавчик, кажется, уловил суть задания. Его глаза сосредоточенно сузились, и рядом с ним появилась полупрозрачная копия — размытая и мерцающая.

Я подбросил ветку. Иллюзия попыталась её перехватить, но едва лапы коснулись ветки, как копия тут же исчезла. Красавчик недовольно фыркнул.

М-да. Слабовато как-то.

Я открыл интерфейс питомца и задумался над распределением очков. Сила явно не пригодится — Красавчик не боевая единица. Я усмехнулся, представив накачанного горностая с выпирающими мышцами.

Ловкость у него и так неплохая. А вот Поток...

Согласно описанию системы, Поток отвечал за магические способности. Логично предположить, что именно от него зависит качество иллюзий.

— Попробуем так, — пробормотал я и вложил одно очко в Поток.

Поток: 5+1=6.

Татуировки на моих руках вспыхнули, и я почувствовал, как что-то тёплое перетекает из меня в Красавчика. Но ничего не произошло.

Тогда я повторил, ведь эффект-то был!

Поток: 6+1=7.

И вновь мимо.

Да что ж такое?

Поток: 7+1=8

И тут...

Горностай вздрогнул, его шерсть заискрилась золотистыми огоньками, и глаза на мгновение засветились изнутри.

Характеристика Поток достигла первого порогового значения 8.

Навык «Создание иллюзии» улучшен. Иллюзия может взаимодействовать с лёгкими предметами и существует дольше.

Создание иллюзии(F)— физическая, стабильная, но всё ещё слабая проекция себя, чтобы обмануть хищников или охотников. Требуют затрат энергии, после чего зверь становится слегка медлителен. Чует магические следы на расстоянии до 3 метров.

Отлично! Но едва я обрадовался, как тут же нахмурился, ведь потратил почти все свои очки за два уровня, а как тогда мне улучшать других питомцев? Вряд ли очки будут даваться бесконечно. Пришлось отказаться от идеи увеличить зверю ещё и ловкость. Пока поберегу.

— Давай ещё раз, Красавчик, — кивнул я зверю, подбирая палку.

На этот раз иллюзия получилась куда более плотной и чёткой. Я подбросил ветку, и копия горносталя ловко подпрыгнула, перехватив её в воздухе. Правда, через пару секунд ветка всё же выпала из призрачных лап — физическое взаимодействие пока ещё было слабым, но прогресс налицо.

— Молодец! — похвалил я питомца.

Следующие часы тренировки превзошли все ожидания. Иллюзия не только ловила ветку, но и удерживала её почти пять секунд. Красавчик после создания копии, конечно же отдыхал, но чувствовал себя достаточно уверенно, хотя поначалу такие упражнения его явно выматывали.

Дальше я решил заняться собственным телом. Слабость окончательно отступила, но мышцы требовали работы. В прежней жизни дед никогда не давал поблажки — «Тело крепи, а то в тайге засохнешь как прутик».

Я начал с простых упражнений — отжимания от пола избы, подтягивания на толстой балке крыльца, подъёмы туловища. Молодое тело отзывалось быстро, мышцы наливались приятной тяжестью. Красавчик наблюдал за моими потугами с явным недоумением, наклонив голову набок.

После разминки принялся исследовать две хозяйственные постройки.

За избой располагался настоящий комплекс для разведения зверей. Длинное здание оказалось тренировочным полигоном — внутри стояли клетки разных размеров, от крошечных для птиц до просторных для крупных хищников. Путь местами погнулись, но основа была крепкой. В стенах виднелись металлические кольца с обрывками цепей, деревянные рамы с остатками веревок — что-то для тренировки питомцев и их удержания. Теперь это было понятно, ведь что-то подобное было и у меня дома.

Да уж, сколько этот отшельник Григор прожил тут и как добывал материалы для строительства?

Воздух в полигоне был затхлым, пах старым жиром и звериными метками. Пол устлан прелой соломой, смешанной с землёй. Но главное — потенциал. При должном уходе здесь можно содержать десяток питомцев одновременно.

В сарае рядом оказался склад кормов — пустые бочки, мешки с прогнившим зерном, крюки для подвешивания мяса и куча барахла. На стенах виднелись полки для хранения различной утвари.

Так, ну и что тут нужно сделать? Первоочередные задачи...

Починить клетки и тренировочное оборудование? Как-то наладить поставки кормов. Создать систему хранения реагентов.

Ну а потом, в долгосрочной перспективе разводить питомцев на продажу.

Но в голову закралась тяжёлая мысль. Всё это — не моё.

Эта земля мне не принадлежала. Григор исчез, но Ефим в любой момент мог заявить мне что угодно. И тогда все мои труды пойдут насмарку.

Нужны деньги. Много денег. Возможно, я смогу выкупить эту землю? Это тоже нужно узнать, а пока ладить здесь всё, чтобы ушло другому в руки? Ну уж нет. Лишь необходимый минимум, чтобы жить не стыдно было, по-людски.

Я вспомнил слова Ирмы про лунный пырей. Если найти богатые заросли...

— Красавчик, — позвал горностая. — Завтра идём на работу.

Зверек встрепенулся, ожидая объяснений.

— Пора травы искать. Редкие, дорогие.

Но сначала нужно подготовиться как следует. В лесу меня могли поджидать не только ценные растения, но и голодные хищники. А всё моё оружие — серп.

Остаток дня я потратил на изготовление снаряжения. Хорошо, что взял кое-какие инструменты, да и здесь кой-чего нашёл. Принялся мастерить ловушки.

Силки для птиц — дело привычное. Тонкая верёвка, гибкая ветка, правильно настроенный спуск. Поставлю несколько штук возле ручья, ведь могут тут водиться птицы типа рябчиков? Свежее мясо всегда пригодится.

Для защиты от хищников сделал простую, но эффективную штуку. Взял крепкую палку длиной в полтора метра, обмотал один конец кожаными ремнями для удобного хвата, а на другой конец набил острые гвозди. Получилось нечто вроде моргенштерна — не изящно, но действительно.

Ещё одну идею подсказал моток тонкой, но прочной верёвки. Я вспомнил дедовы уроки — как делать быстрые силки-удавки для крупной дичи. Не полноценную ловушку, а что-то вроде подвижной петли на длинной палке. Если правильно сделать, то можно попробовать накинуть такую петлю на шею зверя и затянуть — дед показывал этот приём для поимки агрессивных собак или даже молодых волков, когда они ранены и озверели.

Нашёл крепкую ивовую жердь длиной почти метра в полтора — достаточно, чтобы держать дистанцию. Один конец заострил ножом, а на другом закрепил подвижную петлю из верёвки. Механизм простой: резкий рывок — и петля затягивается. Конечно, против Звёздного Волка в полной силе это может и не сработать — слишком сильный, наверняка может порвать верёвку. Но если зверь ранен, ослаблен или просто не ожидает такого приёма, то есть шанс его обездвижить на время, достаточно, чтобы добить или связать покрепче.

С хищником всегда нужно держать дистанцию. Он в прыжке быстрее, если человек не готов, но на расстоянии — ты хозяин. Надеюсь, в ближайшее время не придётся проверять, работает ли этот принцип с магическими тварями. Сейчас цель одна — деньги.

На пояс прицеплю небольшой мешочек для сбора трав и кремён с огнивом, что взял из дома — на всякий случай.

— Неплохо, — пробормотал я, осматривая самодельное снаряжение. — Не армейское обеспечение, конечно, но и не голыми руками.

А вот чуть позже нужно будет всерьёз задуматься о более серьёзном оружии, которое пока никак не достать. Сейчас и денег нет, да и к кузнецу за дельным ножом обратиться — вдруг донесёт Ефиму? Чёрт, мне бы с Барутом поговорить...

К вечеру я был смертельно усталый, но довольный. Ужин из жареной рыбы показался особенно вкусным после трудового дня. Красавчик уплетал свою порцию с магическими добавками, довольно урча.

За окнами опускалась ночь, и в лесу начинали звучать незнакомые голоса — вой, рычание, странные мелодичные трели. Магический мир засыпал и просыпался одновременно. Ночные охотники выходили на промысел.

Рассвет встретил меня треском поленьев в печи. Красавчик на этот раз был рядом и сидел на подоконнике, наблюдая, как за окном просыпается лес.

— Ну что, дружок, — сказал я, доедая те запасы, что дала Ольга. — Пора на заработки.

Глава 19

Экипировался основательно. Самодельный моргенштерн и удавку на палке привязал к спине, серп прицепил на пояс. Взял всё, что может понадобится в лесу.

Красавчик запрыгнул мне на плечо и довольно заурчал. За ночь он окончательно оправился от вчерашней прокачки — движения стали увереннее, глаза блестели живым умом.

Лес встретил нас прохладой и пением птиц. Утренний туман стелился между стволами. Я шёл по едва заметной тропе, внимательно изучая окружающую флору.

— Вот это что такое? — пробормотал я, остановившись у незнакомого кустарника.

Растение было низким, с серебристо-зелёными листьями и мелкими белыми цветками. От него исходил слабый аромат мяты, но более тонкий, изысканный. Не помню, чтобы на Земле встречал такое.

Красавчик принялся, наклонил голову и одобритительно пискнул.

— Думаешь, это что-то ценное?

В ответ горноста́й спрыгнул с плеча и принялся обнюхивать растение более тщательно. Его глаза загорелись, и он указал лапкой на основание куста, где виднелись особенно крупные листья.

Ну ладно, малец, поверю тебе. Я активировал способность «Обнаружение». Мир потускнел, окрасился в чёрно-белые тона, и кустарник вспыхнул мягким золотистым свечением.

Морозная мята. Возраст — 4 месяца. Уровень развития — G.

Информация «Звериного кодекса» доступна:

Реагент.

Ого. А это что-то новенькое. Жаль, что «Кодекс» не раскошелится на информацию. Но такая мята может заинтересовать Гануса? Обязательно соберу, чтобы потом выяснить всё у Ирмы.

Начинаем с малого. Я сорвал листья.

Головокружение от использования способности оказалось слабее, чем в прошлый раз. Видимо, я постепенно привыкал к магическим нагрузкам? Если бы у меня были какие-то параметры как у зверей, всё было бы ясно, а так...

Чёрт его разберёт.

Мы углубились в лес, и я методично осматривал каждое незнакомое растение. Красавчик оказался превосходным помощником — его нюх безошибочно определял магические травы. Когда он принялся и возбуждённо попискивал, я знал, что стоит проверить находку способностью.

— Понял-понял, смолка медная... О, а это что за зверь? — бормотал я себе под нос, складывая травы в мешок.

Некоторые растения были явно местными мутациями знакомых земных видов. Медунница с серебристыми прожилками вместо белых пятен. Подорожник с листьями, слабо светящимися в тени.

Но попадались и совершенно фантастические экземпляры.

Красавчик остановился у небольшой полянки, где росло что-то похожее на огромные одуванчики. Только вместо жёлтых цветков у них были шапки из переливающихся всеми цветами радуги нитей, словно сотканные из световых лучей.

Вот это красота!

Светопряд радужный. Ранг F. Информация заблокирована. Перейдите на следующий эволюционный индекс.

Я присвистнул. И как это сделать?

Осторожно срезал несколько цветочных головок, стараясь не повредить нежные нити. Они оказались удивительно прочными, но при этом мягкими, как шёлк.

Красавчик в это время обследовал ближайшие кусты. Внезапно он радостно запищал и помчался к зарослям какого-то вьющегося растения. В зубах у него был тонкий корешок, от которого исходил острый, почти медицинский запах.

И тут произошло нечто неожиданное.

Перед глазами вспыхнуло системное сообщение:

Получено опыта: 1.

Я удивлённо моргнул. За что опыт? Я же ничего особенного не делал, просто собирал травы...

Подожёл и взял корешок. Способность «Обнаружения» была ещё активна, и растение мгновенно засветилось ярко-синим светом.

Горечь-корень. Ранг F. Информация заблокирована. Перейдите на следующий эволюционный индекс.

— Какого чёрта? — прошептал я себе под нос. — Как это?

Горноста́й гордо распушил хвост и принялся копать у корней растения, извлекая ещё несколько ценных корешков.

Получено опыта: 1.

Получено опыта: 1.

И тут меня осенило. Опыт пришёл именно в тот момент, когда Красавчик самостоятельно нашёл ценный ресурс, используя свой навык «Поиск и сбор». Значит, когда он добывает растения это приносит опыт и мне! А почему бы и нет? Вполне логично, если учесть, что зверь приручен!

Это открывало совершенно новые перспективы.

Я решил проверить теорию. Отошёл на несколько метров от Красавчика и указал рукой на заросли у ручья.

— Давай, принеси мне ещё корешков. Ищи что-нибудь ценное, — татуировки обдало жаром.

Горноста́й понимающе пискнул и помчался к указанному месту. Его поведение изменилось — он стал более сосредоточенным, методично исследуя землю.

Через несколько минут он вернулся с добычей, но...

Система молчала.

— Не понял, — я озадаченно почесал затылок.

Неужели ошибся?

Наконец, добрался до ручья. Рябчики или другая подобная живность, если такая тут водится, любят пить на рассвете у самой воды, где берег пологий.

Достал свои заготовки — силки, которые смастерил. Тонкая верёвка, гибкие ивовые прутья, правильно настроенный спуск — дело привычное для егеря.

Теперь нужно было только найти подходящие места для установки.

Двинулся вдоль ручья, высматривая птичьи тропы. Вон там, где ивовые ветки склоняются к воде — идеальное место.

Воткнул заострённый конец первого силка в мягкую землю у самой кромки воды. Удавка повисла как раз на высоте птичьей шеи. Осторожно отогнул ветку, натянув силок, и подпёр её тонкой палочкой. Малейшее касание — и ветка распрямится, затянув петлю.

— Красавчик, не крутись под ногами, — проворчал я, когда горноста́й принялся обнюхивать мою работу.

Отошёл на несколько шагов, оценивая результат. Со стороны силок почти незаметен среди травы. Если рябчик полезет пить, обязательно попадёт головой в петлю.

Установил остальные силки — один выше по течению, другой в зарослях орешника, где виднелись птичьи следы на влажной земле. Свежее мясо действительно не помешает, да и горностая покормить можно. Главное, чтобы зверь был не магический. Если такой вообще попадётся в силки.

Оставшийся день мы провели в активных поисках. Красавчик азартно носился по лесу, вынюхивая редкие травы, а я методично проверял его находки и складывал в мешок. К вечеру у нас была скудная, но разнообразная коллекция.

Морозная мята, Светопряд радужный, Горечь-корень и ещё с дюжину не магических, но полезных трав. Вот только их количество удручало. Особо не разгуляешься.

Но что самое приятное — я всё же получил ещё два очка опыта. Мой уровень поднялся до третьего, дав ещё два очка для распределения. А опыт Красавчика подрос до пяти — и он получил новый уровень. Хотя бы здесь вопросов у меня не возникло — он качался через использование навыков.

И всё же мой опыт мне приносил горностаев, но получал я его не сразу, а словно копил. Будто мне передавался лишь какой-то крохотный процент.

— Красавчик, одним словом, — хмыкнул я.

Зверь довольно замурчал и устроился на моём плече. Он тоже был доволен результатом.

Следующим утром я поставил перед собой более серьёзную цель. Вчерашний успех окрылил, но обычные травы не принесут больших денег. А мне нужны серьёзные средства, чтобы воплотить в жизнь свои амбициозные планы.

Но первым делом я проверил статус, а когда открыл его, просто обалдел.

Статус.

Уровень: 3.

Опыт: 0/13.

Свободных очков: 3.

Навык: «Обнаружение» — поиск полезных ресурсов в радиусе 15 метров.

Особенность: Экспериментальная эволюция. (Заблокировано, достигните Уровня 10).

Питомец: Горностаев мерцающий.

Уровень: 2.

Опыт: 0/8

Эволюционный индекс: G.

Характеристики питомца:

Сила: 2

Ловкость: 4

Поток: 8

Навыки:

Создание иллюзии (F) — физическая, стабильная, но всё ещё слабая проекция себя, чтобы обмануть хищников или охотников. Требуют затрат энергии, после чего зверь становится слегка медлителен. Чует магические следы на расстоянии до 3 метров.

Поиск и сбор (G): Чует редкие травы и реагенты в радиусе 5 метров. Точность зависит от уровня приручителя.

Свободных характеристик питомца для распределения: 2.

Вот же блин! Когда Красавчик взял второй уровень, в его интерфейсе так же появились очки, которые я мог вбросить в его характеристики. Так вот как оно работает!

А мои очки — получается — как очки Мастера. Я могу вбрасывать их в СВОЕГО зверя, чтобы делать его ещё сильнее.

Поначалу я схватился за голову, посчитав, что потратил три очка в никуда, но потом успокоился. Всё же горностая продавать не собирался, это, можно сказать, был уже мой това-

рищ. Причём крайне полезный товарищ. Кто знает, что он сможет, если вырастет до индекса F и дальше?

Но теперь всё встало на свои места, и система была полностью понятна. Но торопиться с выбором следующей характеристики для Красавчика не буду, пока что меня устраивает уровень развития.

Так, ладно. К насущным делам.

Лунный пырей — вот что нужно найти. Ирма говорила, что он растёт в опасной зоне, в низинах возле ручьёв, где мох лежит толстым ковром.

Но если я пойду за этой травой в опасную зону леса...

Эх, мне бы какую медвежью шкуру, нарукавники сделать на предплечья. Я тщательно изучил всё барахло в сарае, но ничего подходящего для защиты не нашёл.

Экипировался ещё более внимательно, чем вчера. Моргенштерн, серп, удавка — всё проверил.

Мы направились к границе безопасной зоны. Я уже знал, где она проходит — её было видно невооружённым глазом.

Одна опасная вылазка — и получу достаточно денег, чтобы подходить к подобным путешествиям более тщательно. Это — необходимый и осознанный риск, который даст невероятный толчок.

Деревья словно по линейке обрезались. С одной стороны росли привычные — нормальных размеров, с другой начинался лес-гигант. Стволы тут были в два-три раза толще, кроны поднимались так высоко, что их верхушки терялись в утреннем тумане.

Но не только размер отличал опасную зону. Сама атмосфера была другой.

Воздух стал плотнее, будто насыщенный невидимой энергией. Птички трели смолкли, их сменила настороженная тишина. Даже свет падал иначе — зеленоватый, мерцающий, создававший причудливые тени.

— Вот это место, — пробормотал я, останавливаясь у самой границы.

Красавчик напрягся, прижал уши и принялся. Его шерсть встала дыбом — инстинкт животного чуял опасность.

Я активировал способность «Обнаружение» и осмотрел опасную зону. Через чёрно-белую пелену пробивались всполохи света — множество магических растений росло в глубине тёмного леса. И среди них, метрах в ста от границы, замерцали серебристые огоньки — россыпь того самого лунного пырея, о котором говорила Ирма. Место подходило!

Низина у ручья, густой мох, серебристая трава, слабо светящаяся в тени — всё сходилось с описанием. Но добраться туда...

Я внимательно изучил путь. Прямого подхода не было — нужно было обойти поваленное дерево, пробраться через заросли колючих кустов, спуститься по крутому склону. Туда и обратно — минут двадцать быстрым шагом.

— Эй, — тихо позвал горностая. — Слушай меня внимательно.

Зверёк настороженно посмотрел на меня.

— Мы зайдём туда, — я кивнул в сторону опасной зоны. — Но недалеко и ненадолго. Твоя задача — быть моими глазами и ушами. Увидишь, услышишь что-то подозрительное — сразу предупреждай. Понял?

Татуировки обдало жаром и горностая серьёзно кивнул. Интеллект у него был на уровне, и он прекрасно ощущал важность ситуации — это передавалось мне через татуировки.

Я глубоко вдохнул, сжал в руке свой моргенштерн и переступил невидимую границу.

Ощущения изменились мгновенно. Воздух стал вязким, тяжёлым, будто я нырнул в густую жидкость. Кожа покрылась мурашками от присутствия чужеродной магии. Даже дышать стало труднее.

Красавчик съёжился на моём плече и запаниковал! Начал прыгать на плече и впиваться в мою кожу когтями!

— Спокойно! — тихо, но жёстко отрезал я, взмахнув рукой. Сила Зверолова убила зверька, и он оторопело замер. — Делай, что сказал.

Горноста́й замер, но чуть успокоился и начал следить за окружающей обстановкой.

Я двигался быстро, но осторожно. Каждый шаг контролировал, каждой ветки не касался. В этом лесу даже безобидное растение могло оказаться смертельным.

Поваленное дерево оказалось покрыто странным, радужно переливающимся мхом. Я не стал рисковать и аккуратно обошёл стороной. Колючие кусты шевелились без ветра — их длинные, тёмные шипы были покрыты какой-то слизью.

Наконец, я добрался до заветной низины.

Лунный пырей рос здесь небольшой полянкой. Серебристые травинки колыхались в мерцающем свете, создавая завораживающую картину. Каждый стебель был высотой с ладонь, листья узкие, на концах светились крошечные звёздочки.

Я быстро, но аккуратно принялся собирать траву. Срезал только верхушки, оставляя корни — чтобы растения восстанавливались.

Красавчик между тем неотрывно следил за лесом. Его уши непрерывно поворачивались, улавливая каждый звук. Несколько раз он предостерегающе пискнул, и я замирал, прислушиваясь. Но тревога оказывалась ложной.

— Молодец, — шепнул я, закончив сбор. — Теперь быстро назад. Задерживаться не будем!

Мешочек с лунным пыреем был неполным — может стеблей пятнадцать. По словам Ирмы, за такое количество можно выручить солидную сумму.

Обратный путь занял ещё меньше времени. Я уже знал дорогу и шёл увереннее. Но когда до границы оставались считанные метры, случилось то, чего я опасался.

Где-то в глубине леса раздался громкий шорох. Треск веток, словно что-то крупное продиралось через заросли. Звук быстро приближался.

— Гр-р-р-р-р, — слышалось вдалеке.

Красавчик издал тихий, но предупреждающий писк. Его шерсть встала дыбом, а глаза расширились от страха. Меня словно ударило током — я не мог узнать такой рык! А значит и уровень угрозы!

И пока было время, что есть мочи рванул к границе, не оглядываясь. За спиной шум нарастал — что-то определённо нас преследовало. Тяжёлые шаги, сопение, рычание...

Граница! Я перемахнул через незримую черту и бежал со всей дури минут пять, пока не убедился, что за нами не гонятся. Упал на землю в безопасной зоне, тяжело дыша. Красавчик спрыгнул с плеча и забился в кусты.

Тишина. Что бы там ни было, оно не решилось покинуть свою территорию. Но в воздухе ещё долго висел запах хищника — мускусный, острый, опасный.

— Фух, — выдохнул я, поднимаясь с земли. — Пронесло. Ты чего там в штаны напрудил что ли?

Красавчик осторожно выглянул из кустов и убедился, что опасность миновала. Он подбежал ко мне и уткнулся мордочкой в руку — искал утешения.

— Всё хорошо, дружок, — взял его тельце в руку и посадил обратно.

Следом достал мешочек с лунным пыреем. Серебристые травинки продолжали слабо светиться даже в безопасной зоне. Они были красивыми и, что важнее, очень ценными.

— Скоро передадим бабке, — сказал я, пряча мешочек за пазуху.

Возвращались мы уже в сумерках. Красавчик, оправившись от недавнего испуга, снова забрался на меня и довольно урчал.

Тропа домой была незнакомой — я ещё не ходил этим путём, но шёл в правильном к избе направлении — в этом был уверен.

Однако что-то насторожило.

Стало слишком тихо.

В прошлые разы лес звучал — птицы перекликались, белки шуршали в ветвях, где-то вдали попискивали мелкие зверьки. А сейчас... Резко наступила мёртвая тишина. Даже ветер не шелестел листвой.

Я замедлил шаг, настораживаясь. В тайге это означало одно — поблизости крупный хищник. Все мелкие обитатели леса либо попрятались, либо уже стали его добычей.

Красавчик тоже почувствовал неладное, его глаза беспокойно бегали по сторонам.

Рука сама потянулась к серпу на поясе. Я остановился, прислушиваясь к каждому звуку. Ничего. Даже собственное дыхание казалось оглушительно громким.

Быстро осмотрелся — все приметы были не те. Что-то не сходилось.

Птицы не замолчали резко, как бывает при приближении крупного хищника — они просто... не пели. Воздух был спокойным, без того напряжения, которое чувствуешь перед опасностью. Ветки не потрескивали под тяжёлыми лапами, листья не шуршали от осторожных движений.

Никаких опасных следов на мягкой почве — ни старых, ни свежих. Обычно хищники метят территорию, оставляют царапины на деревьях, но здесь ничего такого не было. Даже помёта по пути не видел, а те же волки всегда оставляют следы жизнедеятельности на своих тропах.

Запах тоже был неправильным. Не чувствовалось того мускусного, едкого духа, который идёт от логова хищников. Только обычные лесные ароматы.

В тайге, если хищник рядом, всегда есть приметы. Мелкие зверьки ведут себя беспокойно, меняют привычные тропы. Но горностаи в этих местах спокойно охотились, следы зайцев были везде — значит, крупных хищников поблизости быть не должно.

Может, зря паникую? В этом мире магия меняла всё, возможно, и приметы работали по-другому. Тишина могла означать что угодно — магическую аномалию, скопление каких-то мирных, но пугливых существ...

Но тогда откуда это чувство опасности, которое не обманывало меня никогда?

Я чуть напрягся и сделал шаг назад, решив не рисковать.

Обойду.

— Гр-р-р-р-р.

Чёрт!

Из-за густого кустарника справа, метрах в двадцати, выступила тёмная тень. Затем ещё одна. И третья.

Волки.

Но не обычные и даже не те Звёздные Волки, которых я видел. Эти твари ещё опаснее, нутром чую.

Каждый ростом с крупного мастифа, но гораздо более поджарый и мускулистый. Шерсть тёмно-серая, почти чёрная, с проплешинами и шрамами. Морды вытянутые, с огромными клыками, выступающими из приоткрытых пастей. А глаза... Жёлтые, горящие злобой и голодом.

Их пасти...

Они были в крови. В свежей крови.

Серый волк. Альфа. Уровень 5. Эволюционный ранг G.

Серый волк. Уровень 4. Эволюционный ранг G.

Серый волк. Уровень 2. Эволюционный ранг G.

Волки медленно расходились в стороны, окружая меня. Движения у них были плавными, отработанными — настоящие хищники с опытом охоты.

Альфа-самец, самый крупный, остался прямо передо мной. Он не рычал, не показывал агрессию — просто стоял и смотрел жёлтыми глазами. Изучал добычу, оценивал, планировал атаку.

Красавчик дрожал у меня на плече, но не убегал. Верный зверёк.

— Так малец, — тихо прошептал я, медленно кладя руку на серп. — Готовься создать иллюзию, на всякий случай.

Я попытался просчитать варианты. Драться в лоб? Самоубийство. Волки сильнее, быстрее, и их больше. Попытаться убежать? Так они меня догонят. А если? Татуировки обдало жаром, но Альфа рыкнул, мотнув головой, и незримая нить силы Зверолова исчезла за мгновение.

Никакого эффекта.

Спина вмиг похолодела. Я не видел дельных вариантов, таких, чтобы наверняка.

Альфа сделал шаг вперёд, и его губы приподнялись, обнажая внушительные клыки. В пасти блеснула слюна, смешанная с кровью последней жертвы.

Я сжал в руке серп.

Это ещё что?

Из-за деревьев слева донёсся тихий рык — четвёртый волк? Нет, звук был другим, более глубоким, угрожающим. Да и не рычат они так.

Все три хищника тут же настороженно обернулись в ту сторону. Альфа даже оскалился, отвлекшись от меня.

Что-то ещё, более опасное, чем стая волков, приближалось к нам.

Вот же чёрт!

Я попал не просто в засаду.

Я попал в настоящую мясорубку!

Глава 20

— RRRRRRRPAU!

Из-за деревьев слева с невероятной скоростью вылетела огромная тень и с глухим ударом врезалась в ближайшего к ней волка. Зверь взвыл и покатился по земле, оставляя за собой кровавую дорожку.

Кошка!

Та самая, которая таинственно исчезла из мастерской!

Полосатый ядозуб. Уровень 9. Эволюционный ранг G.

Чёрт возьми! А ведь она гораздо превышает по силе этих волков!

И это была продуманная, хладнокровная атака.

Кошка встала между мной и волчьей стаей, выгнув спину дугой. Её жёлтые глаза пылали яростью. Хвост хлестал воздух, а из горла вырывалось такое рычание, что у меня мурашки по коже побежали.

И она защищала именно меня.

Не было никаких сомнений — каждое её движение было направлено на мою защиту.

Блин, а ведь я её даже не заметил! Опытный егеръ и не почувствовал, что за мной следят?! Эта зверюга шла за мной бесшумно, как тень, на протяжении всей дороги домой? Или только появилась? Нет, невозможно, чтобы я не увидел или не почуял её. Как и этих волков. И только сейчас я увидел, что волки не оставляют следов на земле. Теперь всё стало ясно. Да в этом магическом мире почти всё работает не так!

Альфа-самец отскочил назад, оскалившись. Его жёлтые глаза горели яростью, а из пасти капала слюна, смешанная с кровью последней добычи.

Два других волка начали расходиться по сторонам, пытаясь взять кошку в кольцо. Движения их были отработанными, профессиональными — стайные хищники знали своё дело. Но кошка не дала им времени на манёвр.

Она словно почувствовала их намерения ещё до того, как волки начали двигаться. Её жёлтые глаза метнулись от одного противника к другому, оценивая угрозу. Хвост застыл неподвижно — признак полной концентрации.

Кошка бросилась вперёд с хищной грацией. Её движения были быстрыми, но опытный глаз привык к скорости хищников. Рыжая шерсть с белыми полосами мелькала между деревьями, когти, светящиеся зловещим зелёным светом, выпустились из подушечек лап.

Удар пришёлся точно по морде второго волка — четыре параллельные борозды, глубокие и ровные, как от ножа мясника.

Волк пронзительно завизжал и отпрыгнул назад, брызгая кровью. Алые капли разлетались веером, оставляя тёмные пятна на земле. Хищник мотнул головой, пытаясь стряхнуть кровь с морды, и его рычание стало более высоким, почти панически злобным.

Кошка уже разворачивалась к новой угрозе. Третий волк, воспользовавшись моментом, попытался атаковать сбоку — его массивное тело неслось по прямой, клыки нацелены на шею кошки.

Та уклонилась в последний миг, как делают все кошачьи — резко подалась в сторону, и волчьи клыки прошли мимо. Но она тут же контратаковала — развернулась и полоснула передней лапой по морде.

Зверь взвыл от боли.

Воздух наполнился запахом крови и ярости. От зелёных когтей кошки исходило слабое свечение, а её рычание звучало низко и угрожающе. Шерсть на загривке встала дыбом, хвост медленно покачивался из стороны в сторону.

Альфа-волк зарычал и бросился в атаку. Кошка встретила его прыжок, вскинувшись на задние лапы.

БАХ!

Два тела столкнулись с глухим ударом.

Зелёные когти оставляли кровавые борозды на волчьей шкуре, а его клыки скрежетали, пытаясь пробить густую шерсть противника. Кошка была проворнее — она извернулась, освобождаясь из захвата, и полоснула волка по горлу.

Не насмерть, но достаточно глубоко, чтобы тот отпрыгнул, обрызгивая землю кровью.

За эти несколько секунд двое волков уже были ранены. Но стоя не сдавалась.

Альфа отскочил назад, облизывая кровоточащую рану, и издал протяжный вой.

— АУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ.

Остальные члены стаи мгновенно ответили ему, и у меня волосы встали дыбом.

Их тела начали меняться.

Мышцы набухали, словно их накачивали воздухом. Серая шерсть потемнела, стала почти чёрной, а размеры увеличились процентов на двадцать. Клыки выросли ещё больше, превратившись чуть ли не в настоящие сабли, а глаза засветились не жёлтым, а багровым светом.

Кошка зашипела, поняв, что расклад кардинально изменился. Теперь каждый из волков был более серьёзной угрозой, а их объединённая сила могла разорвать даже её на куски.

Красавчик спрыгнул с моего плеча и забился под корни ближайшего дерева. Умный зверёк понимал, что в такой схватке от него толку никакого, только мешать будет.

А я уже ни секунды не медлил. Убьют кошку — и мне не уйти.

Рванул серп с пояса и бросился вперёд, прямо к ближайшему волку — тому, что был справа от альфы, в отдалении от остальных. Ноги сами несли меня по влажной траве, мышцы напряглись пружинами. В голове не было ни страха, ни паники. Только холодный расчёт — в схватке со зверем промедление смерти подобно.

Время словно замедлилось. Я видел каждую деталь — как листья дрожат от выдоха зверя, как блестит слюна на его клыках, как напряжены мышцы под серой шкурой. Воздух пах железом.

Зверь думает инстинктами, а я должен головой.

Волк развернулся ко мне, оскалив клыки, но я уже видел слабости. Увеличение размеров дало ему силу, но отняло часть скорости. Центр тяжести сместился, движения стали менее точными. К тому же, раздувшиеся мышцы создавали больше мёртвых зон — участков, которые зверь не мог защитить быстро. Я видел, как его задние лапы слегка расставлены шире обычного, как тяжелоовато разворачивается массивная голова.

Бить в горло бесполезно — слишком хорошо защищено, и серп короткий. Но сбоку, под передней лапой, там, где рёбра расходятся — вот уязвимое место. Нужно зайти справа, использовать его медлительность при развороте.

Серп в моей руке казался игрушечным против такого противника, но металл был крепким. Лезвие, которое я наточил, блеснуло в свете солнца.

Я резко сместился вправо, почти к самому краю его поля зрения. Волк попытался развернуться, но массивные плечи не давали ему повернуть голову так быстро, как хотелось. Ещё шаг — и я оказался в его мёртвой зоне.

Сейчас!

Хищник понял опасность и начал разворачиваться всем телом, но я уже был готов. Серп пошёл снизу вверх, целясь под переднюю лапу.

Я успевал воспользоваться преимуществом.

Так я думал, но...

НАСТОЛЬКО быстро? Невероятная скорость для волка! Вовсе не та, которую ожидал!

Хищник рванулся ко мне в прыжке.

Я едва ли ушёл влево, почувствовал, как горячий воздух от его пасти обжёт мне щёку и одновременно полоснул серпом по передней лапе. Лезвие вошло неглубоко, но волк взвыл так, что птицы с криком взмыли с ближайших деревьев, и споткнулся, промахнувшись мимо меня.

Кровь заструилась по серой шерсти. Запах металла усилился и смешался с кислым духом хищников.

Сердце колотилось в груди, как молотом по наковальне, отдаваясь пульсом в висках.

Адреналин обострил все чувства до предела — я слышал каждый звук: шуршание листьев под моими ногами, тяжёлое дыхание зверя, собственный учащённый пульс в ушах.

Видел каждое движение: как сокращались мышцы на загривке волка, как блестела влага в его ноздрях, как мелкие капли крови падали с раненой лапы на землю.

Но разум оставался ясным.

Пока волк пытался развернуться, отряхивая раненую лапу и рыча от боли, я выхватил «моргенштерн», перехватывая удобнее.

Зверь снова бросился на меня, но теперь он был осторожнее — припадал на переднюю лапу, рана мешала. В его глазах я увидел почти человеческую хитрость. Он учился. Понял, что просто так меня не взять.

Я выставил моргенштерн, а в последний момент отступил влево и нанёс удар сбоку. Гвозди вонзились в рёбра хищника с мокрым хлопом, и тот завизжал. Звук был настолько пронзительным, что заложило уши.

Тёплая кровь брызнула на землю. Зверь отскочил, оставляя на моргенштерне клочья шерсти.

А кошка уворачивалась от атак с фантастической скоростью — казалось, находится в нескольких местах одновременно. Взмывала в воздух, изгибалась дугой над клыками, стелилась по земле, проскальзывая между лап. Зелёные когти оставляли светящиеся раны, каждый укус заставлял волков отшатываться.

Из ран моего волка, отскочившего назад, сочилась кровь. Боль не сломила — лишь разозлила ещё больше. Он начал кружить вокруг меня, прихрамывая, но не теряя осторожности.

Я следил за каждым движением, держа моргенштерн двумя руками. Оружие тяжело, руки уставали, но расслабляться нельзя. Постоянно поворачивался, не давая зайти за спину. Ноги расставил, дыхание контролировал, несмотря на бешено колотящееся сердце.

Земля под ногами была влажной, скользкой от листьев. Один неловкий шаг — и окажусь под клыками.

Альфа-самец обходил нашу потасовку стороной, лишь косясь жёлтым глазом. Он сосредоточился на кошке.

На боку ядозуба уже красовались глубокие царапины, из которых сочилась кровь.

И мой противник решил...

С рыком кинулся на меня всей массой.

Но теперь я ждал этого момента.

Перехватил моргенштерн ближе к набитому концу и ударил снизу вверх, под челюсть. Вложил всю силу. Острые концы вонзились в мягкие ткани с хлопом, волк громко завыл.

Солёная и горячая кровь хлестнула в лицо. Часть попала в рот, и я сплюнул, морщась от металлического привкуса.

Зверь отшатнулся, из пасти хлестала кровь, но в глазах горела неугасимая ярость. Боль вновь только разъярила его.

Будь мы с ним один на один — я бы попытался отступить и не провоцировал его после ранения, сохраняя визуальный контакт, но не в этот раз.

Я уже был готов к следующему рывку твари как вдруг...

Какого?..

Вместо прямой атаки хищник внезапно рванул влево, описал широкую дугу и исчез из поля зрения.

Пока я отслеживал его маневр, зверь использовал мою инерцию поворота против меня самого. Он развил максимальную скорость на дуге, молниеносно сменил направление и бросился мне под ноги сбоку — точно в слепую зону, куда я уже не мог среагировать.

Удар пришёлся в колени с такой силой, что я потерял равновесие. Волк не пытался меня укусить — он действовал как опытный боец и сначала лишил противника устойчивости. Я рухнул на спину, а тяжеленная туша тут же навалилась сверху, прижимая к земле всем весом.

Я едва успел! Перехватил палку двумя руками и сунул ему в пасть, пытаясь удержать её подальше.

Клыки щёлкнули в дюйме от моего лица.

Горячее дыхание обжигало щёки, слюна капала на лицо. Сил хватало едва-едва — ещё секунду и мне конец.

— Гр-р-р-р, — зверь давил всем весом, медленно приближая клыки к моему горлу. Палка трещала.

Ещё немного — и всё.

— АААААААААААААААААА! — закричал я, помогая себе криком, отказываясь сдаваться.

ХРУСТ!

Моя палка треснула.

И тут раздался дикий рёв.

— РРРРАУ!

Кошка прыгнула на волка сверху, как молния, вонзила все четыре лапы в его спину. Зелёные когти прошли шкуру насквозь. Волк взвыл и отвалился, корчась от боли. Я перекатился в сторону, хватая ртом воздух.

Кошка спрыгнула и встала рядом со мной, оцетинившись.

Раненый волк попытался подняться, но его лапы подкосились. На этот раз яд делал своё дело — зверь хрипел, пытаясь отдышаться, его движения становились всё медленнее.

В этот момент ядозуб прыгнул на Альфу — их тела вновь ударились друг об друга и покатались по земле. А уже через секунду кошка вновь сошлась в битве сразу с двумя волками.

Я попытался отступить, но споткнулся о выступающий корень и упал на спину. Руки дрожали от усталости и адреналина, в лёгких не хватало воздуха!

Волк мгновенно почувствовал мою слабость — беззащитная добыча. Он напрягся для финального прыжка, его окровавленная морда исказилась в подобии хищной ухмылки.

И тут из кустов стрелой выскочил маленький белый комочек.

Горноста́й с воинственным писком вцепился зверю прямо в морду, крошечные зубки впились в чёрную кожу носа. Волк взвыл от неожиданности и боли, замотал головой, пытаясь стряхнуть назойливого противника.

— НЕТ! — крикнул я, перекатываясь влево и хватая удавку на длинной палке. — КРАСАВЧИК!

Клыки сомкнулись с хрустом.

Сердце пропустило удар. Время замедлилось. В груди разлилась такая боль, что на секунду мир потемнел. Маленький зверёк, который доверился мне...

Но через мгновение тушка горноста́я начала мерцать и рассыпалась искрящейся пылью. Иллюзия. Это была чёртова иллюзия!

Волк кинулся на меня с оскаленной клыкастой пастью, но я сделал выпад — и петля затянулась на его шее как раз в тот момент, когда он завис в прыжке.

Зверь рухнул на землю, лапы забарабанили по траве. Дергаясь и пытаясь освободиться, он только сильнее затягивал верёвку. Я навалился всем весом на противоположный конец палки, чувствуя, как мышцы напряглись до предела.

Зверь хрипел и дёргался всё слабее, помогая мне своими же попытками вырваться.

Наконец, движения прекратились. Из раскрытой пасти вывалился распухший язык.

Убит Серый Волк. Уровень 4 — G.

Получено опыта: 12.

Я отпустил палку и схватился за серп. Руки тряслись, дыхание перехватывало. Впервые в жизни убил волка голыми руками. Точнее, удавкой, да и он, в основном, сам себя задушил, но всё равно.

Но звуки схватки стихли и слева. Обернулся и увидел, как кошка стоит над телом второго волка. Её зелёные когти ещё дымились от яда, а из пасти капала кровь. Хищник под ней не дышал — горло было разорвано практически пополам, а вокруг раны кожа почернела от действия яда.

Но Альфа не погиб. Он попытался отступить, поняв, что стая разбита. Развернулся и рванул прочь между деревьями, хромя на переднюю лапу.

В его движениях — только животный страх и инстинкт выживания. Раненый зверь понимает: в одиночку он больше не охотник, а потенциальная добыча.

Кошка даже не дала ему сделать и десяти шагов.

Несмотря на кровоточащие раны на боку, она рванулась следом. Её прыжок был невероятно грациозным — прямо на спину отступающего хищника. Они покатались по земле в клубке рычащих тел.

Схватка была короткой и жестокой. Кошка перегрызла альфе горло одним точным укусом, впрыснув смертельную дозу яда прямо в сонную артерию. Волк дёрнулся несколько раз и замер.

— Твою-то мать, — невольно вырвалось у меня. Руки дрожали от перенапряжения, а сердце ходило ходуном.

Тишина.

Только тяжёлое дыхание кошки и мой собственный частый пульс нарушали лесную тишину. Где-то вдали осторожно защебетала птица.

Я с трудом делаю несколько шагов, чувствуя, как болит каждая мышца.

Кошка медленно идёт ко мне, сильно прихрамывая. На её левом боку зияет глубокая рваная рана, из которой сочится тёмная кровь. Ещё одна царапина тянется от плеча до локтя передней лапы.

Я замираю, а она скалится и рычит.

Её тело напрягается, уши прижимаются к голове — дурной знак.

Мой лоб мгновенно покрывается испариной, а сердце стучит с бешеной скоростью.

Ведь эта агрессивная зверюга не мой питомец. Она — дикий хищник Раскола.

Я замер, не делая резких движений. С раненым зверем нужно быть особенно осторожным. Боль делает их непредсказуемыми, а эта громадина только что разорвала троих волков. Один неверный жест — и лягу рядом с ними. Но она спасла меня, а значит сейчас относительно безопасно помочь ей. Долг платежом красен.

— Тихо, тихо, — прошептал я низким, успокаивающим голосом, каким дед разговаривал с подранками. — Понимаю, болит, девочка. Сейчас что-то придумаем.

Кошка наклонила голову набок, изучая меня. В её взгляде читалась настороженность. Она меня не боялась — это просто невозможно. Но и доверия пока тоже не было.

Я медленно присел на корточки, чтобы не выглядеть угрожающе. Протянул руку ладонью вверх, не делая попыток дотронуться. Просто показал, что намерения мирные.

— Знаешь, что? Ты спасла мне жизнь, — сказал тихо, глядя ей в глаза. — А я теперь помогу с ранами. По-честному, да?

Кошка фыркнула, но не отстранилась. Её уши дёрнулись — видимо, мой тон ей понравился. Я видел, как она оценивает ситуацию, взвешивает риски. Умная зверюга, чересчур умная.

Очень медленно, сантиметр за сантиметром, протянул руку к её голове. Она напряглась, готовая в любой момент отскочить, но позволила мне дотронуться до своей шерсти.

Мягкая, тёплая. Пульс под ней частый, но ровный. Хороший знак.

— Вот так, умница, — пробормотал я, осторожно почесав её за ухом. Кошка зажмурилась, но рыкнула. — Теперь дай посмотрю, что с тобой.

Рана на боку была глубокой, но не смертельной. Волчьи когти прошли через кожу и мышцы, но не задели внутренние органы. Кровотечение уже замедлялось — организм справлялся сам. Царапины были поверхностными, скорее болезненными, чем опасными.

Без лечения она выживет, но процесс затянется на недели. А в таком лесу раненый зверь — лёгкая добыча.

Нужно что-то делать.

Я активировал раздел «Медицина» в Зверином кодексе и ещё раз пробежался по разделу горностая. Данных о кошке, как и ожидалось, в «Кодексе» не существовало — видимо, нужно было её сначала приручить.

Система рекомендовала два растения: мякотник целебный — аналог подорожника с широкими мясистыми листьями, и кровник белоцветный — что-то похожее на тысячелистник с мелкими белыми соцветиями. Мы с Красавчиком собирали подобные растения во время похода за реагентами, но попадалось их совсем немного. Они действительно очень напоминали земные лекарственные травы.

Логика подсказывала, что основные принципы должны быть схожими.

— Красавчик! — позвал я горностая. Зверёк высунул мордочку из кустов, где прятался всё это время. — Иди сюда, вот и покажешь, что не зря столько тренировали твой навык!

Горностай неуверенно приблизился, поглядывая на кошку. Та проследила за его движением, но агрессии не проявила. Хороший знак.

Я достал из мешочка несколько листочков травы и показал Красавчику.

— Видишь? Вот такую надо найти, понюхай, — я поднёс лист к его носу. Горностай принялся и кивнул. — Молодец. А теперь ещё это, — достал кровник белоцветный. — Того и другого побольше принеси, понял?

Красавчик ещё раз обнюхал образцы, запоминая запах, и помчался в лес. Его белая шерсть мелькнула между деревьями и исчезла.

Кошка недовольно рыкнула.

— Потерпи, малышка, понимаю, — умиротворяющим тоном отреагировал я.

Теперь нужно было доставить её в безопасное место. Тащить на руках через весь лес? Глупо, она слишком тяжёлая, да и не даст себя нести.

Я осмотрелся и нашёл то, что искал. Два крепких прута, почти одинаковой длины. Верёвка у меня была — та самая, что от удавки. Быстро распустил её, получив достаточно материала для работы.

Дедовы уроки пригодились и здесь. Он учил меня делать волокуши для вытаскивания крупной дичи из леса. Принцип тот же — два бруса, связанных поперечными планками. Только тут вместо планок я использовал верёвку, натянув её между прутьями как сетку.

— Тебе придётся полежать, подруга, — сказал я кошке, показывая на импровизированные носилки. — Понимаю, не очень удобно, но по-другому никак.

Кошка настороженно обнюхала конструкцию.

Вот же чёрт, тяжёлая же — не подниму.

— Так, девочка, — я встал и на секунду замер. Когда удостоверился, что поведение хищника не изменилось, указал на носилки:

— Ложись сюда. Ты же умная, да?

Мои татуировки обдало жаром. Я чувствовал это внутри собственного тела — этот посыл, который вложил в свою фразу. Она несколько секунд смотрела на меня, а затем встала, зарычала от боли, но не царапнула, не укусила — улеглась на носилки.

— Всё, умница. Потерпи немного, скоро будет легче, — я взялся за концы прутьев и потащил ядозуба между деревьев.

Постоянно приходилось обходить препятствия, поднимать и опускать носилки через поваленные стволы, пробираться сквозь кустарники. Рубашка быстро пропиталась потом, а руки начали болеть от постоянного напряжения.

Вскоре добрался к поляне без происшествий и аккуратно затащил кошку в здание тренировочного полигона.

Получено опыта: 1.

Получен 4 уровень.

Получено опыта: 1.

Горностаи собирали реагенты, передавая мне опыт. Вернулся он довольно быстро, таща пучок трав. В одной лапке он держал широкие мясистые листья, в другой — веточки с мелкими белыми цветочками.

Кошка следила за нами внимательным взглядом. Её дыхание стало чуть спокойнее — видимо, боль понемногу утихала, но раны всё ещё кровоточили.

— Полежи здесь, ладно? — уважительно сказал я. И вновь татуировки полыхнули, а ядозуб чуть склонила голову, будто улавливала мои слова. Красавчик запрыгнул мне на плечо, и мы оставили её одну.

В избе быстро нашёл то, что искал — глиняную ступку на одной из полок. Старая, потрескавшаяся, но рабочая. Налил в неё воды из умывальника и начал растирать травы.

Мясистые листья под пестиком быстро превратились в зелёную кашицу, выделяя густой сок. Точно как подорожник — та же вязкая текстура, тот же слегка горьковатый запах. Добавил белые цветочки кровника и продолжил растирать. Смесь стала гуще, приобрела вяжущие свойства.

Уже через минуту мы были возле кошки.

— Ну что, подруга. Будет щипать, но потерпи. Надеюсь поможет, не навредит — точно. Присел на корточки рядом с хищницей. Она напряглась, но не отстранилась.

Осторожно зачерпнул пальцами зелёную кашицу и начал наносить на самую глубокую рану на боку. Кошка зашипела и слегка рыкнула. Я едва ли не дёрнулся, сердце будто норовило вырваться из груди, но устоял. Просто продолжал говорить тем же низким, успокаивающим тоном, каким нужно умирять раненых животных.

— Тише, тише... Знаю, больно. Но по-другому нельзя. Ещё немного потерпи...

Трава действительно щипала — видел, как зверь морщится от неприятных ощущений. Но постепенно кровотечение стало замедляться ещё сильнее. Вяжущие вещества работали, затягивая края раны.

Обработал и царапины по всему телу. Кошка уже почти не сопротивлялась, только тихо рычала — то ли от боли, то ли от ситуации. Сложно было понять.

Отступил на шаг, разглядывая свою работу. Зелёная каша подсохла на ранах, образуя что-то вроде природной повязки. Дыхание кошки стало ровнее.

— Вроде неплохо, — пробормотал себе под нос. — Всё же сработало? В принципе, почему нет, ведь физических повреждения у зверей одинаковые. Хорошо, что у волков не было чего-то вроде яда.

А вот что делать теперь, а?

Кошка была дикой. Хищной. Только что разорвала волков в кровавой схватке. И хоть она меня защищала, это не означало, что теперь мы друзья. Дикие звери непредсказуемы, особенно когда ранены и напуганы.

Через несколько часов лекарство подействует, боль утихнет, и тогда... А тогда на моей территории окажется здоровый, сильный хищник, который может в любой момент решить, что человек ему больше не нужен.

Нет, так рисковать нельзя.

— Прости, подруга, — сказал я кошке, глядя ей в глаза. — Но придётся тебя на время изолировать. Для моей же безопасности.

Вдоль стен полигона располагались клетки всех размеров.

Осмотрел их внимательно — некоторые нуждались в ремонте. Но в дальнем углу нашёл то, что искал: просторная клетка с толстыми металлическими прутьями. Достаточно большая, чтобы кошка могла свободно лечь и встать, но надёжная, чтобы удержать хищника её размера.

Проверил каждый прут, каждое соединение. Металл был холодным под пальцами, кое-где покрытым ржавчиной, но основа держалась крепко. Засов поскрипел, но работал исправно. Кошка крупная и сильная — если решит вырваться, слабая клетка её не удержит.

Почистил клетку, смёл мусор и паутину. Поставил рядом миску с речной водой.

Так же не забыл и о рыбе — раненому зверю нужна сила для восстановления, а голод может сделать его ещё более опасным. Ей бы мяса.

Чёрт, силки не проверил! Если поймал птицу, она уже могла умереть от удушения, но не до этого.

Теперь самое сложное — переместить кошку в клетку так, чтобы она не поцарапала меня в приступе паники или боли.

Она лежала на носилках, тяжело дыша. Её жёлтые глаза следили за каждым моим движением, уши прижались к голове — явный признак настороженности. Мышцы под полосатой шерстью напряглись, готовые к отпору. Она чужала подвох, понимала, что сейчас произойдёт что-то, что ей может не понравиться.

— Ну давай, красавица, — прошептал я тем же низким, успокаивающим тоном. — Без резких движений. Я тебе не враг, ты же знаешь.

Но как только протянул руки к кошке, она тут же напряглась и глухо зарычала. Желтые глаза сузились до щелок, а мышцы под полосатой шкурой собрались в тугие узлы. Сомнений не было — она не согласилась.

— У-у-у-ух какая, — пробормотал я, медленно отводя руки. — Не хочешь в клетку, значит... Гордая?

Кошка проследила за моими движениями, не расслабляясь ни на секунду. Когда я отступил на пару шагов, она осторожно приподнялась на передних лапах, проверяя свои силы. Задние подогнула под себя, готовясь к отпору или бегству.

Взгляд её упал на миску с рыбой рядом с клеткой. Принюхалась, и я заметил, как слегка дрогнули её ноздри. Голод брал своё — она была ранена, ослаблена, а запах свежей пищи явно будоражил инстинкты.

Медленно, не сводя с меня настороженного взгляда, она поползла к миске. Движения были осторожными, но полными достоинства — даже раненая она не желала показывать слабость.

Схватила первую рыбину и жадно проглотила. Потом вторую. Третью. Я стоял неподвижно, наблюдая за этим зрелищем. Она ела торопливо, но аккуратно, время от времени поглядывая на меня — проверяла, не попытаюсь ли воспользоваться её уязвимостью.

Покончив с рыбой, кошка начала лакать воду. Осторожно, небольшими глотками, но долго.

Утолив жажду, она огляделась по сторонам, оценивая пространство. Взгляд её задержался на открытой клетке, потом скользнул по мне, и я ясно прочитал в этих жёлтых глазах: «Ты что, серьёзно думал, что я туда полезу?»

— Значит гордая, да? — я нахмурился и отошёл ко входу в полигон. — Попробуем так. Залазь!

Татуировки засветились ярче, тонкая нить протянулась к зверю, но...

— RRRPPPAU!

Она яростно рыкнула, и я уже собрался захлопнуть дверь, но кошка осталась на месте. Внутри кольнула досада — я всё ещё был не в состоянии стать её владельцем.

Хищница неспешно доползла до кучи старой соломы в углу тренировочного полигона. Устроилась там, аккуратно поджав лапы, и смотрела на меня с видом самодовольной королевы, которая выбрала себе трон по собственному желанию.

Я невольно усмехнулся. Что ж, барышня, характер у тебя железный. Даже в таком состоянии ты не желаешь идти на компромиссы.

— Ладно, — сказал вслух, и она наострила уши, прислушиваясь к интонации. — Твоя взяла. Место себе выбрала сама, уважаю это. Пока не приручил. А там заговорим по-другому.

Кошка чуть наклонила голову, будто оценивая мои слова.

Я присел на корточки, держась на безопасном расстоянии, но демонстрируя, что не собираюсь принуждать её к чему-либо.

— Знаешь что, девочка, — сказал я тихо, — ты мне нравишься. Характер у тебя стоящий, настоящий.

Кошка внимательно слушала, и я поклялся бы, что в её глазах мелькнуло нечто похожее на одобрение. Может, и правда понимает больше, чем кажется.

— Лежи где хочешь, — добавил я, поднимаясь. — Но учти — если начнёшь что-то вытворять... В общем, не нужно.

Она зевнула, показав впечатляющие клыки, потом положила голову на лапы и прикрыла глаза.

Ну что ж. Посмотрим, как это всё обернётся. Одно точно — скучно с этой кошкой не будет.

— Отдыхай, — сказал я, закрывая дверь полигона на засов. — Завтра будет лучше.

Глупо было бы настаивать, чтобы она залезла в клетку. Что от этого толку, если она просто разорвёт мою тушку? Учитывая, что она сделала с Барутом... Нет, это тебе не Красавчик — это настоящий гордый и сильный хищник и подход нужен особый — уважительный. Всему своё время.

— Э-э-эх, — вздохнул я и почесал горностая, сидящего на плече, за ухом. — Не получится её сейчас приручить, братец.

Красавчик лишь проорчал что-то от удовольствия. Ладно, утро вечера мудренее.

Я тоже чувствовал себя выжатым как лимон. Схватка с волками, перетаскивание раненой кошки, возня с лечением — всё это отняло последние силы, какие к чёрту силки. К тому же начинало темнеть. Будем надеяться, что повезёт хоть там, и добыча придёт к водоёму с утра.

Решил приготовить скромный ужин, затопил печь и обжарил остатки рыбы на чугунной сковороде. Красавчику досталась ещё одна особенная порция со звёздным шиповником, которую он с удовольствием умял.

Затем я вымыл посуду, проверил, что кошка спит и решил лечь спать. Да, у меня появились новые очки для распределения, но спешки с этим нет. Всё потом — сейчас просто устал. Правда, горностаю отчаянно просился в лес, и я дал добро. Сейчас его время — он обожает ночь.

За окном лес погружался в ночную тишину, а в избе царил странный покой.

Уснул я за несколько секунд.

Утром меня разбудил какой-то непонятный шорох, а затем послышался едва слышный шёпот:

— Может сначала осмотрим здесь всё?

— Может парень и сдох в лесах, эго у него огромное, думает, что Зверолов хороший...

Я мгновенно подорвался и рывком сел на кровати. Голос Ефима!

Чёрт возьми! А кошка-то!

Быстро накинул рубаху и выглянул в окно. На поляне перед избой стояли двое мужчин. Ефим, опирающийся на свою резную трость, и рядом с ним незнакомец — мужчина средних лет в добротной одежде из качественной ткани. На поясе — клинок в богато украшенных ножнах. И главное — на его предплечьях горели красные татуировки Зверолова.

Григорий. Второй по влиянию приручитель деревни и явно богатый.

Если они войдут в полигон и увидят зверя... Обвинят в незаконном приручении? Или ещё хуже — скажут, что я украл чужого питомца? Законы могут быть суровы.

Я выскочил из избы, стараясь выглядеть буднично.

— Доброе утро, — сказал, протирая глаза и зевая для убедительности. — Чего надо?

Ефим стоял, широко расставив ноги, опершись рукой на рукоять трости. Его лицо было каменным, а глаза сузились до щёлочек.

— Чего надо? Так ты теперь говоришь со старостой? Ну что ж, Максим, — произнёс он медленно, смакуя каждое слово. — Тогда поговорим начистоту.

Глава 21

Григорий вперил в меня внимательный взгляд и кивнул Ефиму.

— Давно тут не был, — произнёс он низким голосом, оглядывая полигон и избу. — Очень давно. Всё дела да дела.

Его глаза скользнули по хозяйственным постройкам с профессиональным интересом, и я заметил, как он оценивающе покачал головой.

— Вот-вот, кто бы мог подумать... — кивнул староста, постукивая тростью о землю. — Ладно, это чуть позже обсудим с глазу на глаз.

Он повернулся ко мне, и на лице его расцвела всё та же приторная улыбка.

— А теперь к тебе, парень, — Ефим протянул мне кожаную сумку и небольшой мешочек. — Принёс кое-что полезное, как обещал. Это для сбора трав — крепкая, добротная, с отделениями. А тут вот провизия, Ольга передала — хлеб, сало, немного соли, картошка. Думаю, пригодится тебе в твоём... новом положении. Просила сказать, что вечером с Ирмой придёт. Они в первый же день порывались, но сам понимаешь, им нужно было чуть отдохнуть от твоей хвори. Приходится останавливать.

Я лишь нахмурился и взял сумку. Глупая инфантильная гордость сейчас ни к чему, вещь и вправду хороша. Вот только чего он её мне подарил?

— Откуда такая щедрость вдруг? — спросил настороженно.

— Да что ты! — Ефим всплеснул руками, изображая искреннее участие. — Вообще-то, можно сказать «спасибо», но куда уж, внуку-то Ирмы? Всё понимаю, ты злишься, ты же изгнанник теперь, мальчик, но я прощаю тебя. И совсем без помощи не оставлю. Пусть деревня и боится твоей хвори, но я-то знаю — ты не по своей воле болел. Выживать в лесу трудно, особенно неопытному.

Выживать? Не ты ли только что надеялся, что я кони двинул, старик?

Что-то тут не так. Ефим не тот человек, который вдруг вспылал ко мне тёплыми чувствами. Особенно после того, как сам же и изгнал.

Хотя...

По большому счёту старик ведь считает, что перед ним семнадцатилетний пацан без какого-либо опыта, но с силой Зверолова. Пацан, который два года был не у дел. Да он просто пытается манипулировать, давить, пробует разные варианты. Ну пробуй, мне-то что.

Я не ответил и начал изучать отсеки сумки в поисках чего-то подозрительно. Нет, всё в порядке, обычная сумка.

— Но, — голос старосты вдруг стал жёстче, а улыбка померкла, — пришли мы не только с подарком. Есть серьёзный разговор.

Вот оно. Я мысленно усмехнулся.

— Моя внучка Виола рассказала мне кое-что интересное, — продолжил Ефим, прищурившись. — Говорит, видела у тебя в лесу горностая. Прирученного горностая.

Я заставил себя сохранять спокойствие. Всё-таки эта пигалица сдала меня, что неудивительно. Потому что ножки не помассировал? Или дед надавил? Хорошо, что это уже не важно, нужное время я себе выиграл.

— Даже если предположить, что это так. И что с того, Ефим? — ответил как можно равнодушнее.

— Как что? — он стукнул тростью о землю. — Приручение без официального разрешения строго запрещено! Ты нарушил закон, Максим. Серьёзно нарушил. И придётся отвести тебя к барону в город, а там уж как он решит...

Григорий молча стоял рядом, скрестив руки на груди, но его внимательный взгляд не упускал ни одной детали:

— Я здесь как свидетель, если ты нарушил запрет.

— Нарушил? — я нахмурился, изображая искреннее недоумение. — Это её слова против моих. Мы с ней не особо поладили, знаете ли. Нет у меня зверя.

— Мне её слов достаточно, — отрезал Ефим. — Виола не лгунья.

Я мысленно выругался. Девчонка показала себя во всей красе.

Что ж, придётся стоять на своём до конца.

Ефим выпрямился, его глаза сузились, а трость застучала по земле в медленном, угрожающем ритме.

— Послушай, — голос старосты стал мягче, но я чувствовал в нём холодную сталь. — Давай без игр. Она описала мне и зверя, и твои действия в подробностях. Ты поймал его в ловушку, в ту самую, которую я видел. Думаешь, она всё это выдумала? Просто признайся и мы смягчим наказание. Так будет лучше, поверь.

Ха, да что ты можешь, старый змей, без доказательств. Пытаешься выбить из мелкого парнишки признание? Думаешь, что он задрожит от страха?

Я заставил себя пожать плечами с равнодушным видом, хотя внутри всё кипело от раздражения. В рожу бы тебе плюнуть. Но рано ещё открывать все карты, рано, ждать надо! Проклятая девчонка.

— Я уже всё сказал. Наврала твоя внучка, — ответил твёрдо, без проблем выдерживая его взгляд.

Ефим помолчал, словно собираясь с мыслями, а затем поджал губы и покачал головой. Его трость нервно постукивала по земле, отбивая неровный ритм.

— Точно, как отец, уже и на «ты» со мной, — проговорил с горечью, и в его голосе послышались нотки старой боли. — Тот тоже был такой же амбициозный самоуверенный лжец. Всё говорил, что знает лес лучше всех, что может любого зверя взять. Хвастался перед всеми своими успехами, строил из себя великого Зверолова. А в итоге что? Погиб от собственной глупости и гордыни.

Я напрягся. Это уже не просто раздражение — что-то более личное? Ефим сжал рукоять трости так сильно, что костяшки его пальцев побелели.

— Расскажу я тебе, Максим, как он на тот свет отправился, — Ефим опёрся на трость обеими руками, его взгляд потемнел, устремившись куда-то в прошлое. — Может, поумнеешь тогда. Может, не повторишь его ошибок.

Григорий молча переступил с ноги на ногу, но продолжил внимательно слушать. В воздухе повисла тишина.

— Всё норовил на самую тяжелую охоту, — продолжил староста, его голос стал глуше. — Обычные звери ему не подходили, редких подавай. Всё мечтал о славе великого Зверолова. А в итоге знаешь что? С ним я тогда был, проклятье. И он...

Старик замолчал, будто слова застряли в горле. Провёл рукой по лбу и тяжело вздохнул. Ну актёр.

— Попытался приручить медведицу Алой Кости, да не вышло. Она на него набросилась, а он в схватке её медвежат и убил. На границе зоны средней опасности и самого сурового леса, за которым до Хребта уж пару недель пути. И всё потому что приручить не вышло! Слишком слаб оказался для таких зверей. А вам-то уж неправду сказали, чтобы ситуацию сгладить, да чтоб Ольга не переживала. Мол, забрёл медведь в лес поближе к деревне и застал отца твоего врасплох.

Староста замолчал, и испытующе посмотрел на меня — его дыхание участилось.

— Ну и? — невольно вырвалось у меня.

— Вот-вот... — Ефим тяжело вздохнул, его голос дрожал от волнения. — Вышли они на нас, хоть и магические, медвежата-то, но безобидные они для опытных Звероловов. Повторю, он их попытался приручить! А силёнок не хватило, уровень силы не тот. Ну а потом...

Он помолчал, облизав пересохшие губы.

— Убил детёнышей в ярости схватки, пусть и случайно, но он был одержим идеей! Мамаша озверела, убила его зверя, а на отца твоего накинулась и изорвала когтями — потому что он, глупец, ещё раз попытался приручить уже её в момент нападения! Я еле успел отбиться своей лесной фурией и едва живого вытащил его из когтей. Хорошо, что получилось отступить! Тащил на себе, но до дома он не дотянул. Кровищи было...

Я хмурился и молчал, переваривая услышанное. Мой опыт подсказывал — что-то в этой истории категорически не складывалось. Слишком много нестыковок, слишком много странностей.

— Раненого отца утащил от медведицы, но не донёс до дома, так? — уточнил я, внимательно изучая лицо старосты.

— А как же, тащил пол дороги, — Ефим кивнул. — Тяжело было ему, кровь всю дорогу текла. Но не вышло...

Я нахмурился, мысленно прокручивая детали истории. Каждое слово анализировал, сопоставляя с тем, что знал о поведении диких зверей. Ну уж нет, этот пройдоха опять пытается меня провести. А учитывая, что я ему как кость в горле...

— И это твой разговор начистоту? Странно, — проговорил медленно, не сводя глаз с лица Ефима.

— Конечно, я пришёл рассказать тебе правду об отце! А что странно? — он насторожился, его трость замерла в воздухе.

Не такую правду я ожидал, ну да ладно — глупо было надеяться, что он сейчас возьмёт, и всё выложит. Так правду об отце, сумку передать, или найти доказательства нарушения закона? Да нет, ты просто пришёл удостовериться, что всё идёт по плану. Что ж, пожалуй, лучшего момента заставить тебя понервничать просто нет, старая змея.

— Медведица, у которой убили детёнышей, ведёт себя совсем не так, — объяснил я спокойно. — Она не остановится после одной стычки. Будет преследовать убийцу, пока не настигнет. И если она не знала наверняка, что отец мёртв, значит должна была прийти за ним. А возможно и за всей его семьёй.

Конечно, я бил наугад. Ведь после ситуации с волками не знал, каково истинное поведение магических зверей этого мира. Но не могло оно отличаться настолько! Нет, предположить я это могу, но пока не уверен в обратном — никогда не поверю в подобную чушь. Если медвежат убили на её глазах...

Лицо Ефима едва дрогнуло, но я заметил. Мышца на его щеке нервно дёрнулась.

— Что ты несёшь, мальчишка? — буркнул он, бросив взгляд на Григория.

— То и несу, что знаю, — ответил спокойно, чувствуя, как нарастает напряжение. — Медведица-мать — самый опасный противник в лесу. Если кто-то убил её детёнышей у неё на глазах и остался жив, она будет искать его по следу дни, недели, месяцы. У неё обоняние невероятное — она чует запах обидчика за километры. Будет выслеживать его двадцать, тридцать километров, пройдёт любые препятствия. Возможно даже придёт к дому, разнесёт всё вокруг, убьёт всех, кто носит похожий запах. Месть у неё в крови, этот инстинкт сильнее голода.

Знавал случаи, когда людям даже переезжать приходилось, от греха.

Я сделал паузу, наблюдая, как бледнеет лицо старосты.

— А наш дом цел, мама жива, я жив. А ведь у нас с отцом схожий запах, кровное родство — она могла бы и это учуять. И как так вышло, что не пришла мстить?

Да, случаи нападения на семью — достаточно редки, тут я слухавил. Но они были. Я знал несколько действительно страшных историй не понаслышке, от которых спину холодило. Бр-р-р, даже вспоминать не хочется.

Староста молчал, его пальцы крепче сжимали рукоять трости.

— Но самое главное... — продолжил я неумолимо. — Раненого отца тащил на себе, говоришь. А медведица что, просто отпустила? Они же не останавливаются... Особенно когда детёнышей убили — тут у них помешательство начинается. Шла бы по кровавому следу, по вашему запаху, пока не настигла бы. И не убила.

Григорий вдруг поднял брови, с нарастающим интересом глядя то на меня, то на старосту. Он хмыкнул.

— Охотникам бы навсегда из деревни уехать после такого, — продолжил я, вбивая последний гвоздь. — Как и сказал, семью убийцы будет искать, ведь такая опасность существует. Запах помнят годами. А мы остались спокойно жить. И ничего не случилось.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Даже ветер стих, словно сама природа прислушивалась к нашему разговору. Ну и что ты скажешь на это, староста? Хех.

Мне было выгодно приструнить старика. Чтобы почувствовал себя неуверенно, выбить почву из-под ног. Слишком уж он делает упор на то, чтобы я не был Звероловом.

Ефим побледнел, а его глаза сузились до щёлочек.

Маска спала.

Дыхание его стало прерывистым, трость в руках задрожала.

— Ты что, парень, моё слово под сомнение ставишь? — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Смеешь обвинять меня во лжи?

— Я просто говорю, как звери себя ведут на самом деле, — ответил невозмутимо. — А твоя история с естественным поведением медведицы никак не сходится.

И снова воцарилось тяжёлое, давящее молчание. Григорий смотрел на старосту с откровенным любопытством. Его брови взлетели, а уголки губ чуть приподнялись, словно он пытался сдержаться улыбку.

— Да что ты понимаешь в медведях, сопляк! — внезапно взорвался Ефим, его лицо покраснело от ярости. — Твой отец тоже много «понимал» в зверях, хвастался своими знаниями, и где он теперь? Может, хватит умничать если ничего не знаешь? Несуразный бред рассказываешь! Понахвтался каких-то сказочек!

Ефим внезапно рванулся ко мне. Его жилистые и цепкие руки схватили мои запястья с неожиданной силой.

— Вот, посмотри Григорий! — прохрипел он, его лицо исказилось. — Посмотри! Он проклят! Из него уже льётся речь человека с хворью Раскола!

Он выкрутил мои руки, выставя татуировки на всеобщее обозрение. Его пальцы впились в мою кожу так сильно, что я стиснул зубы.

— Эй! — рявкнул и что есть мочи попытался вырваться. — Какого чёрта?

Вот же! Что за сила, ухватился, будто стальными щипцами.

— Смотри, Григорий! — Ефим тряс моими руками, словно демонстрируя товар на базаре. — Видишь? Ты видишь?!

Я замер — а ведь староста уже посматривал на мои знаки когда-то. И что не так?

Григорий приблизился, его взгляд стал предельно внимательным.

Я тоже времени не терял и наконец-то смог детально рассмотреть метки обоих Звероловов. У Ефима татуировки были красными, как и у меня, но более простыми — прямые линии с редкими ответвлениями, без сложных переплетений. У Григория они оказались точь-в-точь такими же.

А мои... Мои были другими. Основа та же, но по краям вились тонкие спирали, почти незаметные глазу. Они переплетались между собой, образуя сложные узоры, похожие на живую вязь. Словно кто-то добавил к обычному рисунку ещё один слой — более сложный.

— Точно, как у отца, — прошептал Ефим. — Один в один. Проклятье Раскола!

— Да о чём речь? — спросил я, вырывая руки из его захвата.

Ефим поднял трость с земли, опёрся на неё и тяжело вздохнул. Вся его прежняя ярость словно выветрилась, оставив только усталость и какую-то горечь.

— Эх, вот есл... — начал староста медленно и вдруг резко осёкся, мотнув головой. — Уже неважно. Запомни, ты никогда не станешь Звероловом! Тебе нельзя, твой отец...

— Заигрался, — перебил Григорий и кивнул. — Решил, что может приручить медведицу Алой Кости в момент её наивысшей ярости. Зверолов нашей ступени даже не стал бы пытаться — смертный приговор. А он понадеялся...

Я нахмурился, переваривая информацию. Общая картина всё равно не складывалась. Опять за своё, про эту медведицу. Неужели реально думают, что я могу поверить им?

Ефим вдруг схватил меня за плечи, его глаза впелись в мои.

— Максим, мальчик мой, я не хочу, чтобы ты повторил судьбу отца, услышь меня! — в его голосе звучала искренняя тревога, но что-то в ней фальшивило. — Ты толкнёшь сам себя на безумные риски, переоценишь свои силы, как и отец! Подумай о матери.

И тут я мысленно хмыкнул. Ну кому ты это всё говоришь, старик? Бьёшь в одно и то же место, лишь подтверждая все мои подозрения.

— Получу разрешение и буду осторожным.

— Бесполезно, — отрезал Ефим. — Разрешения я не дам! Из лучших и благостных целей, мальчик!

Григорий молча кивал, подтверждая слова старосты.

— Я не могу позволить тебе начинать путь Зверолова в ближайшие годы, — продолжил старик. — Слишком опасно. И для тебя, и для деревни.

— То есть разрешение...

— Ох, не даст тебе его король, ох не даст, ведь главы совета одобрение нужно, — признался он с кривой улыбкой.

От этой набившей оскомины интонации я стиснул зубы, чувствуя, как во мне закипает раздражение. С самого начала он лжёт мне, манипулирует, пытается запереть в четырёх стенах под предлогом заботы! Но я-то сразу видел, что дело в другом. Но вот в чём конкретно? В истории с отцом? Подставил его? Или просто в моей особой силе? А может и ещё в чём-то. Я планировал с этим разобраться, и теперь знаю с кем поговорить. Ефим даже сам не знает, что только что дал подсказку. Но сейчас, пока он думает, что между нами установилась связь...

— А обряд когда можно пройти?

— Ох, а зачем он тебе сейчас, мальчик, если всё равно ловить нельзя! Подумаем об этом потом, через лет может пять, — туманно ответил Ефим. — Когда буду уверен, что ты не надеешься глупостей. Пока же тебе лучше жить тихо, не высовываться. Хорошо, что твоя мать всё понимает и тоже против. Умная женщина.

Я посмотрел на свои татуировки, на эти загадочные завитки.

Нет, он боится не того, что я погибну, как отец — это уж точно бред. Что стану сильнее его самого? Что потеряю зависимость от его воли? Быть может, мои способности могут открыть какую-то правду? Или хочет приструнить меня, задавить авторитетом, взять под свой контроль, чтобы использовать?

Чёрт, а Макса точно просто насекомое укусило? Стоило парнишке отправиться в первый раз на охоту, как он тут же слёг. С другой стороны, со мной ведь до сих пор всё в порядке.

Я внимательно посмотрел на старосту. Его лицо выражало отеческую заботу, но глаза... в глазах читалось другое. Холодный расчёт. Как у гиены, которая загоняет добычу.

— Понял, — сказал наконец и усмехнулся. — Значит, сиди смирно и жди милости от взрослых дядек.

— Не передёргивай, Максим, — нахмурился Ефим. — Я забочусь о тебе.

— Да-да, конечно, — кивнул я, не скрывая сарказм и продолжил холодно, — Если это всё, то у меня дела.

Я распутаю твой змеинный клубок, старик.

Едва староста открыл рот, как в этот момент из-за полигона донёлся тихий звук. Едва слышный, но я определил источник — кошка зашевелилась на соломе, задела миску с водой когтями.

Дьявол! Ну, девочка, вот этого точно в планах не было!

Ефим и Григорий мгновенно напряглись, повернув головы в сторону звука.

— Кстати, насчёт разрешения на отлов... — пробормотал староста.

— Ха, парень. Ты думал, что сможешь скрыть от двух Звероловов питомца? — внезапно произнёс Григорий и усмехнулся. — Пошли-ка проверим, что это за звук.

Проклятье, надо что-то делать!

Мозг работал на предельной скорости, перебирая варианты. Сказать, что это не моя кошка? Глупо — следы же есть, миски с едой, а главное — я живу здесь один. Попытаться отвлечь их? Это каким образом вообще? Хотя, ведь на ней нет знака приручения, той спирали, что появилась у Красавчика.

Я на секунду расслабился, но тут же понял, что зря — ведь старосте нужен лишь повод...

— Конечно, проверим, — сказал как можно спокойнее, хотя сердце колотилось как бешеное. — Только вряд ли там что-то интересное найдёте. Крыса может какая.

— Прирученная? — хмыкнул Григорий, и Ефим показательно и ехидно похихикал.

— Смотри, Макс, конечно, пока доказательств нет, законы ты знаешь, но если сейчас всё изменится...

Мы направились к полигону, и с каждым шагом моя тревога нарастала. Ефим шёл впереди, постукивая тростью, а Григорий следовал рядом, внимательно оглядывая постройки.

— И всё-таки давненько я тут не был, — проговорил Зверолов. — Неужели это всё сделал Григор? Ведь пропал-то давно.

Ефим ничего не сказал и потянул за засов двери полигона, а я мысленно готовился к худшему. Дверь скрипнула на ржавых петлях, и мы вошли внутрь.

Тусклый свет пробивался через мутные окна, освещая ряды клеток и старое тренировочное оборудование. Воздух пах затхлостью и старой соломой.

— Так, — Ефим сразу направился к тому месту, откуда донёлся звук. — Вот отсюда что-то и слышалось.

Я шёл за ними, готовясь к неминуемому. Сейчас они увидят кошку, поднимут шум, и всё. Чёрт, а что, если она их просто разорвёт? Но они с опытом, кошку G-ранга точно смогут остановить. Смогут же?

Я подошёл ближе и...

Кошки не было.

...едва не выдал своё изумление!

Ефим остановился у той самой кучи соломы, где устроилась хищница. Нагнулся, внимательно рассматривая место.

— Странно, — пробормотал он.

Миска с водой стояла на своём месте, но от огромной полосатой зверюги не осталось и следа. Будто она растворилась в воздухе.

Как? Как такое возможно? Я же видел её вчера вечером, кормил, а когда проверял она спала именно в этом месте! Что-то подобное она уже провернула дома, в мастерской!

— Что странно? — спросил Григорий, подходя ближе.

— Солома-то примята, — Ефим ткнул тростью. — Причём сильно. Что-то крупное тут лежало. И недавно. А в клетке вон тряпки валяются.

Сердце ухнуло в пятки. Следы-то остались!

— И кровь, — добавил Григорий, присев на корточки. — Свежая.

Они оба повернулись ко мне.

— Ну, Максим? — Ефим опёрся на трость, его взгляд стал пронизывающим. — Что скажешь? Кто-то явно тут был. Кто-то большой и тяжёлый. И раненый.

Мысли метались, но опыт подсказал решение. Раз ты считаешь, что я наивный мелкий пацан, то лучшая ложь та, что основана на правде.

— А откуда мне знать? — пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушно. — Я тут всего пару дней живу, даже не заходил сюда. Кто знает, что тут Григор делал до своего исчезновения?

— Григор... — медленно повторил староста. — Да, он похоже держал тут разных тварей. Что удивительно. Григорий, и как он всё это отстроил, а? Нет, конечно, мне рассказывали, что он «балует» и зверей ловит, но я и представить не мог. Ведь питомцев он не продавал, уж я за этим следил...

— Звери привыкают к местам кормёжки, так? — встрял я. — Могут приходить сюда годами после исчезновения хозяина, раз Григор зверей приручал, сами же сказали.

— А откуда ты так много знаешь о зверях? — спросил вдруг Григорий. — У тебя же нет опыта. Большой лежал долго.

— Мой отец тоже был Звероловом, — ответил спокойно, как ни в чём не бывало.

— Ну-да, ну-да, — задумчиво протянул Зверолов, глядя на меня.

— Какой-то бывший питомец Григора мог заглянуть сюда. Или дикий зверь мог случайно забрести, — сказал я, быстро меняя тему.

— Может быть, — согласился Ефим, но по его тону было ясно, что он не до конца убеждён. — А ты, конечно же, ничего не видел...

Григорий тем временем обследовал остальные клетки, заглядывая в углы, проверяя засовы. Его движения были методичными, профессиональными.

— Да уж, — проговорил он задумчиво. — Странно это всё. Ефим, ничего не вижу.

— Ладно, — старик махнул рукой, словно отгоняя назойливую мысль. — Неважно, этот малец ничего не знает о нашей науке, чего только стоят его слова о медведях. Главное, Максим, чтобы ты понимал — любые попытки приручения без разрешения будут пресечены. Жёстко пресечены.

Он подошёл ко мне вплотную, его глаза сузились до щёлочек.

— Даже если тебе просто повезёт. Если найду хоть малейшие признаки нарушения закона... А внушке своей я верю. Если найду доказательства... — он не договорил, но угроза висела в воздухе.

— Не найдёшь, — ответил я жёстко. — Их нет.

— Вот и хорошо, — староста отступил на шаг. — Пошли, Григорий, опаздываем. Дел много, а время не ждёт.

Они направились к выходу, но у двери Григорий обернулся.

— Максим, если что-то странное заметишь — сразу сообщай. Через родственников. Мало ли что. Если ты не при чём и тут правда бродят звери... Впрочем, зона безопасная, но будь настороже.

— Обязательно, — «пообещал» я, вспоминая волков. Безопасная, как же. Впрочем, та битва была почти у границы. Вряд ли местные Мастера и травники заглядывают так глубоко.

Дождь, пока Звероловы скроются за деревьями, и только тогда позволил себе выдохнуть.

Блин, пронесло! Но как? Куда делась кошка?

Я медленно обошёл полигон, осматривая каждый угол, каждую щель. Никаких следов присутствия крупного хищника. Будто она испарилась.

А потом остановился как вкопанный.

Там, где её искал Ефим, лежала огромная полосатая кошка. Она мирно смотрела на меня и чуть рыкнула, изредка подёргивая ушами, а её бока мерно поднимались и опускались.

— Что за...? — прошептал я, не веря своим глазам.

Она посмотрела на меня с выражением кошачьей превосходности, зевнула, показав внушительные клыки, и демонстративно закрыла глаза.

Я потёр виски, чувствуя, что окончательно запутался. Этот мир полон загадок, и каждая новая ещё сложнее предыдущей. Как она это провернула?

Но, прежде чем попытаться это понять, вышел на поляну и тщательно осмотрелся. Даже не поленился пройти к тропе и проверить лес. Нет, вижу, действительно ушли. На всякий случай постоял несколько минут, изучая поляну. Могли же тут быть какие-то питомцы-разведчики? Но всё было спокойно.

Отлично.

Я вернулся в полигон, закрыл дверь изнутри и осторожно приблизился к куче соломы, держась на достаточном расстоянии.

— Ты что, издеваешься? — спросил тихо и улыбнулся. — Они тебя искали, у меня, можно сказать, сердце в пятки ушло, а ты лежишь тут как ни в чём не бывало.

Кошка открыла оба жёлтых глаза и посмотрела на меня с выражением, которое можно было описать как скупающее превосходство. Будто я задал глупый вопрос, ответ на который очевиден.

— Где ты была, когда они заходили? — не отставал я, чувствуя себя неловко от разговора с животным, но любопытство пересиливало.

В ответ кошка зевнула, показав впечатляющие клыки с зелёными кончиками, потянулась и села, поджав под себя лапы. Её хвост медленно покачивался из стороны в сторону.

— Понятно, молчишь, — пробормотал я, почесав затылок.

И вдруг она игриво рыкнула и сделала то, от чего у меня волосы встали дыбом.

Прямо на моих глазах кошка начала... исчезать.

Сначала её контуры стали размытыми, словно её окутал лёгкий туман. Потом она становилась всё более прозрачной — я видел сквозь неё солому и деревянные доски пола. Её полосатая шерсть мерцала, то проявляясь, то исчезая, будто кто-то играл с непостоянным светом.

Через несколько секунд от огромной хищницы не осталось ничего. Пустое место. Только вмятина в соломе выдавала, что там кто-то сидел.

— Твою же мать, — выдохнул я, хлопая глазами.

Воздух дрогнул, будто над костром, и кошка вновь материализовалась на том же месте. Сначала появились смутные очертания, потом цвета стали ярче, чётче, и вот она уже сидела передо мной, вполне материальная и реальная.

Жёлтые глаза смотрели на меня с явным удовлетворением и превосходством. Будто она демонстрировала фокус и ждала аплодисментов.

— Невидимость, — прошептал я, пытаясь осознать. — Ты умеешь становиться невидимой.

Кошка медленно моргнула, словно подтверждая мои слова.

Теперь всё встало на свои места. Как она незаметно следила за мной в лесу. Как исчезла из мастерской, оставив череду запутанных следов — да она же просто вышла, когда Ольга открыла дверь! Вот как смогла спрятаться от двух Звероловов буквально у них под носом. Это действительно редкий зверь, если вспомнить, что мне рассказывали. А они вообще знают о её способностях? А может нет! Это я могу видеть навыки через систему, а Мастера и Звероловы лишь культивируют свою силу и растут в ступенях, через практики, зелья и снадобья.

Ядовитые когти и невидимость... А ведь запахи кошки исчезли вместе с ней на этот короткий миг. Но она была G ранга, что-то подсказывало, что долго в таком состоянии она находиться просто не может.

— Интересно, и почему ты взбунтовалась против Барута? — сказал задумчиво. — С такими способностями ты не какая-то там домашняя кошечка. Ты настоящий хищник-убийца. Неужели он не понимал это? Перегнул палку?

Она наклонила голову набок, словно прислушиваясь к моим словам. В её взгляде я уловил нечто похожее на одобрение.

— Что сподвигло тебя на мою защиту, а, девочка? — продолжил я, не сводя с неё глаз. — И почему остаёшься здесь?

На этот раз кошка не ответила даже мимикой. Просто смотрела на меня своими жёлтыми глазами.

Я встал и отошёл на несколько шагов, обдумывая ситуацию. Два таких мощных навыка у одного питомца — это действительно круто. Чего греха таить, приручить красотку очень хотелось, но сейчас даже пробовать не буду.

И что самое главное — она ведь меня не тронула. Хотя возможностей было предостаточно. Могла напасть из невидимости в любой момент в лесу. Неужто следила и действительно охраняла? Хоть и порывается, огрызается. Оценила мой подход ещё тогда, дома, в мастерской?

Защитила от волков. Позволила себя лечить. Терпит моё присутствие.

Почему?

— Слушай, — обратился я к ней снова, — честно сказать, я не понимаю твоих мотивов. Но раз уж ты решила остаться, давай договоримся. Я не буду пытаться тебя принуждать, а ты не будешь вести себя непредсказуемо. Согласна?

Мои татуировки чуть потеплели, и кошка моргнула, будто соглашаясь.

В любом случае, она явно понимала речь лучше Красавчика. Это из-за их разницы в уровнях?

Но это заставило меня задуматься о своих собственных способностях.

В системе маячила загадочная «экспериментальная эволюция», всё ещё заблокированная.

Чёрт, нужно быстрее брать десятый уровень. А значит пора в лес.

Настало время познакомиться со старым другом вплотную.

Глава 22

Выйдя из полигона, я задержался у двери, глядя на кошку. Она лежала на своём месте, наблюдая за мной жёлтыми глазами. Логика подсказывала запереть дверь — всё-таки хищник размером с волка, да ещё и с ядовитыми когтями. Но что-то удерживало меня от этого решения.

Если бы она хотела меня убить, то давно бы это сделала. Возможностей было предостаточно. Как там говорила система? Требуется доверие? Вот и начнём. Я сходил в избу и взял лекарство.

Сегодня она подпустила меня без каких-либо проблем.

— Слушай, девочка, — обратился я к ней, закончив процедуры. — Я оставляю дверь открытой, можешь уходить, когда захочешь. Только вот что — если решишь остаться, то знай: здесь мой дом. Мои правила. Согласна?

Кошка наклонила голову набок, словно обдумывая мои слова, а потом медленно моргнула. Не знаю, понимает ли она человеческую речь полностью, но что-то в её взгляде подсказывало, что между нами достигнуто хрупкое понимание.

— Ладно, — кивнул я, разворачиваясь к избе. — Схожу проверю ловушки. Не натвори ничего, пока меня нет.

Взяв нож с пояса, я мысленно обратился к Красавчику — наша связь крепла с каждым днём. Татуировки потеплели, и через несколько секунд белый комочек выскочил из леса, добежал до меня и радостно взобрался на плечо.

— Ну что, дружок, — почесал его за ухом. — Пойдём посмотрим, что попало в наши силки.

Лес встретил меня привычной тишиной. Утренний воздух был свежим, пропитанным ароматом хвои и прелых листьев. Я шёл по еле заметной тропинке, которую сам протоптал вчера, внимательно осматривая окрестности.

Здесь, среди деревьев, я чувствовал себя по-настоящему дома. Никаких подозрительных взглядов соседей и никакой суеты — только лес, его звуки, запахи и ритм, знакомый с детства. Красавчик время от времени поворачивал голову, прислушиваясь к шорохам, но тревоги не проявлял — значит, серьёзной опасности поблизости нет, да и сам я не видел напрягающих знаков.

До ручья дошёл быстро. Вода журчала так же мирно, как вчера, отражая утреннее солнце. Я подошёл к первому силку, установленному между двумя ивами. Петля была пуста, но трава вокруг примята — кто-то подходил, но не попался. Может, учуял ловушку, а может, просто не пошёл по этой тропинке.

Второй силок тоже оказался пуст, но у третьего меня ждал успех.

В силке висела небольшая птица, характерное пёстрое оперение и размер — рябчик. Крылья уже не двигались, видно, давно попалась. Хорошо, что не успела испортиться — мясо свежее, для горностая самое то. Да и сам не откажусь, рябчик — дичь отменная, особенно если правильно приготовить.

— Отлично, — проговорил я, снимая добычу.

Завтра проверю снова. Птицы есть в этом лесу, значит, будет что ловить. Мельком подумал о трупах убитых волков, но соваться ближе к опасной зоне пока что не собирался. А так, если подумать, то у магических зверей и метаболизм может быть другой — мало ли что жрут и вдруг в пищу даже можно употреблять? А органы или клыки могли понадобиться алхимикам — помню как Ганус говорил что-то про горностая второй ступени.

Обратный путь занял немного времени. Шёл не торопясь, наслаждаясь утренней прохладой и тишиной. Размышлял о том, что здесь никто не будет напоминать о каком-то нелепом запрете на ловлю зверей.

Да, оставить всё так как есть — глупо, и я ещё вернусь к проблеме со старостой, но кошка стояла перед глазами. Я жаждал приручить такого мощного союзника.

Впереди долгие тренировки с горностаем и изучение леса. А подобраться ко мне незаметно будет непросто, если не брать в расчёт невидимость и скрытие запахов ядозуба. Но в безопасной зоне точно будет проще.

В избе быстро разжёл огонь в печи, подкладывая сухие поленья, которых ещё хватит на несколько дней. Дрова затрещали, выпуская струйки дыма с запахом смолы и коры. Птицу оципал и выпотрошил, действуя привычными движениями, отточенными годами практики в тайге. Дедовы уроки не забылись — птицу лучше обрабатывать сразу, пока мясо не потеряло вкус и сочность.

Перья падали в таз мягким пёстрым ковром. Внутренности пришлось выбросить, о чём пожалел — в тайге ничего не пропадало зря, здесь всё так же могло пригодиться для приманки в ловушки.

Но пока были другие планы, ничего страшного, ещё поймаю.

Тушку разделал.

Острый нож легко прошёлся по суставам, отделяя крылья и ножки. Мясо было розовым, плотным, без единого повреждения — птица попалась здоровая. Самые нежные части — грудку и бёдрышки — отложил Ольге, отдам вечером как придёт, но немного взял и себе. Пойдёт в жаркое с картошкой, которую передала мать. Красавчику оставил ножки и часть потрохов — сырое мясо горностаи предпочитают жареному, да и пищеварение у них устроено именно под такую еду.

Пока в печи разгорался огонь принялся готовить особое угощение для питомца. Мясо нарезал аккуратными мелкими кусочками — так Красавчику будет удобнее есть.

Достал из запасов последние ягоды звёздного шиповника — всего три штуки, алые, с золотистыми прожилками. Жаль, что так мало осталось. Ягоды размял пальцами прямо над мясом, чувствуя, как под кожицей лопаются мелкие пузырьки с соком. Золотистые искры потекли по кусочкам мяса, окрашивая их лёгким свечением. Сразу пошёл сладковатый аромат, похожий на мёд с привкусом хвои. От этого запаха у Красавчика заблестели чёрные глазки, и он принялся нетерпеливо переминаться с лапы на лапу.

— Давай ешь, — поставил миску на пол.

Горностаи соскочил со стола и накинулся на еду с жадностью голодного волка. Забавно было наблюдать, как такой маленький зверёк может есть с таким энтузиазмом. Он хватал кусочки, быстро пережёвывал, щёлкая крошечными зубами, и тут же тянулся за следующим. При этом довольно урчал, издавая звуки, больше подходящие коту, чем дикому хищнику.

Получено опыта: 10.

Уровень питомца повышен - 3.

Отлично. Правильное кормление тоже даёт результат сразу в две стороны. Я сделал вывод, что любое верное взаимодействие, которое благополучно сказывается на животном, так работает. Вот почему волк у Виолы не развивается — он у неё словно ручной пёс, без нужной еды и тренировок.

Пока Красавчик наслаждался обедом, я принялся готовить себе. Картошку почистил, клубни порезал крупными ровными кусками, стараясь, чтобы все были примерно одного размера — так равномернее прожарятся.

На чугунной сковороде растопил кусок сала. Жир зашипел, наполняя избу густым, чуть солоноватым ароматом. Обжарил разделанные кусочки рябчика со всех сторон до золотистой корочки — мясо лесной птицы требовало предварительной прожарки, чтобы сохранить соки внутри. Потом добавил нарезанную картошку, посолил крупной солью из деревянной солонки, плеснул полчашки воды и накрыл тяжёлой чугунной крышкой. Теперь всё будет тушиться — так мясо станет мягким, а картошка пропитается ароматным жиром.

Сел за стол, ощущая приятную усталость в мышцах. Отрезал толстый ломоть чёрного хлеба, добавил кусок сала с прожилками розоватого мяса. Простая еда, но мне казалась невероятно вкусной.

Долго не ел настоящей дичи — в деревне питался в основном тем, что мать готовила: кашами, супами, рагу.

А здесь можно позволить себе охотничью еду, какую готовил дед в своей избушке.

Когда жаркое было готово, снял крышку, и из сковороды поднялся ароматный пар. Картошка покрылась золотистой корочкой, а кусочки рябчика источали дразнящий запах. Выложил всё на деревянную тарелку.

Первый кусок рябчика буквально таял во рту — нежный, сочный, с насыщенным вкусом дичи и лёгким ароматом дыма от печи. Мясо было волокнистым, но не жёстким, со сладковатым привкусом, какой бывает только у лесной птицы. Картошка впитала мясной сок и жир, став рассыпчатой и ароматной.

— Вкусно, — пробормотал с набитым ртом в пустоту, наслаждаясь каждым кусочком.

Красавчик к этому времени закончил свою трапезу и запрыгнул на стол, деликатно облизывая усы розовым язычком. Его белая шерсть слегка мерцала после магической еды — верный признак того, что реагенты пошли на пользу и запустили какие-то внутренние процессы.

Размышления быстро вернули меня к реальности. Ягоды звёздного шиповника закончились — это была последняя порция. А без магических реагентов полноценно развивать питомца не получится. Система ясно показала, что правильное питание даёт опыт не только Красавчику, но и мне. Значит, нужно искать новые источники таких ресурсов.

Но прежде, вспомнил, что теперь у горностае четыре свободных очка. Открыл его статус.

Уровень: 3.

Опыт: 3/13

Эволюционный индекс: G.

Характеристики питомца:

Сила: 2

Ловкость: 4

Поток: 8

Свободных характеристик питомца для распределения: 4.

Что ж, раз Поток улучшил навык на отметке «8», то глупо было бы не попробовать вернуть такой же трюк с ловкостью.

Ловкость $4+4=8$

Характеристика Ловкость достигла первого порогового значения 8.

Рефлексы, скорость и реакция зверя улучшены.

Взглянул на Красавчика. Странно, внешне — никаких проявлений, хоть зверёк и замер на миг.

Логика подсказывала, что ловкость и сила влияет на тело зверя и физические параметры, в то время как Поток отвечает за навыки и магию в целом. Странная система, тяжело представить, как правильно прокачивать боевого питомца. С «полезными», конечно, проще.

А сейчас придётся отправиться в лес, да и уровень подкачать, всё-таки первостепенная цель — кошка! «Звериный Кодекс» ясно дал понять — приручить можно только зверя своего уровня или ниже. Да, там была оговорка про уровень доверия, но это уж точно не с этой независимой девчонкой.

Раскол кардинально изменил не только людей и зверей, но и всю экосистему. Растения приобрели невиданные прежде свойства, воздух в опасных зонах пропитался магической энергией, изменившей саму структуру реальности. Даже здесь, в относительно спокойном месте, я постоянно замечал признаки этих перемен.

Взяв нож и сумку для трав, а также небольшую плетёную корзинку и мешок из избы, я вышел на поляну. Красавчик тут же вскарабкался мне на плечо, устроившись так, чтобы было удобно наблюдать за окрестностями. Его маленькие когти цеплялись за ткань рубахи.

— Посмотрим, что нам этот лес припас, дружок, — сказал я горностаю, поправляя лямку сумки.

Направился по лесу в направлении деревни, подальше от места, где встретил волков. Пошёл через более густой лес, где деревья росли плотнее, создавая естественную защиту от крупных хищников.

Едва углубился в чащу, как почувствовал себя в родной стихии. Мышцы расслабились, дыхание стало глубже, а все чувства обострились до предела. Именно так я чувствовал себя в сибирской тайге — будто дома, несмотря на кажущуюся опасность.

Лес принял меня, окутал своими запахами и звуками, словно старый друг, которого не видел много лет.

Мой взгляд автоматически анализировал всё вокруг: направление ветра — слабый, с запада, едва шевелил листву, значит, запахи будут относить от меня в противоположную сторону. Влажность воздуха умеренная — земля после вчерашнего дождика ещё хранила влагу, след на такой поверхности должен держаться хорошо, оставаясь читаемым несколько дней.

Мягкая почва под ногами пружинила, покрытая толстым слоем прелых листьев и мха. Идеальная поверхность для чтения следов — любой отпечаток лапы или копыта остался бы здесь на долгое время.

Я автоматически запоминал ориентиры для обратного пути: необычно изогнутую сосну, чья вершина будто была сломана бурей и теперь росла под углом, большой валун с трещиной посередине, поросший лишайником.

«В лесу каждая примета на счету, внук. Запомни — вошёл по одной тропе, а вышел, может, по другой. Ориентиры спасут».

Воздух здесь пах иначе, чем в сибирской тайге. К привычным ароматам хвои, прелых листьев и мха примешивались новые, незнакомые нотки. Сладковатый привкус, напоминающий мёд с металлическим оттенком. Резкий озон после грозы, хотя небо было ясным. И ещё что-то неуловимое, будто сама магия имела собственный запах — свежий, чистый, заставляющий кровь бежать быстрее.

А сам лес...

Чёрт возьми, какая красота!

Привычные сосны и берёзы соседствовали с деревьями совершенно иных оттенков. Стволы некоторых елей переливались синеватым отливом, будто покрытые тонким слоем драгоценного металла.

При движении солнечных бликов по коре возникали волны цвета, перетекающие от глубокого сапфира до серебристой стали. Листья некоторых деревьев мерцали серебристыми бликами, создавая впечатление, что деревья покрыты инеем даже в тёплый день. Когда лёгкий ветерок шевелил ветви, весь лес наполнялся тихим звоном, словно природа играла на невидимых колокольчиках.

А мох!

Привычный зелёный ковер здесь и там светился мягким голубоватым свечением, особенно в тенистых местах между корнями. Когда наступал на такие участки, свечение на миг становилось ярче, пульсируя в такт шагам, а потом медленно угасало, оставляя едва заметный след. Под ногами было мягко и упруго, как на самом дорогом ковре.

Иногда мелькали знакомые силуэты, но даже они изменились. Белки с обычной рыжей шерстью носились по веткам, но хвосты некоторых искрились золотистыми нитями при движении, оставляя в воздухе мерцающий след.

Красавчик на моём плече тихо урчал от удовольствия. Он чувствовал себя в лесу как рыба в воде — это была его стихия, его дом. Иногда он указывал мордочкой в ту или иную сторону, привлекая моё внимание к интересным деталям: необычному цветку или мерцающему камню.

В сибирской тайге красота была суровой, величественной, но здесь она буквально дышала магией.

По опыту знал — в таком смешанном лесу должна водиться земляника. Я всегда находил её на солнечных полянках, где достаточно света и влаги. И действительно, вскоре наткнулся на первые кустики с характерными тройчатыми листочками. Но размер этих кустов поразил — они достигали высоты по колено, а листья были в два раза крупнее привычных.

Ягод было множество — крупных, размером с пол мизинца, ярко-красных, источающих сладкий аромат. Некоторые поблёскивали на солнце, словно покрытые росой, хотя она давно высохла под утренними лучами. При ближайшем рассмотрении понял — это какое-то естественное свечение, исходящее изнутри.

Осторожно осмотрел ягоду, покрутил в пальцах, принялся. Внешне походила на обычную землянику, но была плотнее, с более глубоким цветом.

— Ну что думаешь? Не ядовитая? — спросил у Красавчика и усмехнулся, когда он чуть склонил голову набок.

Попробовал одну ягоду на кончик языка. Вкус оказался знакомым, но более насыщенным — сладость билась в нёбо, но не приторно, а с лёгкой кислинкой. И ещё была какая-то нотка, которую не мог определить — что-то освежающее и бодрящее.

Подождал несколько минут, прислушиваясь к ощущениям. Никаких признаков отравления или дискомфорта. Съел ягоду целиком — взрыв вкуса на языке, приятное тепло, разливающееся по всему телу. Определённо, эта земляника не только безопасна, но и полезна.

Принялся методично собирать урожай, складывая ягоды в корзину. Работа шла быстро. Жаль, что с Ирмой в лес так и не сходил.

Пока собирал землянику, наблюдал за жизнью леса. В кустах шуршали мелкие зверьки, над головой перекликались птицы, где-то вдали стучал дятел — размеренно, методично, как метроном. Звуки леса успокаивали, настраивали на рабочий лад. Я всегда любил эти моменты — когда можешь заниматься полезным делом, находясь в гармонии с природой.

В густой тени под незнакомыми деревьями, где солнечный свет едва пробивался сквозь плотные кроны, обнаружил россыпь грибов с необычными шляпками. Они переливались серебристым блеском, как начищенные монеты, а ножки покрывали тонкие голубые прожилки, пульсирующие едва заметным светом. По форме напоминали знакомые подберёзовики, но цвет и размер выдавали их магическую природу.

Грибы были крупнее обычных — шляпки диаметром с тарелку, ножки толстые, плотные. Источали лёгкий аромат хвои с металлическим привкусом, который щекотал ноздри и заставлял сосредоточиться.

Присел на корточки, внимательно изучая находку. Незнакомый гриб — потенциальная смерть. Но если уверен на сто процентов — бери без сожаления. Здесь ситуация осложнялась тем, что даже знакомые виды могли обладать новыми свойствами. Пришлось применить «Обнаружение». Мир окрасился в серый, а грибы передо мной словно вспыхнули.

Серебряная губка. Возраст — 2 года. Уровень развития — G.

Информация «Звериного кодекса» доступна:

Съедобный гриб с лёгкими регенерирующими свойствами.

Реагент.

Отлично! Судя по описанию, вполне можно и готовить и, возможно, сбывать тому же алхимику Ганусу.

Аккуратно выкрутил несколько грибов из земли, стараясь не повредить тонкие нити грибницы. Осмотрел ножки - плотные, без червоточин, с приятным хвойным ароматом. Срезал только самые кончики, где могла скопиться земля, а лунки присыпал опавшими листьями.

Чуть позже, у небольшой прогалины, нашёл травы, многие из которых узнавал по опыту.

Подорожник, ромашка, мята — резные листочки с острым, освежающим ароматом, который пробивал даже через другие запахи.

Я шёл по полянке, как по аптеке под открытым небом.

Аккуратно собрал понемногу каждого растения, укладывая в сумку — трава без магических свойств, вполне обычная, но вдруг пригодится.

Красавчик время от времени принимался. Его звериные инстинкты и навык позволяли находить полезные травы. Он то и дело соскакивал с плеча и удалялся в лес...

Получено опыта: 1

Получено опыта: 1

Получено опыта: 1

Получено опыта: 2

... И зарабатывал мне опыт.

Получено опыта: ...

Уровень питомца повышен.

...

...

Получен уровень 5.

Приносил мне травы или корешки, что-то из этого оказывалось полезным, вроде того же кровника белоцветного — быстро учится.

Вскоре горноста́й устал и уселся на плече, да и мне нужна была передышка, после навыка «обнаружение».

Всё-таки потенциал развития в уровнях был невероятный. Что же станет, если полезных питомцев будет несколько? И в чём может быть другая полезность, кроме сбора? В голове Макса смутно колыхались знания даже о водных и огненных «полезных» питомцах, но таких в безопасной зоне не найти. Пойти в сопровождении кошки глубже в леса — вот моя цель.

Но сейчас думать об этом бессмысленно, я просто не скрою такое количество существ под моим контролем. Нужно разобраться со старостой и разрешением, и уже есть мысли по этому поводу.

Я продолжил исследование леса, двигаясь по тропинкам, протоптанным животными. Сразу определил — здесь явно водилось много разной живности. Следы зайцев — характерные отпечатки задних лап впереди передних, и белок — мелкие коготки на влажной земле.

Все следы были свежими, некоторые оставлены буквально час-два назад, значит, звери не боятся этой части леса, чувствуют себя в безопасности. Крупные опасные звери предпочитают более глухие места, где меньше конкуренции и больше добычи.

Тропинки были хорошо заметными, утоптанными множеством лап. По ним было легко идти, не продираясь сквозь заросли. Я выбирал маршрут так, чтобы обойти наиболее густые участки, но при этом не упустить интересные места.

Мы даже нашли куст звёздного шиповника, а вот загадочный съедобный искровый мох отсутствовал. Может быть, этот реагент тоже растёт в опасной зоне леса?

К середине дня кожаная сумка туго набита различными травами и магическими растениями, а в корзине лежало достаточно земляники. Добычи хватит на какое-то время, а главное — теперь я знаю, где искать многие ресурсы.

Решил устроить небольшой привал на солнечной поляне, где можно было спокойно перекусить собранными ягодами и отдохнуть. Уселся на поваленное дерево, поставив корзину с

добычей рядом. Красавчик спрыгнул с плеча и принялся обследовать поляну, принюхиваясь к каждому кусту и камню.

Горсть земляники во рту взорвалась сладостью, сок потёк по подбородку. Чёрт, какая же она здесь вкусная! Каждая ягодка тает на языке, оставляя послевкусие лета.

Внезапно Красавчик замер посреди поляны, словно в него ударила молния. Его белая шёрстка мгновенно встала дыбом, превратив зверька в пушистый шарик с напряжёнными мышцами.

Он принял классическую охотничью стойку — передние лапы чуть согнулись, готовые к мощному толчку, задняя часть тела приподнялась, как пружина перед выстрелом. Хвост, обычно игриво подёргивающийся, застыл неподвижно, лишь кончик слегка дрожал от сдерживаемого возбуждения.

Я напрягся и замер, не сводя глаз с питомца, даже дыхание затаил — невероятная концентрация! Что там?

Глава 23

В кустах, метрах в трёх от нас, раздавалось тихое шуршание. Звуки были едва различимы — лёгкое шевеление листьев, тонкий писк, осторожное топотание крошечных лапок. Я мгновенно расслабился, похоже тут мне нужно оставаться наблюдателем.

Что-то мелкое и пугливое копошилось среди густых веток, вероятно, лесная мышь или полёвка лакомилась.

Но для Красавчика это был сигнал к действию.

Горноста́й медленно пополз к кустам, каждое движение выверено до миллиметра. Белая шёрстка делала его крайне заметным на фоне зелёной травы и тёмной земли — яркое пятно, которое должно было отпугнуть любую добычу ещё на подступах. Но зверёк двигался с такой невероятной осторожностью...

Посмотри-ка, а ведь не зря вкачал ему ловкость, разница с движениями обычного зверька — колоссальна!

Каждую лапку он ставил медленно, проверяя твёрдость опоры, прежде чем перенести на неё вес тела. Ни одна травинка не хрустнула под его лапами, ни один камешек не скрипнул. Он словно плыл над землёй, используя каждую неровность рельефа, каждый пучок травы как укрытие.

Настоящий мастер скрытного подхода.

Его чёрный нос всё время принюхивался, ловя малейшие запахи. Ноздри трепетали, анализируя воздушные потоки, определяя точное местоположение добычи. Уши, несмотря на то что были прижаты, постоянно поворачивались, улавливая каждый шорох, каждое движение в кустах.

Примерно в метре от кустов Красавчик остановился и сосредоточился. Я видел, как напряглись мышцы его спины, как слегка дрогнули усы от концентрации магической энергии. Воздух вокруг него словно замерцал, как над раскалённой печью.

И горноста́й... раздвоился.

От его тела отделилась точная копия, словно отражение в зеркале обрело плоть. Та же белоснежная шёрстка с золотистыми искрами, тот же размер, те же плавные движения маленького хищника. Копия даже дышала в том же ритме, что и оригинал, её бока мерно поднимались и опускались.

Но были и различия. Иллюзия — чуть менее чёткая, словно смотришь на предмет через слегка запотевшее стекло. Края силуэта слегка размывались, особенно при движении.

Но мышь этого не заметила бы никогда.

Иллюзорный горноста́й двинулся прямо к кустам, имитируя поведение обычного зверька, ищущего пищу.

Он даже воспроизводил характерные движения — поводил носом из стороны в сторону, делал короткие перебежки, останавливался и принюхивался. Идеальная имитация.

А настоящий Красавчик тем временем скользнул влево, широко обходя кусты с фланга. Его движения стали ещё более осторожными и рассчитанными. Он использовал каждую кочку, каждый камень как укрытие, передвигаясь от одного к другому короткими перебежками. Белая шёрстка теперь работала ему на пользу — в пятнах солнечного света, пробивающегося сквозь листву, он сливался с бликами и тенями магического леса.

Я наблюдал за этим спектаклем и довольно улыбался.

Красавец.

В памяти всплывало то, как охотятся лисы, как они умеют обмануть добычу ложными движениями и отвлекающими манёврами. Но то, что демонстрировал Красавчик, превосхо-

дило любые примеры звериной хитрости из моего опыта. Это была магия, помноженная на инстинкт.

Иллюзия между тем добралась до самого края и начала активно имитировать поиск пищи. Копия горноста́я тыкалась носом в листья и шарילה между ветками. При этом она производила достаточно шума, чтобы привлечь внимание мыши, но не настолько много, чтобы выглядеть неестественно.

Шуршание в кустах усилилось многократно. Мышь явно почувствовала присутствие хищника и запаниковала. Я слышал её учащённое дыхание, топот крохотных лапок по веткам, звук осыпающихся ягод. Зверёк метался в густых зарослях, пытаясь найти выход, но иллюзия методично перекрывала все пути к отступлению с одной стороны.

У мыши оставался только один выбор — бежать в противоположную сторону, туда, где, как ей казалось, опасности не было.

Прямо в засаду.

Она выскочила из кустов как пробка из бутылки — серый комочек шерсти, обезумевший от страха. Неслась по траве, не разбирая дороги, отчаянно пытаясь скрыться от мнимой угрозы. Маленькие лапки мелькали так быстро, что сливались в серое пятно.

Красавчик выждал ровно столько, сколько нужно было, чтобы мышь оказалась в пределах досягаемости, и молниеносно атаковал.

Маленькое белое тело выстрелило из засады как стрела, описав в воздухе идеальную дугу. Передние лапы вытянулись вперёд, когти выпустились, готовые схватить и удержать добычу. Задние лапы оттолкнулись от земли с такой силой, что оставили глубокие царапины в почве.

Мышь даже не успела понять, что происходит. Зубы Красавчика сомкнулись на её шее с хирургической точностью, точно между позвонками. Один резкий поворот головы — и всё было кончено. Никаких мучений, никакой агонии. Чистая, профессиональная работа хищника, знающего своё дело.

Добыча обмякла в зубах горноста́я. Красавчик несколько секунд держал её, убеждаясь, что жизнь действительно покинула жертву, а потом медленно положил на землю.

Иллюзия в тот же миг растворилась в воздухе, как утренний туман.

— Да уж, — выдохнул я. — Ну ты и тактик, дружок. Ешь теперь.

Красавчик поднял голову. В его глазах плясали искорки торжества и удовлетворения от идеально выполненной работы.

Зверёк не сразу приступил к трапезе. Сначала обнюхал добычу, проверяя её состояние, потом аккуратно взял в зубы и отнёс в более укромное место под корнями большой ели. Там, в тени, он устроился поудобнее и начал неторопливо поедать мышь.

Я не раз видел, как охотятся обычные горноста́и. Они полагались на скорость, ловкость и острые зубы. Прямолинейная атака, без хитростей. Ну или «боевой танец». Это когда не преследует жертву, а производит акробатические трюки и медленно приближается к недоумевающей жертве на расстояние броска. А этот малый думает, планирует, использует магию как инструмент.

— Красавчик, иди сюда, — позвал зверька.

Он тут же подбежал и вскарабкался мне на колено, довольно урча от сытости и удовольствия.

Интересно, днём охотится. А не боится, что лиса или ястреб заметит?

Хотя, с иллюзией-то...

— Слушай, внимательно, — сказал я серьёзно, поднимая зверька и глядя ему в глаза. — Ты тут не один в лесу. Есть и посильнее звери. Магия — это хорошо, но если что-то пойдёт не так, ты сразу ко мне бежишь, понял?

Мои татуировки слегка потеплели. Связь между нами была достаточно сильной, чтобы он почувствовал.

Красавчик внимательно посмотрел на меня, а затем ткнулся холодным носом в ладонь.

— Хорошо, — улыбнулся я, усаживая зверька обратно на плечо. — Тогда хватит на сегодня.

Если даже маленький горноста́й G-ранга обладает таким интеллектом, то что говорить о более сильных существах в опасной зоне леса? Вспомнить ту же кошку Барута. Неудивительно, что охота на них требует серьёзной подготовки и опыта.

Поднялся с поваленного дерева, взял корзину и двинулся домой.

Вернулся в избу с полными руками.

Внутри было тихо и прохладно после жаркого дня. Сумрак уже подбирался к окнам, но внутри ещё держались остатки дневного света. Я поставил корзину на массивный дубовый стол и расправил плечи, чувствуя приятную усталость от продуктивного дня. В мышцах ощущалось знакомое напряжение.

Теперь главное — правильно всё обработать.

Первым делом я вышел в полигон проверить кошку. Нужно было убедиться, что раны заживают нормально, и она не нуждается в дополнительном лечении.

Я заглянул внутрь, щурясь в полумраке.

Пусто.

На полу лежала солома, но она была холодной и примятой только в одном месте. Миска с водой стояла на прежнем месте, но от огромной полосатой зверюги не было ни следа.

Я нахмурился, медленно обходя полигон, внимательно осматривая каждый угол. Никаких признаков борьбы, никаких повреждений клеток или стен. Даже запах её присутствия почти выветрился. Она просто исчезла.

Интересно. Снова невидимость? Вряд ли.

— Ну что ж, — пробормотал я. — Видать отправилась на охоту. Надеюсь, вернётся целой и невредимой.

Неужели раны так быстро затянулись?

Честно говоря, стало немного грустно. За это короткое время я уже привык к мысли, что смогу приручить её, для того в лес и отправился. Ещё бы пару дней...

Но заставить её остаться не мог — слишком гордая и независимая дамочка.

Вернувшись в избу, принялся за дело — нужно перебрать ягоды.

Пальцы быстро привыкли к монотонным движениям.

Наполнив один деревянный поднос отборной земляникой, подумал о тех магических грибах, что шли как реагент.

Покажу сегодня Ирме. Когда они с Ольгой уже придут?

Красавчик время от времени подбегал к столу, поднимался на задние лапки и принюхивался к ягодам, особенно к шиповнику.

— Жди. Не время, — сурово сказал я.

Взялся за травы. Здесь всё было проще, я перебрал каждый пучок, удаляя вялые и повреждённые листья. Стебли обрезал на одинаковую длину, чтобы пучки получались аккуратными.

Каждый вид трав требовал своего подхода. Те, что с нежными листьями, нужно было сушить быстро, в тепле. С плотными, мясистыми — медленно, в прохладе. Ароматные травы — в темноте, чтобы не потеряли эфирные масла. А не так уж и много собрали, оказывается.

Готовые пучки я подвесил в тёмном углу избы, подальше от печи и окна. Там было прохладно и тихо — идеальные условия для медленной сушки.

Кое-что осталось и для Ирмы — пусть продаст.

— Эх, маловато всего для серьёзного хозяйства, — вырвалось у меня, когда освободился, вышел на улицу и сел на крыльцо. Красавчик, после сытного ужина мясом рябчика, убежал в лес.

Нужно ещё столько всего... Хотя бы ледник, для хранения скоропортящихся продуктов!

Впереди много работы по обустройству хозяйства, хотя с лесом я уже познакомился и теперь всё пойдёт быстрее.

Неспешно опускались сумерки. Лес погружался в тишину — живую, полную тихих шорохов, далёких криков птиц и шелеста листвы.

На поляне слышались знакомые голоса. По тропе к избе шли две женские фигуры, и я сразу узнал их силуэты в сумерках.

Ольга и Ирма.

Я моментально проверил через связующую нить, где мой зверёк — далеко, домой не идёт. Это хорошо.

Ольга несла узелок, видимо с едой, а бабка... пустую корзину. Обе шагали бодро.

— Макс! — окликнула меня мать, ускоряя шаг. — Сынок, как ты тут?

Я поднялся с крыльца, чувствуя, как в груди разливается тёплое чувство. Соскучился, надо признать — оказывается привык. По жизни-то был одиночкой, но видеть их всё равно радостно.

— Да вот, хозяйством занимаюсь, — улыбнулся, подходя к ним.

Ольга обняла меня крепко, я почувствовал запах её волос — смесь полевых трав и домашнего мыла.

— Ты исхудал что ли? — спросила она, отстранившись и ощупывая мои плечи. — Ешь нормально? Я вот хлеба принесла, свежего, ещё тёплого, и сала кусок хороший.

— Я тебе говорю, не надо ничего! Сам всё добудет! Он сын своего отца, — недовольно проскрипела Ирма.

Женщина лишь закатила глаза и улыбнулась мне.

— Спасибо, — ответил я, принимая тяжёлый узелок. Хлеб действительно был тёплым, пах дрожжами и корочкой, пропечённой до золотистого цвета. Желудок тут же отозвался урчанием.

— А ты забыла положить что-то к себе в корзину? — широко улыбнулся и кивнул старухе.

— Ишь чего, мужик здоровый, сам всё добудешь. Я пришла брать! Ты же не сидел без дела, да? — Бабка тем временем критическим взглядом оглядывала избу и хозяйственные постройки.

— Ну что, живёшь по-царски, небось, — проворчала она, но в голосе слышалось одобрение. — Хоть не опустился до скотского состояния. А то думала, найдём тебя заросшего, грязного...

— Ещё не одичал, — усмехнулся я. — Проходите в дом, покажу всё. И есть у меня кое-что для продажи, ты права.

Мы зашли в избу, и женщины замерли на пороге, разглядывая развешенные пучки трав.

— Ничего себе, — выдохнула Ольга. — Макс, ты что, весь лес перекопал?

— Почти, — засмеялся я.

Ирма подошла поближе к сушащимся пучкам, принялась, потом потрогала один из них, растерла листик между пальцев и понюхала.

— Хорошая работа, — одобрительно кивнула она. — Правильно сушишь, вижу. Кто научил?

Кха... А вот об этом как-то не подумал.

— Так сколько у тебя в избе видел в детстве, да как ты работаешь, — ответил я, почесав затылок. — Многое помню.

Бабка хмыкнула, но по её лицу было видно, что качество заготовок её впечатлило.

А я побыстрее достал свою главную добычу — пучок лунного пырея, аккуратно связанного в середине тонким шнурком. Себе заранее отложил несколько стеблей, на всякий случай.

— Вот, — сказал, протягивая травы Ирме.

Старуха взяла пучок и тут же изменилась в лице. Её маленькие цепкие глазки расширились, брови поползли вверх. Она поднесла травы ближе к лицу, внимательно рассматривая каждый стебель.

— Ох ты ж, леший меня дери, — прошептала она. — Лунный пырей. Уже достал?

— Как ты и говорила, — я кивнул. — Рисковал, но оно того стоило.

Ольга подошла ближе, заглядывая через плечо Ирмы.

Старуха медленно пересчитала стебли, проверила каждый на свежесть и качество, понюхала срезы.

— Пятнадцать стеблей, — произнесла она торжественно, словно объявляла приговор. — Свежих, правильно срезанных, без повреждений. Максим, да ты знаешь, сколько это стоит?

— Сколько?

— Такой свежий лунный пырей уйдёт даже по серебряку за стебель! Ну, некоторые... Пятнадцать штук... это может пятнадцать серебряков и будет, а то и все семнадцать наберётся.

Ольга ахнула и прикрыла рот ладонями.

— Пятнадцать серебряков?

— Ага, — подтвердила Ирма, бережно заворачивая травы обратно. — Лунный пырей — это не просто трава, это один из ингредиентов для снадобий Мастеров и Зверооловов.

Я кивнул:

— Продай весь пучок. Мне оставьте только три серебряка на текущие нужды, себе два, а остальное передайте маме.

— Что? — Ольга резко повернулась ко мне. — Макс, что ты говоришь? Мне не надо, тебе самому тут обживаться! Я...

— Послушай, — перебил я её твёрдо. — Это мой первый серьёзный заработок как главы семьи. И моё решение, которое ты не будешь оспаривать. А мне много не нужно — тут и дом есть, и еда. А вот тебе эти деньги на хозяйство, забор восстановить, крышу залатать, да и вообще... Раз уж пока сам не могу в деревне появляться, придётся выкручиваться. А денег добуду. Сейчас, кстати, ещё скажу, что бы мне сюда не помешало...

Ирма внимательно слушала меня, потом одобрительно кивнула.

— Правильно мальчишка рассуждает, Ольга. Мужчина должен о семье заботиться, а не только о себе думать. Ты что думаешь, я от двух серебряков откажусь, ха! И раз он в состоянии зарабатывать такие деньги, значит, и дальше сможет. Если не сгинет.

— Не помру, не переживай, — заверил я.

Ольга смотрела на меня долго, изучающе, будто видела впервые. В её взгляде читались беспокойство и что-то ещё — так на меня смотрел дед, когда я поймал своего первого зайца.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но ты обещаешь мне быть осторожным. Обещаешь не лезть туда, где слишком опасно.

— Обещаю быть разумным, — ответил я и кивнул.

Ирма бережно спрятала пучок лунного пырея в свою корзину, укутав его чистой тряпкой.

— Сейчас же понесу к Ганусу, — пообещала она.

Ольга развязала принесённый узелок, и на стол высыпались её гостинцы. Круглый каравай тёмного хлеба с румяной корочкой, от которого исходил восхитительный аромат. С десяток варёных яиц, сало, головка сыра и пучок свежего зелёного лука.

— Это тебе на первое время, — сказала она, выкладывая продукты на стол.

Я не удержался и оторвал кусок хлеба. Мягкий мякиш, хрустящая корочка, — вкус детства из деревни, вкус дома.

В груди неприятно кольнуло. Всё-таки Ольга наверняка потратилась на эти продукты. Хорошо, что теперь она забудет о проблемах с деньгами.

Я улыбнулся своим мыслям и передал ей землянику, а также грудку и бёдрышки рябчика.

— Сынок, — тихо проговорила она, поглаживая пальцем гладко отделённую кожу. — Как же... Кто тебя научил так чисто работать с дичью?

— Не помню после болезни, если честно, — буркнул я, стараясь говорить равнодушно. — Сам удивляюсь, может отец когда-то показывал и учил?

Ирма фыркнула и ткнула костяшками в мою сторону:

— Что ты мелешь! Тут работа — как у хорошего мясника. Не дурачь-ка меня.

Её маленькие глазки впились в меня с подозрением. Я же едва удержался, чтобы не улыбнуться. Ох Ирма, эта старуха слишком многое замечает!

— Руки сами знали, что делать, — пожал плечами и почесал затылок. — Странно и самому.

— Странно, — медленно повторила Ирма, не сводя с меня взгляда. — Много чего странного с тобой творится, парень. То встал после смертной хвори, то татуировки без обряда вспыхнули, теперь вот мясник из тебя получился, да рябчика поймал.

Ольга торопливо вмешалась:

— Ирма, не пугай парня! Может, и правда что-то вспомнил. Или инстинкт проснулся, раз уж Звероловом стал, как у сына твоего было! Они же все умеют с живностью обращаться. Или будешь спорить, что он не был особенным?

Бабка поморщилась и покачала головой, но промолчала.

— О чём это ты? Особенным? — я прищурился, а Ольга осеклась и тут же изменилась в лице.

— Это уже неважно, — вдруг резко отрезала она и тут же заторопилась домой.

Я заметил, как горько усмехнулась Ирма, но посмотрела на меня и показательно качнула головой: «Не лезь. Не сейчас».

Они собрались в обратную дорогу. Мать ещё раз крепко обняла меня.

— Будь осторожен, сынок. Мы что-нибудь придумаем по поводу твоей хвори...

— Нет, — я отпрянул и внимательно посмотрел в глаза. — Ты ничего не делай, ясно? Сам.

На этот раз женщина лишь поджала губы, а потом кивнула — её взгляд изменился.

— Ты...

Ирма перебила её и похлопала меня по плечу своей сухой рукой.

— Вижу, что из тебя толк выйдет, малец. Только головой думай, а не жопой, понял меня?

Храбрые в лесу долго не живут.

Но едва они направились к выходу, как я вспомнил о других ресурсах.

— Ирма, стой! — окликнул я бабуку. — У меня ещё кое-что есть, может, что возьмёшь?

Старуха остановилась и обернулась, её глазки сузились с недоверием.

— Опять Ирма? Раньше всё же бабушкой звал. Ну ладно, мне так даже больше нравится, а то был как слюняй, всё сюсюкался. — Она поставила корзину на пол и скрестила руки на груди. — Что там у тебя? Лунный пырей — это редкость, а всякую ерунду я не беру.

— Не ерунда, — заверил я, махнув рукой. — Иди сюда, покажу.

Ольга и Ирма переглянулись. Мать пожала плечами, а старуха вздохнула, но любопытство взяло верх. Они вернулись в глубь избы, где я достал все собранные ресурсы, которые определила система: Морозная мята, Светопряд радужный, Горечь-корень, мякотник целебный.

Старуха тут же оживилась, склонилась над травой и принялась.

— Морозная мята! — воскликнула она, осторожно взяв несколько веточек. — Отлично! Свежая... — Она повертела листья на свету, изучая их структуру. — Заберу, продам. Согласен?

— Согласен, — кивнул я, мысленно отметив, что моя догадка начинает подтверждаться.

— О! и серебряная губка, да ещё молодая! Эти для настоек от лихорадки идут.

— Ну а это? — я кивнул на два оставшихся ресурса. Ирма лишь мельком взглянула на них и поморщилась.

— А что, не знаешь? — проворчала она. — Всё в избу тащишь как хомяк припасы за щёки, а сам в реагентах для питомцев не разбираешься. В зельях это не используется.

Она отодвинула растения в сторону и с подозрением уставилась на меня:

— Зачем ты это тащил, а? Откуда знаешь, что горечь-корень полезный? И как ты вообще о нём узнал, он же в земле!

Ольга тоже наклонилась к столу.

— Слушай, старая... А ведь правда... — она указала пальцем, хмурясь. — Он ведь собирал такие, я помню...

— Не он, а Саша. Да, мой сын просил порой помогать ему с травами и реагентами для питомцев. Чтоб собирала в безопасной зоне. Но вот чего это ты вдруг их собрал, парень? — бабка вновь с подозрением посмотрела мне прямо в глаза.

Значит, моя догадка была верной! То, что система помечала как «реагент», травница забирала с радостью, это для снадобий. Но другие ресурсы, которые я собрал — только для зверей.

— Так значит они нужны Звероловам? — осторожно, без нажима, спросил я. С ней пере-
гнёшь и быть беде.

— Так и есть, — проскрипела старуха. — Но эти прохиндеи Ефим и Григорий сами с охраной ходят в опасную зону, в безопасной вроде как редко что полезное для боевых питомцев растёт. Да и их самих особо не водится.

Стало ясно что часть моих тщательно собранных заготовок оказалась совершенно бесполезной для торговли с алхимиками, зато крайне ценной для разведения питомцев. Ведь навык не зря подсвечивает мне эти ингредиенты.

Ирма вдруг презрительно фыркнула, скривив губы в гримасе отвращения.

— Не понесу же я это им? — В её голосе звучала открытая враждебность. — Да я скорее козам скормлю, чем им что-то продам после всего, что случилось!

Наступила тяжёлая тишина.

— Но что ему делать со всем этим добром? — спросила Ольга.

— Займись уже ремеслом Зверолова, как положено! — не выдержала Ирма и ткнула мне пальцем в грудь.

Её глаза вспыхнули раздражением.

— Что ты мучаешься? Знаки у тебя есть, руки из правильного места растут, головой думать умеешь. Питомца заведи, хотя бы полезного, за боевым тебе рано ещё в опасную зону!

— Эй! — резко воскликнула Ольга, поворачиваясь к старухе всем телом. — Я же уже всё сказала!

— И что, что сказала?! — рывкнула Ирма, её терпение лопнуло как перетянутая струна. — Ты оглянись вокруг, трусиха! Твой сын один в лесу живёт, дом вон прибрал, еду добывает, деньги зарабатывает! Он за несколько дней больше сделал, чем некоторые балбесы деревенские за месяц!

Старуха размахивала руками, её голос становился всё громче и резче.

— Он уже мужчина стал, а ты всё сюсюкаешь с ним, как с младенцем! Не даёшь развернуться мальцу! А потом удивляешься!

Ольга сжала губы до белизны, руки дрожали, и между женщинами повисло напряжение, которое можно было резать ножом.

— Я сам всё решу, не вам за меня думать, — сказал хоть и с улыбкой, но достаточно серьёзно, чтобы они замолчали.

Ольга вздохнула, её плечи поникли. Она смотрела на меня с грустью и пониманием, словно уже знала, какой выбор я сделаю.

— Слушайте, мне бы чуть утвари, да материалов каких... — перевёл я разговор в другое русло.

Ирма одобрительно кивнула.

— Это точно, даже тряпок нормальных нет! На три серебряка, что ты себе оставляешь, можно многое придумать. Что конкретно хочешь?

— Во-первых, посуда, — начал перечислять я, загибая пальцы и мысленно представляя будущее хозяйство. — Горшки глиняные разных размеров для хранения. Банки с плотными крышками. Ступку...

Ирма лишь молча кивала, выслушивая мои пожелания — будто мысленно составляла список покупок.

— Во-вторых, — продолжил я, воодушевляясь перспективами, — инструменты. Сито, мешочки из плотной ткани, верёвки... Нож бы хороший ещё для срезки.

— Точно! — Ольга вдруг засуетилась и полезла за пазуху. — Совсем забыла!

Её лицо озарилось внезапным вдохновением.

— Я должна была дать тебе это ещё тогда, когда... когда тебя изгоняли. Но сразу найти не смогла, а времени мало было. Потом Ефим запрещал первые дни приходить. А отдавать такое ему, чтобы он передал, я не решилась. Слишком ценная вещь.

Она достала что-то завернутое в плотную ткань тёмного цвета. Развернула аккуратно, бережно, словно держала в руках спящего младенца.

— Это нож твоего отца, — тихо произнесла она, протягивая мне свёрток. — Профессиональный нож Зверо́лова. Он говорил, что это самая важная вещь в вашем ремесле.

Я взял тяжёлый свёрток и медленно развернул ткань.

Дыхание перехватило.

Клинок в ножнах был длиной с мою ладонь и блестел холодным стальным светом, без единого пятнышка ржавчины или царапины.

Сталь была особенной — не похожей ни на что, что я видел раньше. Это была работа не просто кузнеца, а какого-то мастера-волшебника, не иначе.

Рукоять сделана из тёмного дерева.

Сам клинок был универсальным — достаточно широким для разделки крупной дичи, но с тонким остриём для точной, деликатной работы.

Я взял нож в руку, и он лёг как влитой. Словно был сделан специально под мою ладонь, под размер моих пальцев. Идеальный баланс между клинком и рукоятью, идеальный вес — не слишком тяжёлый, но и не лёгкий. При лёгком движении кисти он послушно следовал.

— Ох, — выдохнул я. — Да это не нож, это настоящее сокровище.

Ольга кивнула, в голосе появились тёплые, любящие нотки.

— Твой отец берёт его пуще глаза. Говорил, что хороший нож для Зверо́лова — это не просто инструмент, это продолжение его руки, его воли.

Продолжение его воли? Интересная фраза...

Ирма подошла ближе и взглянула на оружие своими острыми глазками.

— Хороший нож. Теперь он в нужных руках.

Только я заметил, как дрогнули её тонкие губы, как она быстро отвернулась...

Растрогалась.

— Спасибо, — сказал я серьёзно, убирая клинок в ножны, которые тоже впечатляли — кожа выделана идеально.

Бабка повернулась к нам, откашлялась и поправила платок на голове.

— Ольга, чёрт тебя дери! Хватит сопли разводить! — проворчала она. — К делу, идти пора! Так что там ещё нужно, кроме посуды и прочей утвари?

Я улыбнулся её попытке скрыть эмоции и продолжил перечислять необходимое.

— Ладно, мы пойдём, — сказала Ольга, крепко сжав мои руки. — И помни — дом твой хоть и здесь пока, но семья твоя там, в деревне.

— И голову включай почаще, — добавила Ирма, подмигнув мне.

Я проводил женщин до края поляны.

Ирма семенила впереди, крепко сжимая корзину с моим лунным пыреем и другими реагентами. Её сгорбленная фигурка казалась совсем крохотной на фоне высоких деревьев, но шла она уверенно, не спотыкаясь на корнях и кочках. Годы хождения по лесным тропам давали о себе знать.

Вдруг бабка остановилась как вкопанная, всматриваясь вперёд. Её острые глазки прищурились, а губы растянулись в знакомой ехидной усмешке.

— Ох, внучок, — протянула она с характерной издёвкой в голосе, — Что-то у тебя тут в лесу народа больше, чем в самой деревне. Глянь-ка, кто ещё к нам пожаловал.

Действительно, по тропинке к нам навстречу шли две фигуры.

— Стёпа? — негромко позвал я, узнав парнишку.

— Кто ж ещё! — откликнулся парень, выходя из тени деревьев. — Привет, а я тут не один. Тебе пришли сказать спасибо.

За Стёпой появился второй человек — более высокий, движения неуверенные, словно он ещё не до конца восстановился после травмы.

Барут.

— Добрый вечер, — сказал Барут, приближаясь к нашей группе. Голос у него был ещё слабый, хриплый, но твёрдый.

Даже рубаха не закрывала следы от недавних ран на груди — четыре зажившие борозды тянулись от ключицы.

Алхимия в этом мире творила чудеса, но шрамы всё равно остались. Розовые полосы на бледной коже напоминали о том, как глубоко кошка вонзила когти.

— Вы чего тут? — спросил я, нахмурившись.

Стёпа виновато развёл руками.

— Это я дорогу показал, — признался он. — Он весь день меня искал, попросил привести. А что, не надо было?

— Зачем ты пришёл, Барут? — нахмурился я. — Мы с тобой уже давно не общаемся.

Конечно, он был мне нужен, но показывать этого я не собирался. Да и кто его знает, может очередной финт старосты?

Парень шагнул ближе, в глазах — решимость.

— Я тебе должен, — сказал он тихо, но отчётливо. — И пришёл об этом поговорить. Мне не нравится ситуация, в которую ты попал.

— Ха! — скрипнула Ирма. — Мне тогда помоги, Мастер-богатеи. Огнежар мой был. Ладно, Ольга, пойдём отсюда. Похоже здесь нашим бабским ушам не место.

Мама кивнула мне, и вскоре они со старухой скрылись среди деревьев.

А я смотрел на Барута и размышлял, что, похоже, наконец-то узнаю чуть больше.

— Если хочешь мне помочь, — сказал, цепляя ножны с ножом на пояс. — То поговорим о том, что произошло на дуэли.

Стёпка на мгновение напрягся и бросил взгляд на парня. Тот замер на мгновение, словно собираясь с мыслями, а потом кивнул.

— Я ведь пришёл сюда не просто так. Так что и это расскажу.

Именно с этим парнем я и хотел поговорить, планируя на завтра вылазку в деревню. Но на ловца и зверь бежит.

Глава 24

Я кивнул парням приглашая пройти в избу.

Усадив их за стол, молча выложил хлеб, сало и сыр, а также налил прохладной воды в глиняные кружки. Гостеприимство — это нормально, да и на парнишку без слёз не взглянешь.

Барут пил жадно, словно пересохшее горло давно ждало этого момента. На его лице всё ещё читалась слабость после отравления — кожа была бледной, под глазами залегли синие круги, а руки слегка дрожали.

— Ну что, — начал я, садясь напротив, — давай рассказывай, как так вышло на той дуэли.

Парень поставил кружку и провёл рукой по волосам. На миг его лицо омрачилось, но он мотнул головой.

— Макс... Я понимаю, что после всего, что с тобой произошло... — он на секунду прервался. — Короче, не надо жалости.

— Говори, — буркнул я, скрестив руки на груди.

Пока что я не мог доверять этому Баруту, уж слишком длинные руки были у Ефима. Сейчас нужно просто перевести диалог в нужное русло и убедиться, что парень мне не враг.

Стёпа нетерпеливо ёрзал на табурете, явно сгорая от любопытства.

Барут вздохнул и посмотрел в окно, где уже опускались вечерние сумерки.

— Моя кошка... Моя бывшая кошка... она не обычная. Полосатый ядозуб. Отец купил её у торговца из столицы за серьёзные деньги. Сказал, что настоящему Мастеру нужен достойный питомец, что с такой кошкой я смогу завоевать уважение в деревне, а также неплохо зарабатывать. В будущем, когда освоюсь. Хотел, чтобы я в элите служил, лучших Звероловов охранял в походах к Расколу.

Он замолчал, сжав губы.

— И что пошло не так? — подтолкнул я.

— Всё, — горько усмехнулся Барут. — Понимаешь, я же Мастер, я умею лишь команды отдавать через связь. Не то, что Звероловы...

Стёпа нахмурился.

— Так ты о чём?

— Я был тупым бараном с дорогой игрушкой, — честно ответил Барут. — Думал, что она должна мне беспрекословно подчиняться. Ошибался. Опыта-то не было!

Он отпил воды и продолжил:

— Эти кошки... они редкие. Поэтому — особенные. Гордые, независимые. Почему-то их крайне редко удаётся поймать. А я пытался ей приказывать, будто обычной собаке.

Так... Куда-то не в ту степь несёт парня.

— Так что с дуэлью-то?

Барут помрачнел, его голос стал тише.

— Сразу к делу, да? Блин, если б не отец мой, не признался бы, но ладно. Э-э-эх, парни, только никому... Я помню, как мы дружили, а теперь ты, Макс, мне жизнь спас, так что долг я тоже отдам. Все эти «бедный-богатый» не для меня. Поэтому расскажу. Виола вызвала меня на дуэль из-за... — он запнулся и неожиданно покраснел. — Чёрт, как же это глупо звучит теперь...

Ох, а я, похоже, уже вижу, к чему всё идёт. И что они в ней находят?

— Ну-у-у-у-у? — поторопил его Стёпа.

— Дело вообще не в том, что я её оскорбил, она этот слух и распустила, — выдавил из себя Барут. — Наоборот. Я... я... Короче решил произвести впечатление своим питомцем!

Я неспешно нарезал парням бутербродов с сыром, а сам отпил воды из кружки.

— Впечатлил? — лицо Стёпки на миг потемнело.

— Подошёл к ней у лавки Гануса, — продолжил Барут, всё больше краснея. — Кошка шла рядом, все на неё пялились — редкий зверь всё-таки. Виола тоже заинтересовалась. Спросила, что за порода, сильная ли...

Стёпа хмыкнул:

— И ты начал заливать.

— Да уж, — Барут сокрушённо покачал головой. — Рассказал, что кошка одолеет любого зверя в округе, что даже у Ефима звери могут быть слабее, если кошку на следующую ступень переведу.

— Ага, слабее, — фыркнул Стёпка. — Ты его фурию хоть раз видел?

Барут потёр лоб, словно пытаясь стереть неприятные воспоминания.

А парнишка-то, похоже, не врёт. По крайней мере в такое я легко могу поверить, да и актёрских курсов он точно не заканчивал - сидит вон красный, как помидор. Дорогущая кошка, возвращение домой и тут же местная нагловатая красотка. Вот только Барут выкладывает всё как на духу, даже странно. Хотя в моей памяти он таким и был — болтал без умолку, откровенный, рубаха-парень.

— А Виола засмеялась надо мной, нормально, да? — продолжил он с раздражением. — И говорит, мол, громкие слова для того, кто их ни разу не доказал. Попробуй победить меня на дуэли, тогда и поверю. Никто не знал в чём дело, она шёпотом сказала.

— Да уж, — выдохнул я. — Зацепила тебя. А ты и согласился?

— И я согласился! — ответил Барут угрюмо. — Подумал, это же Виола, чего там её волк без тренировок против такой кошки. Лёгкая победа.

Я с удивлением покачал головой. Настолько всё просто? Мне было думалось, что здесь замешана какая-то очередная подстава Ефима, или хитрость Виолы, но нет. Однако, даже это дало мне информацию о звере. Очень важную информацию.

— И когда дошло до дуэли, ты...

— Я был готов! — вспыхнул Барут, но тут же поник. — То есть думал, что готов. А когда понял, что все вокруг ждут от меня красивой победы...

Он отпил воды дрожащими губами.

— Кошка это ощутила, знаете. Моё состояние. Звери же чувствуют хозяина, это очень важно... Когда я дал команду атаковать, она просто посмотрела на меня так...

Я молчал. Парень и так боролся с собой, спугну ещё.

А кошка-то не приняла Барута за настоящего Мастера, не признала. Сам факт бунта это подтверждал.

— ...И легла умываться. А потом все засмеялись. Виола тоже хихикала.

Стёпа наклонился вперёд:

— А волк что?

— А ничего, ждал команды. А её не было. И вот дальше всё ещё хуже стало, — горько признался Барут. — Попытался заставить кошку силой. Активировал всю мощь связи, попробовал принудить её к бою. И... слегка оскорбил. Разозлился.

Он непроизвольно потрогал шею, где под рубахой всё ещё виднелись следы когтей.

— Она напала на меня, но не сразу. Сначала... сначала встала, подошла и посмотрела прямо в глаза ещё раз. Знаешь, у неё взгляд такой... будто видит тебя насквозь. И там было столько презрения... — Барут сглотнул. — А потом она тихо зашипела, и я понял, что сейчас умру.

— Словно наказала за то, что посмел применить давление, — задумчиво протянул я. — Знаешь, хотела бы убить, убила бы. Оскорблять гордое животное и правда не стоило... Ну да ладно, и что Виола?

— Испугалась конечно, — неожиданно ответил Барут. — Когда это всё произошло, она закричала, попыталась остановить её волком, но тот так отхватил! Я-то не видел, слышал визг только.

Интересно, а вот я никаких ран на звере не видел — похоже Ефим быстро подлечил зверюгу.

Барут помолчал, глядя в пустую кружку.

— Знаете, что самое интересное? Когда меня тащили к алхимику, я видел лицо Виолы. Она не просто испугалась, она была в ужасе.

— Почему? — не понял Стёпа.

— Потому что его родители — не последние люди в деревне, — объяснил я вместо парня. — Из совета старейшин. Если бы их сын погиб на дуэли из-за какого-то детского спора... Похоже Виола прекрасно понимала, чем это может обернуться для неё и деда.

Барут оторопело уставился на меня, а затем задумчиво кивнул.

— Если бы не твоя настойчивость с огнежаром... — согласился он. — Я должен тебе, Макс, знаю редкость и ценность этого цветка. Когда мне рассказали всё, стыдно стало, что так долго не общались, честно. Ты зла уж не держи, а? Я много раз хотел тебя навестить, пока ты болел дома. Но потом как-то... И уехал в город, в общем.

Стёпа почесал голову:

— А кошка-то где теперь?

— В лесу где-то, наверное, — пожал плечами Барут. — После того как напала на меня, просто убежала и исчезла. Но теперь она дикая, и, если её поймают, прикажут убить за нападение на хозяина.

Он поднял на меня глаза:

— Вот поэтому я и пришёл, Макс. Хотел предупредить — будь осторожен, она наверняка ещё не ушла далеко. А её яд... ты сам видел, что со мной стало.

Я молча кивнул. Если бы он знал, через что я прошёл вместе с этой зверюгой. А вот то, что её могут убить, неприятно кольнуло где-то в груди. Единственное, что могло её спасти — это мой контроль Зверолова, тогда не посмеют, этот закон я знал.

— Чем ты думал, когда покупал такого зверя? — спросил я спокойно. — Неужели никто не сказал, что она такая гордая? Тебя совсем не учили?

— Учили, да только это же не так работает, — пожал плечами Барут. — Мастера берут на себя обязанности по доверию и управлению питомцем. Мало, думаешь, случаев в городах? Даже не все приручители знают возможности своих питомцев до конца! Хотя, если честно, тот торговец меня предупреждал. Сам виноват. Говорю же — не моё это!

А Барут с виду нормальный парнишка — искренний, чуть слабоват волей, но то дело наживное. Вижу, что правду говорит, действительно верит в свои слова.

Я задумался, переваривая услышанное. Картина начинала проясняться. Гордое, независимое существо, которое не терпит принуждения. Кошка не бунтовала против хозяина — она наказала того, кто не сумел стать достойным её уважения. А ещё — система открывала мне доступ к данным, скрытым от обычных Звероловов. Гордый питомец мог вовсе и не показать свой навык, а мне данные доступны сразу. Вряд ли это касается всех зверей, многое зависит ещё и от ступени Зверолова и его опыта, но всё-таки!

— Ты её боишься? — спросил я, заметив, как руки Барута чуть дрожат.

— Виолу? — он вскинул брови.

— Тьфу ты... Кошку!

Стёпка хохотнул, а Барут честно кивнул.

— Немного. Но она не при чём. Сейчас я понимаю, что не смог наладить с ней контакт, не понял её природы. Относился как к вещи, а не как к разумному существу. Отец мне серьёзный нагоняй выдал... Никогда не забуду этот урок. Такого зверя дал, а я всё потерял.

— Да уж, башка кругом от всего этого, — покачал головой Стёпа и перевёл тему. — А сейчас что думаешь делать?

— Откажусь быть Мастером, — тихо сказал Барут. — Родители, конечно, против, даже не знаю, как их уговорить. Не создан я для этого. Лучше займусь торговлей, как дед, всегда душа к этому лежала.

— Ты бы не торопился, — серьёзно сказал я. — Подумай, как всё-таки Мастером остаться. Подход у тебя сейчас так себе вышел, если честно, но потом жалеть будешь.

Стёпа вдруг наигранно тяжело вздохнул.

— Э-э-э-х, всегда хотел быть Мастером...

— Это мы в детстве всё Мастер, да Мастер. Я тебе, Макс, вообще завидовал, что ты Зверо́лов. — Барут чуть улыбнулся.

Стёпка вдруг принялся и повернул голову к печи, где на сковороде стояло моё жаркое из рябчика.

— Максим, а что это так вкусно пахнет? — спросил он, и в голосе явно прозвучали голодные нотки.

Я проследил за его взглядом и усмехнулся:

— Рябчик с картошкой, сегодня готовил.

— Блин, круто! — протянул Стёпа, сглатывая слюну.

Барут покосился на сковороду, но вида не подал.

— Сейчас наложу, — предложил я, вставая.

— Спасибо! — оживился Стёпа, а потом спохватился и добавил неуверенно: — То есть, если не жалко, конечно...

— Дурак что ли? Барут, ты как? Жаркое будешь? — обратился я к парню.

Тот покачал головой:

— Спасибо, я недавно поел. Мать заставила похлебать бульона перед выходом. Ганус говорит, после отравления нужно осторожнее с едой.

Я кивнул, потом взял деревянную тарелку и щедро наложил Стёпе остывшее жаркое. Кусочки рябчика, золотистые от обжарки, перемешанные с рассыпчатой картошкой, пропитанной мясным соком.

— На, ешь, — поставил тарелку перед Стёпой. — Приятного аппетита.

Он схватил ложку и тут же принялся за еду. По его лицу было видно, что плевать ему холодное там жаркое или тёплое — ел жадно, но аккуратно.

— Ох, Макс, это же объедение! — воскликнул он с набитым ртом. — Как ты его готовил? Мясо прямо м-м-м-м, вкуснотища!

Я усмехнулся, садясь обратно:

— Секрет не скажу, всё равно не запомнишь. Если что покажу при случае.

Стёпа продолжал уплетать жаркое, время от времени довольно вздыхая — будто даже не слышал мой ответ.

— А мясо где взял? — поинтересовался он, вытирая рот рукавом.

— Силки поставил у ручья, — объяснил я. — Рябчика словил.

Барут удивлённо поднял бровь:

— Ты сам силки делаешь? А не покупаешь готовые?

— Зачем покупать то, что можешь сделать? — пожал я плечами. — Прутья, верёвка — и готово.

— Вот это да, — покачал головой Барут. — В городе мне рассказывали, что настоящие Зверо́ловы должны всё уметь делать своей силой, а ты как-то странно всё это...

— Так это неразумно, — не согласился я. — В лесу никто тебе ловушку не принесёт, если сломается. Материалы под рукой всегда есть, лес на то и лес.

Стёпа доел последний кусочек и удовлетворённо откинулся на табурете:

— Спасибо! Такого вкусного мяса давно не ел. Слушай, Барут, а что за город-то? Расскажешь? Мы же тоже не общались. В столице был?

— Не-а, — улыбнулся Барут. — В «Драконьем Камне».

Я наострил уши. Информация о большом мире была мне крайне нужна — память Макса всё ещё была размыта.

— Расскажи, — кивнул. — Интересно послушать.

Барут откинулся на спинку табурета.

— Про что рассказать-то?

— Ну про обучение Мастеров расскажи! — выпалил Стёпа. — Про что ещё-то!

— Так себе обучение, раз меня моя же кошка подрала, ха-ха, — рассмеялся Барут. — Там показывают, как правильно кормить, как ухаживать. Но, если честно, я больше другим увлекался.

— И чем же? — спросил я.

— Там специально проводят дуэли питомцев. Ставки огромные... многие разоряются на таких играх, а у меня глаз намётан, так что заработал.

— И всё? — я вскинул брови в недоумении. — Этим ты занимался целый год?

Вот же азартный парень.

— Нет конечно! — оживился Барут. — Там чего только нет, я же впервые в городе был! Есть аукционы, где торгуют редкими зверями. Есть обычные лавки для простых питомцев. Всё это изучал, интересно было. Честно сказать, мне будто просто питомцами торговать сподручнее, что ли. Нравится это дело!

— Кстати да, ты же сказал, что кошку продал торговец, а не Зверолов. Это как? — поинтересовался я.

— Ну а что мне мешает купить прирученного питомца, например, у Ефима, а потом продать втридорога какому-нибудь Мастеру? Торговля зверьми очень даже развита. Конечно, перекупщики тоже Мастера, иначе никак. Чёрт, может и вправду подумать об этом...

Он увлечённо рассказывал о своих планах торговли ещё минут десять, и я внимательно слушал. Много полезного, хотя большую часть я уже понял интуитивно.

— О! О! О! — Стёпка чуть ли не подпрыгивал на стуле. — Слушай, Барут, так может такую торговлю и сделаем? Макс будет зверей ловить, а мы продавать.

— Ага, классная идея, — я расхохотался и подумал о том, что наконец-то могу перевести разговор в нужное мне русло. — Обувать меня будете, да? И вообще, я ведь не ловлю питомцев.

— Почему? — вскинул брови Барут.

Что ж, раз пришёл помочь, помогай.

— А скажи мне, ты ведь недавно из Драконьего Камня вернулся, правильно же?

— Ну да, — кивнул он, удивляясь резкой смене темы.

— Значит, все новости королевства знаешь? Все указы и распоряжения?

— Ну, наверное... — Барут нахмурился, не понимая, к чему я веду. — А что случилось?

Я откинулся на спинку табурета, внимательно глядя ему в глаза. Что ж, пора делать ход.

— Ты спросил меня, почему не ловлю питомцев. Так вот, потому что Ефим запрещает. Королевским указом о запрете ловли питомцев для юных Звероловов. Мол, разрешение короля нужно, а неопытным нельзя. Мол гибнут часто.

Я взглянул на Стёпку — сидит и моргает, делает вид, будто не в курсе, что я уже ходил на охоту. Всё правильно, я же просил сохранить секрет. Он, кстати, даже не знает, поймал ли я кого.

Барут моргнул раз, другой, потом покачал головой:

— Какой указ? Макс, я что-то не понимаю.

— Да вот такой, — настаивал я, — я же всё объяснил. Староста Ефим постоянно на него ссылается.

Лицо Барута исказилось недоумением. Он посмотрел на Стёпу, потом обратно на меня: — Макс, ты о чём? Какое к чёрту разрешение? Я только из «Драконьего Камня», там этих Звероловов достаточно, там же гильдии! И никто даже не заикался ни о каких ограничениях!

Стёпа подался вперёд:

— Как это никто? А староста говорил Максу...

— А что говорил староста? — резко спросил Барут, и в его голосе появилась сталь. — Что королевская власть решила ограничить деятельность Звероловов? Бред собачий!

Он встал и прошёлся по комнате, явно взволнованный:

— Да королевство только и мечтает о большем количестве Звероловов! С каждой покупки питомца казна получает налог. Чем больше зверей ловят и продают, тем больше Мастера сыпят денег в королевскую сокровищницу. Чем сильнее и лучше звери у Мастеров, тем сильнее королевство! А турнир, а? Скоро же турнир будет между королевствами, думаете короне плевать на то, как она себя покажет? Нет, пацаны, фигня это какая-то!

Я так и думал. Даже не зная экономических реалий этого мира, чувствовал нутром — власти должны быть заинтересованы в развитии прибыльного ремесла, а не в его ограничении.

А ведь Виола и Григорий в курсе и подыгрывали Ефиму, вот это уже очень интересно. Но он скорее ввёл их в заблуждение, нежели озвучивал им истинные причины.

Я почти с первого дня догадывался о том, что этот запрет выдумка. Вот только пустословить и вскрывать свои подозрения смысла не было.

Но сейчас передо мной сидел сын влиятельной семьи из совета, который был обязан мне жизнью, и это всё меняло.

— Ты уверен? — спросил, хотя уже знал ответ.

— Абсолютно! — горячо воскликнул Барут. — Да на моих глазах какой-то деревенский парень, который тоже был на обучении в гильдии, спокойно ушёл в лес ловить питомцев! И никто не требовал у него никаких разрешений. А он вообще только обряд в своём городе прошёл!

Стёпа разинул рот:

— То есть староста врал? Макс, вот почему ты говорил, что это план старосты, когда тебя изгоняли?

— Стойте, — глаза Барута сузились. — Но зачем? Зачем Ефиму врать про несуществующие законы?

— А ты как думаешь? — серьёзно спросил я.

Барут задумался и нахмурился:

— Да мне-то откуда знать, мои родители с ним не в ладах. Тоже вечно подозревают в чём-то его. Может, чтобы самому продавать питомцев?

— Возможно, — кивнул я и замолчал.

На деле я чувствовал, что это не та причина, но самого главного добился — мне рассказали правду, о которой и так знал.

Стёпа ошарашенно покачал головой:

— Значит, всё это время он лапшу на уши вешал. Обалдеть. Слушай, Максим, а точно, он же про этот указ сказал, как только ты с постели встал!

— Было дело, — задумчиво протянул я.

Раньше было лишь слово больного хворью пацана против самого влиятельного человека деревни.

Сейчас в голове начал вырисовываться план, словно кусочки паззла наконец складывались в единую картину. Теперь, когда у меня есть достоверная информация и неплохая задумка, можно действовать.

Барут подтвердил — никаких королевских указов нет и в помине. Ефим просто прикрывался ими, как трусливая собака, которая лает из-за забора.

Я провёл рукой по лицу. Всё становилось ясно, как день. Сначала старик изолировал меня от деревни — запретил появляться на людях под предлогом заразной болезни. Заставил всех шарахаться от меня, как от чумного. Даже друг детства боялся лишний раз зайти. Потом подкупил лекаря, чтобы тот объявил меня скрытым носителем неизлечимой заразы. А следом — изгнание под вопли толпы, которая требовала избавиться от угрозы. Ведь скоро моё совершеннолетие.

Хитро, надо признать. Чуть топорно, но очень хитро.

Память подкинула недавнюю встречу у лавки Гануса. Тогда я не придавал значения поведению Ефима. Сначала он переживал, а когда понял, что я огрызаюсь, тут же переключился на угрозы. Последнее предупреждение. Очень уж не ожидал, что я так быстро в деревне появлюсь — в тот же день.

А ведь всё логично складывается. Отец мой был сильнее старика, ну или успешнее... Вот Ефим и боялся, что сын пойдёт по стопам. Решил заранее убрать конкурента, пока тот не окреп. Возможно, ему даже нравилось поступать именно так. Эта вечная ехидная улыбка...

В груди разгоралось что-то горячее и злое. Не гнев — холодная ярость. Такая же, какая охватывала в тайге, когда видел капканы, поставленные браконьерами.

Дело за малым — сделать ход. Но не сразу, не сгоряча. Ефим опытный политик, годы интриг за плечами. Власть в деревне огромная, связи по всему королевству. Если атаковать в лоб, легко может вывернуться и повесить на меня всех собак. Нет, нужно действовать умно, терпеливо. Шаг за шагом.

Барут встал и подошёл к окну, глядя на опускающиеся сумерки. Потом резко повернулся ко мне, и в его глазах я увидел решимость.

— Макс, я пришёл сюда не только для того, чтобы рассказать про дуэль и поболтать, — сказал он твёрдо.

Стёпа заинтересованно подался вперёд, а я скрестил руки на груди, ожидая продолжения.

— Объясни, — коротко сказал я.

— Стёп, мы вдвоём поговорим? — вдруг попросил Барут. — Без обид.

Парнишка нахмурился, поджал губы, но молча кивнул и вышел из избы.

— Всё настолько серьёзно? — я вскинул брови.

Барут сел обратно за стол, но теперь его поза была деловой, сосредоточенной:

— Есть ещё одна причина, почему я всё откровенно рассказал, Макс. Моя семья уже давно в конфликте со старостой. И я рассказываю тебе это, потому что ты вряд ли ему друг, понимаешь? Ефим постоянно давит на родителей, навязывает свои решения.

— То есть как это?

— Он забирает себе власть, — выпалил Барут. — Вот есть у нас совет старейшин, который должен принимать решения. А фактически Ефим делает что хочет, а остальные только кивают, потому что привыкли жить хорошо. Потому что связи у него, сила Зверолова, деньги.

А ведь Ефим не просто завистливый старик — он коррумпированный тиран, который держит деревню в железных руках. Он имеет огромное влияние, вся деревня подчинялась ему. Как маленький царёк.

Вот и ещё одна разгадка. А я-то всё думал, ну и что случится, если он узнает, что я занимаюсь Звероловством, если указа нет? А то и значит, что угрозы про барона не выдумка. Там, где на кону стоят большие деньги, жизнь одного человека ничего не стоит. Так работало в моём мире, так работает и в этом. Значит ли это, что Ефим может пойти на убийство? Мысли потекли в сторону отца парнишки...

Так, отвлёкся.

— А я здесь при чём? Что предлагаете?

— Так вот, — продолжил парень. — Наша семья готова помочь тебе, если будет нужно. С Ефимом.

— А что вы за это хотите? — прямо спросил я.

Барут усмехнулся:

— Честно? Отец говорит, что ему это принесёт огромное удовольствие...

— И подорвёт авторитет старосты? — я хмыкнул. — Договаривай уже.

— Может быть, — Барут пожал плечами. — Таким со мной отец не делился. Но я тебе говорю как есть.

Видимо, семья пацана действительно серьёзно настроена.

— Хорошо, — сказал я наконец. — Понял. Но мне нужно время, чтобы обдумать всё.

— Договор! — Барут кивнул и поднялся. — В общем, на нашу помощь можешь рассчитывать.

— Отлично, — улыбнулся я. — Очень даже отлично.

Когда мы с ним выходили из избы, я позвал Стёпу.

— Эй, — сказал, отводя его в сторону, подальше от Барута. — Минутку.

Барут понимающе кивнул и остановился у крыльца, с любопытством осматривая хозяйственные постройки.

— Слушай, — я понизил голос и с улыбкой спросил. — А ты Виолу не терял случайно тогда в лесу, а? Ты же обещал помочь, увести их подальше от ручья.

Стёпа виновато опустил голову.

— У-у-у-ух, Макс, извини... Хотел тебе рассказать, но не успел — тебя же сразу изгнали после проверки.

— Так что пошло не так?

Он вздохнул и посмотрел мне в глаза.

— А то, что Виола хитрая, как лиса, — горько усмехнулся Стёпа. — Минут через двадцать она заявила, что устала ходить по кругу, и отправила меня с Верой и охранниками за водой к дальнему роднику. Сказала, мол, сама немного поищет травы рядом, а потом нагонит нас.

Он развёл руками.

— Не мог же я отказать ей... А когда не дождались и вернулись, её уже не было. Ринулись искать, так она сама на нас вышла.

Значит, всё-таки Виола специально от всех отделилась.

— И что сказала?

— Ничего особенного, — Стёпа нахмурился. — Я про зверя никому не говорил, честно. Кстати, а ты поймал?

Видимо Стёпа в той ситуации мало что мог сделать. А про зверя пока говорить не буду, незачем подставлять мальчика, меньше знает — крепче спит.

— Нет, не поймал. Ладно, не парься.

— Слушай, ну извини, не смог тебе помочь, — угрюмо пробормотал он.

— Да ладно тебе, — я хлопнул его по плечу. — Всё равно спасибо, что попытался.

Когда пацаны ушли, я долго сидел в избе, обдумывая произошедшее. Теперь нужно разработать план действий.

Но самое главное — я наконец-то получил подтверждение того, что имею полное право заниматься ловлей питомцев. Догадки догадками, но поддержка семьи Барута развязывала мне руки.

Совсем скоро мне будет восемнадцать. Ничего, Ефим, терпения у егеря в избытке. Ловушку поставлю, приманку разложу и подожду.

Глава 25

Утром я долго стоял на крыльце своей избы, вдыхая свежий воздух и наблюдая, как солнечные лучи пробиваются сквозь кроны деревьев, создавая причудливые узоры на траве поляны. Прошло чуть больше недели с тех пор, как я поселился в этом месте, и за это время всё кардинально изменилось.

Хозяйство преобразилось.

Я оглядел поляну с удовлетворением человека, который наконец-то обустроил себе достойное пристанище.

Повернувшись к избе, невольно улыбнулся. Ещё недавно внутри царил хаос — пыль лежала толстым слоем, паутина свисала с потолка, а воздух был застоявшимся и затхлым. Теперь же всё сияло чистотой.

Я методично выметал каждый угол, скоблил полы до блеска, мыл окна до прозрачности. Работа эта была знакомой — в тайге тоже приходилось содержать избушку в порядке, иначе быстро превратится в берлогу.

На полках теперь аккуратными рядами стояли глиняные горшки и банки с плотными крышками — всё то, что Ирма притащила на мои деньги.

Старуха оказалась хозяйкой что надо. Когда продала лунный пырей — сразу же запрягла пару деревенских парней и заставила их тащить сюда всё необходимое. За те деньги, что им предложила бабка, они согласились бы нести всё даже в ад, но мне всё же пришлось уйти в лес. «Заразный» ведь.

Ирма купила не только посуду. Хорошие ножи, топор с крепким топорщиком, серпы для травы, мотки прочной верёвки, иглы и нитки, отрезки плотной ткани. И всё остальное по списку, даже про соль не забыла — целый мешочек крупной белой соли, без которой в хозяйстве никуда.

Ольга, получив свою долю денег, потратила куда я ей и сказал. Ещё и осталось!

Когда Стёпа пришёл с новостями, рассказал, что наш дом преображается на глазах. Крышу залатали, забор поставили новый, во дворе порядок навели. Даже огород она привела в нормальный вид. Но самое главное — позволила себе отдохнуть.

Я довольно усмехнулся, вспоминая это. Ещё парнишка поведал, что оба Зверолова деревни срочно уехали — их вызвали к барону в тот самый день, когда они были у меня. Так вот чего так спешили. И вернутся лишь через пару дней.

Зайдя в избу, осмотрел свои припасы. В тёмном углу, подальше от окон, сушились пучки трав — все аккуратно подвешены на верёвочках.

В подполе на крепких стеллажах хранились ягоды и грибы. «Серебряных губок» я насушил целую корзину — отличные грибы, и вкусные, и целебные. Земляника, разложенная на деревянных подносах, ещё светила слабым внутренним светом. А звёздного шиповника набрал столько, что хватит Красавчику на недели вперёд. Разве что искровый мох мы так и не нашли, и я всё больше убеждался, что находится он в опасной зоне.

Особенной гордостью был мой ледник. Выкопать глубокую яму в твёрдой лесной почве оказалось делом непростым, но я справился, не зря каждый день занимался тренировками. Обложил стенки толстым слоем мха для изоляции, сверху накрыл корой и брёвнами. Получилось отличное прохладное хранилище для мяса и скоропортящихся продуктов.

А мяса у меня теперь хватало с избытком. Силки, расставленные у ручья, работали исправно. За неделю труда успел поймать достаточно птиц — рябчиков, куропаток, даже одну небольшую утку. Часть съедал сам, часть отправлял семье через Стёпу, который бывал у меня довольно часто. Правда Красавчик чужое общество не любил, да и показывать его никому не планировал.

Но не только быт я устраивал в эту неделю.

Тренировочный полигон привёл в полный порядок. Выбросил из клеток всё прогнившее сено, почистил решётки от ржавчины, поправил погнутые прутья. Старые кожаные ремни заменил на новые. Металлические кольца отчистил и смазал жиром, чтобы не скрипели.

Скудненько, конечно, много чего хотелось бы сделать, но теперь здесь хотя бы можно спокойно содержать и тренировать питомцев.

Питомцы...

За всю неделю кошка появилась лишь однажды, дня три назад. Пришла под вечер, когда я возвращался из леса с очередной охоты за травами.

Увидел её, лежащую у крыльца, и сердце ёкнуло. Раны на её боку полностью зажили — только тонкие розовые полоски напоминали о схватке с волками. Шерсть снова лоснилась здоровым блеском, а жёлтые глаза горели прежним огнём.

Я осторожно приблизился и присел рядом. Кошка подняла голову, изучающе посмотрела на меня, а потом вдруг подставила морду.

Погладил её мягкую шерсть, почувствовал, как под ладонью мурлычет мощная грудная клетка. А утром её уже не было. Ушла в лес по своим делам, оставив лишь примятую траву там, где спала.

Но это меня не расстроило. Наоборот, порадовало. Значит, связь между нами укрепляется. Она приходит, когда хочет, и уходит, когда нужно. Именно так и должны строиться отношения с таким существом — на основе взаимного уважения, а не принуждения.

Ещё немного, и я смогу её приручить.

Но основную часть времени я, конечно же, посвящал работе с Красавчиком.

За неделю интенсивных тренировок он научился безошибочно распознавать все виды полезных трав в безопасной зоне леса. Разве что с кровником белоцветным было сложнее — растёт он только в особо влажных местах, но и его Красавчик освоил.

Правда, прокачка шла медленнее, чем хотелось. Я считал, что мне хватит пары дней. Трав в безопасной зоне оказалось не так уж много, особенно магических видов. Но чем реже был вид, тем больше опыта.

Зато регулярное кормление звёздным шиповником, смешанным с мясом птицы, работало отлично. Каждый раз, когда готовил Красавчику такой корм, наблюдал знакомую магическую реакцию — золотистые искры, приятный аромат мёда с хвоей, яркое свечение шерсти зверька после еды. И стабильный опыт в мой актив.

За эту неделю я поднял четыре уровня и теперь был девятого с неплохим запасом опыта. Красавчик вырос до восьмого, и я уже начал всерьёз подумывать о том, чтобы вложить накопившиеся очки в его характеристики. Чересчур уж их уже много.

Но я специально сохранял их, по трём причинам.

Во-первых, до заветного десятого уровня и разблокировки «Экспериментальной эволюции» оставалось уже не так много. Кто знает, какая информация мне откроется, и что за условия нужно будет выполнить?

Во-вторых, на данный момент я изучал лишь безопасную зону леса, ту, где Красавчик был в относительной безопасности.

Ну и последняя. Я всё ещё рассчитывал приручить кошку, и она явно боевой питомец. А учитывая своё положение, очки лучше придержать, вдруг придётся улучшать характеристики именно ей.

Я сжал кулаки, чувствуя, как под кожей запястий пульсируют красные татуировки. Они горели ярче с каждым днём, словно впитывая мою растущую силу.

Спустился с крыльца, призвал горностаю из леса и мысленно вызвал статус.

Статус.

Уровень: 9.

Опыт: 122/233.

Свободных очков: 16.

Навык: «Обнаружение» — поиск полезных ресурсов в радиусе 15 метров.

Особенность: Экспериментальная эволюция. (Заблокировано, достигните Уровня 10).

Питомец: Горноста́й мерцающий.

Уровень: 8.

Опыт: 115/144

Эволюционный индекс: G.

Характеристики питомца:

Сила: 2

Ловкость: 8

Поток: 8

Свободных характеристик питомца для распределения: 10.

Мой опыт. Вот что сейчас было главным приоритетом.

Проблема в том, что, скорее всего, именно за поимку и приручение магических питомцев дают больше всего опыта. Логично — это основная деятельность Зверолова.

Никаких королевских указов, запрещающих звероловство, не существует. А значит, я имею полное право заниматься ловлей питомцев и их продажей.

Вопрос только — каких именно ловить?

Память Макса в этом плане была отрывочной и ненадёжной. Парнишка больше мечтал о Звероловстве, чем изучал его всерьёз. Знал названия некоторых зверей, слышал обрывки разговоров взрослых, но детального понимания того, где кто водится и как себя ведёт, у него не было.

В безопасной зоне магических питомцев было кот наплакал. За всё время я встретил только пару белок с искрящимися хвостами, да и те удрали, едва почуяв мои татуировки. Звери интуитивно чувствовали Зверолова и старались держаться подальше.

Лишь вчера, к вечеру, я наконец-то наткнулся на что-то стоящее. Следы чего-то явно магического.

Отпечатки лап были размером с мою ладонь, с отчётливыми следами когтей. Но самое интересное — вокруг следов трава была примята каким-то необычным способом. Словно по ней прошла невидимая волна, оставляя за собой странный узор.

Я попытался проследить направление движения, но следы обрывались у старого поваленного дуба.

— Что думаешь, малыш? — спросил я Красавчика, который прибежал из леса и покорно сел передо мной. — Отследим?

Горноста́й повернул мордочку и кивнул.

— Помнишь, где мы вчера видели те странные следы?

Зверёк повернулся ко мне и издал тихое урчание.

— Вот туда и пойдём. Нам нужно поймать это существо.

Собрался я быстро — привычка. На пояс повесил флягу с водой и отцовский нож в кожаных ножнах. Перекинул через плечо сумку. Красавчик сегодня решил бежать рядом.

Уже направлялся к лесу, когда краем глаза уловил движение на краю поляны. Полосатый силуэт скользнул между стволов сосен и замер, наблюдая за мной.

Кошка.

Она стояла в тени, не пытаясь скрыться с помощью невидимости. Жёлтые глаза внимательно следили за каждым моим движением. В её позе читалось любопытство — хищница явно интересовалась, куда это я собрался с таким серьёзным видом.

— Привет, девочка, — негромко сказал я, не делая резких движений. — Решила проводить?

Она, разумеется, не ответила, но заметил, как слегка дрогнул кончик её хвоста.

Я медленно пошёл в сторону леса. Кошка двинулась параллельно, держась в тени деревьев. Она не собиралась идти рядом — слишком гордая для этого, но и упускать из виду меня тоже не хотела.

— Как хочешь, — пробормотал я, входя в безопасную зону.

Я шёл по лесу, внимательно осматривая каждый куст, каждое дерево. Красавчик время от времени спрыгивал с плеча и обследовал особенно интересные места, а потом возвращался обратно.

А кошка всё следовала за нами, держась на расстоянии метров в тридцать. Иногда я видел мелькнувший в кустах полосатый бок, иногда пару жёлтых глаз, наблюдающих из-за древесного ствола. Она была осторожна, но не скрывалась полностью.

Дошёл до того места, где вчера нашёл след. Четыре пальца с втянутыми когтями, мягкие подушечки, но слишком глубокий след для зайца.

Осмотрелся, принялся, прислушался. Лес жил своей обычной жизнью — шелестели листья, журчал ручей, где-то вдали каркала ворона.

Мы уходили всё глубже в лес, и с каждым шагом я чувствовал, как азарт охотника просыпается во мне с новой силой.

Красавчик семенил рядом, его золотистые искры в шерсти мерцали в пятнах солнечного света. Время от времени он останавливался, принимаясь к воздуху, и я видел, как его маленький нос дрожит, улавливая запахи.

След терялся на каменистом участке, где грунт был слишком твёрдым для отпечатков. Но я знал, что делать, не зря учил читать природу, а не только следы на земле.

Внимательно осмотрел окрестности. В сибирской тайге я давно научился видеть историю, написанную на языке сломанных веток, примятой травы и потревоженной лесной подстилки.

Кусты барбариса росли особенно густо, образуя естественные коридоры между зарослями. На некоторых ветках я заметил что-то интересное. Подойдя ближе, разглядел крошечные клочки шерсти на колючках — серо-коричневые, жёсткие на ощупь, с необычным металлическим отливом.

— Вот и ты, — пробормотал, аккуратно снимая шерстинки с шипов. — Протискивался тут, да зацепился.

Пощупал волоски между пальцев. Странная структура — каждая шерстинка казалось полой внутри, как игла. И расположение клочков говорило о многом: они висели на уровне моего пояса, значит, зверь был крупнее обычного зайца. А направление, в котором были повернуты зацепившиеся волоски, показывало путь его движения.

Я встал и пошёл по этому невидимому следу. Там — обломанная ветка на высоте полуметра, явно задел кто-то тяжёлый. Здесь — едва заметная вмятина в мху, слишком глубокая для его веса. Значит, он не просто бежал — прыгал. Мощно отталкивался.

— Задние лапы сильные, — пробормотал себе под нос. — Как у зайца, но мощнее.

Красавчик тем временем принимался к каждому кусту, его поведение подсказывало мне направление. Вдруг горностаи замер, наострив уши, и уставился в заросли кустарника слева от нас.

Я инстинктивно затаился. Когда звери вот так замирают, значит, что-то происходит. Прислушался, задержал дыхание.

Сначала тишина, а потом...

Вот оно — едва различимое шуршание! Не ветер, движение слишком ритмичное. Что-то осторожно перемещалось в зарослях, методично, будто обнюхивая каждую веточку.

Кормится. Не убегает, не прячется. Завтракает.

Медленно повернул голову в ту сторону. Между ветками мелькнуло что-то серое. Я начал подкрадываться, ставя ноги так, как учил дед — сначала носок, потом пятка, вес тела переносить плавно.

Ошибка.

Здесьние звери не такие, как в моём мире. Чёрт бы побрал их обострённые чувства к татуировкам Зверолова.

Как только я сделал первый шаг, даже самый бесшумный, из кустов выскочило нечто невообразимое.

Тело зайца, но крупнее — размером с небольшую собаку. Длинные уши торчали вверх, постоянно поворачиваясь, как локаторы. Мощные задние лапы с развитой мускулатурой говорили о невероятной прыгучести. Но главное...

Вся спина была покрыта острыми, как бритва, колючками. Они торчали рядами, словно чешуя дракона, переливаясь на солнце стальным блеском.

Иглистый ушкан. Уровень 11. Эволюционный ранг F.

Зверёк застыл на мгновение, уставившись на меня круглыми чёрными глазами размером с вишню. В них читалось не только испуг, но и оценка угрозы. Умный.

А потом...

Взрыв движения!

Мощные задние лапы толкнули его вперёд с такой силой, что я едва успел проследить перемещение. Каждый прыжок покрывал огромное расстояние, зверь летел между деревьями, как пущенная из арбалета стрела. Колючки на спине сложились назад, уменьшая сопротивление воздуха.

За считанные секунды он преодолел метров двадцать и растворился в чаще, оставив лишь колышающиеся ветки да облачко взвешенной в воздухе пылицы.

— Твою-то мать, — выдохнул я, моргая от неожиданности. — Вот это резвость. И как это приручить, не знаешь, Красавчик?

Такой скорости я не видел даже у тех серых волков. Но тут работала и магия и эволюция — у существа до совершенства доведён механизм спасения. Каждая линия тела была подчинена одной цели: убежать от опасности быстрее любого хищника.

Красавчик тявкнул, будто говоря: «Я же предупреждал!»

— А я-то что, — пробурчал, почесав его за ухом. — Думаешь встречал что ли таких? И давай на чистоту, мне вообще-то нужен физический контакт. Видел его индекс и как он рванул? Да он уровнем выше кошки! Редкий зверёныш, для безопасной зоны так точно.

Но я не расстроился. Наоборот — теперь у меня была информация. А информация для егеря дороже золота.

Подошёл к месту, где кормился зверь. Здесь была целая энциклопедия его повадок.

Сначала изучил следы. Отпечатки передних лап были небольшими, с острыми коготками — классика для грызунов-землекопов. А вот задние лапы... Они оставляли глубокие вмятины, диаметром с мою ладонь. При том, что зверь весил максимум килограммов пять, такая глубина говорила об невероятной мощи толчка.

— Смотри, Красавчик, — показал горностаю. — Видишь разницу? Передние лапки для копания, задние — для прыжков, как у кенгуру.

Я настолько привык разговаривать со своим питомцем, что уже по привычке объяснять ему свои мысли.

Рядом со следами обнаружил помёт — мелкие катышки тёмно-коричневого цвета, почти чёрные. Один разломил и внимательно рассмотрел содержимое. Растительные волокна, измельчённые семена, кусочки корней. Никаких следов мяса, костей, хитина насекомых.

— Чистый вегетарианец, — кивнул сам себе. — Значит, колючки только для обороны.

Это многое объясняло. Травоядное не охотится, значит, ему не нужна агрессивность хищника. Зато нужны способы спасения от тех, кто на него охотится. Скорость плюс броня — идеальное сочетание.

Внимательно изучил место кормёжки. Несколько стеблей были аккуратно срезаны у основания — работа острых резцов. Но главное открытие ждало меня в стороне: небольшая ямка в земле, откуда торчали обгрызенные корешки.

Присел на корточки, изучая раскопку. Земля выбрана аккуратно, горкой сложена рядом. После кормёжки зверь засыпал ямку обратно, скрывая следы.

— Неплохо, — оценил я. — Не оставляет после себя приманки для хищников. Инстинкт самосохранения развит до совершенства.

Красавчик тем временем приюхивался к разным кустам. Вдруг он подбежал к одному из них и начал копать лапками землю.

— Что там, дружок? — тихо спросил я, присаживаясь на корточки.

Подойдя ближе, я увидел торчащие из земли корни — толстые, мясистые, с характерным сладковатым запахом.

— Тот же самый горечь-корень, — протянул я.

Так-так-так... Если зверёк питается именно такими корнями, значит, у него есть излюбленные места кормёжки. Не случайные набегі, а регулярные маршруты к проверенным «столовым».

Я поднялся и начал методично обследовать окрестности, расширяя радиус поиска. И точно — в двадцати шагах обнаружил ещё одну замаскированную раскопку. Потом ещё одну. И ещё.

Постепенно передо мной выстроилась картина. Зверёк жил по строгому расписанию, обходя свою территорию и проверяя кормовые точки. Некоторые ямки были свежими, другие — постарше, но все аккуратно засыпаны.

Следуя этой логике, я вышел к массивным корням старого дуба, потеряв из виду кошку — видимо ей наскучили мои поиски.

У основания самого толстого корня зияло отверстие, а земля вокруг была утоптана.

— Вот твой дом, ушканчик, — пробормотал я.

Но нора — это не просто убежище. Изучив её расположение, я хмыкнул. Отверстие смотрело на юг, значит, внутри было тепло и сухо. Корни дуба создавали естественный лабиринт ходов — если хищник заберётся в один вход, всегда есть запасные выходы. А главное — дуб рос на небольшом возвышении, откуда хорошо просматривались все подходы.

Я сел на пенёк, размышляя. И как поймать зверя с такой скоростью и осторожностью?

Обычные силки не подойдут. Он либо перепрыгнет, либо пробежит мимо так быстро, что петля не успеет затянуться. Капканы тоже бесполезны, да и портить товар не резонно.

Нужен принципиально другой подход.

В тайге для ловли быстрых зверьков я использовал направляющие воронки — конструкции из веток, которые заставляли добычу бежать в нужном направлении, прямо в ловушку. Но здесь скорость была сверхъестественной.

— Не скорость нужно ломать, — пробормотал я. — Нужно использовать его привычки против него самого.

Зверёк осторожен, но не параноик. Он регулярно выходит кормиться в одни и те же места. У него есть проторенные тропки между норой и кормовыми точками. И главное — несмотря на скорость, он всё-таки должен остановиться, чтобы копать корни.

Если я поставлю ловушку не на тропе, а прямо в месте кормёжки, и замаскирую её как естественную «кладовую» корешков...

Вот тут-то я его и возьму.

Красавчик подбежал ко мне и положил к ногам найденный корешок горечь-корня. В его глазах читалась гордость за находку.

— Спасибо, малыш, — погладил я его по голове. — Это тоже пригодится.

Для такой ловушки мне понадобятся особые материалы. Что-то прочное, но лёгкое. И механизм, который срабатывает от веса, а не от движения.

— Пойдём домой, Красавчик, — сказал горностаю. — Похоже опять придётся мастерить.

Обратный путь я преодолел быстро, но внимательно. По дороге запомнил расположение его кормовых троп. Каждая деталь могла пригодиться.

В голове уже складывался план действий по созданию будущей ловушки.

Красавчик бежал рядом, время от времени отвлекаясь на интересные запахи в придорожных кустах. Его белая шерстка мелькала между зелёными ветками, а золотистые искры на хвосте оставляли едва заметный след в воздухе. Хороший зверь, уже понимает ритм моей работы. Не путается под ногами и не отстаёт.

Ещё на подходе к поляне услышал знакомый скрипучий голос, полный праведного гнева:

— ...чтоб тебя волки сожрали, полосатая дрянь! Слазь сейчас же, говорю! Совести у тебя что ли нет?

Что за? По спине пробежал холодок. Полосатая дрянь?

Нахмурился и невольно ускорил шаг, краем глаза заметив, как Красавчик мгновенно юркнул в кусты. Умный зверёк — уже знал, когда лучше исчезнуть.

— Думаешь, раз большая, так можешь что хочешь делать?! — продолжала скрипеть бабка.

Выбежав на поляну, замер как вкопанный.

У крыльца избы на земле лежала Ирма. Лежала не по своей воле — её худенькая фигурка была прижата к земле немалым весом. Немалым весом огромной полосатой кошки.

Глава 26

Я застыл на месте, ощущая, как сердце пропускает удар. Передо мной разворачивалась картина, которая могла бы показаться комичной, если бы не смертельная опасность ситуации.

Огромная полосатая кошка невозмутимо восседала на бабке Ирме, словно та была её персональным троном из живой плоти. Хищница выглядела абсолютно довольной собой — из мощной грудной клетки доносилось громкое, раскатистое мурлыканье.

А под ней Ирма продолжала возмущённо браниться, размахивая худенькими руками:

— Слазь, говорю, полосатая наглячка! Думаешь, раз большая, так и можешь что хочешь делать?! Бессовестная дрянь!

Но странно... Несмотря на весь этот спектакль, я сразу понял, что не вижу от зверя ни капли агрессии. Наоборот, в её поведении читалось что-то игривое, почти детское. В глазах плясали озорные огоньки, а хвост лениво помахивал из стороны в сторону.

— Эй, подруга, — негромко позвал я, медленно приближаясь и стараясь двигаться плавно, без резких жестов. — Может, освободишь пленницу?

Кошка лениво повернула ко мне морду, и наши взгляды встретились. Она медленно моргнула — тот самый знак доверия между кошачьими, когда они показывают привязанность и расслабленность.

Мои татуировки отозвались не просто лёгким теплом — они буквально вспыхнули огнём под кожей. Красные узоры запульсировали в такт моему сердцебиению, и я почувствовал, как между нами протянулась невидимая нить связи. Видимо, мой выросший уровень действительно кардинально влиял на силу воздействия.

— Гр-р-р, — кошка лениво мотнула головой и нить оборвалась. Ах ты ж... Ну хоть без прошлой агрессии.

Хищница величественно потянулась и выгнула спину дугой, демонстрируя каждый мускул своего мощного тела. Затем грациозно поднялась на лапы и спрыгнула с Ирмы.

— Вот так-то лучше, — пробормотала бабка, тяжело поднимаясь с земли.

Она стояла, отряхиваясь и с шумом приводя в порядок помятую одежду. Платок съехал набок, обнажив седые волосы, а на переднике остались отпечатки кошачьих лап. Но самое удивительное — в её глазах не было страха. Только возмущение.

— Наглая морда, — проворчала она, поправляя платок.

Кошка между тем села на траву и принялась умываться, облизывая лапу и проводя ею по морде с таким видом, будто ничего особенного не произошло.

— Макс, убери свою зверюгу подальше от людских глаз, — озабоченно проворчала Ирма. — А то ещё кто увидит...

Вот же... Она даже ничуть не удивилась!

Я понимающе кивнул. Да уж, объяснить присутствие кошки будет крайне затруднительно.

Кивнул зверюге в сторону:

— Иди, девочка. И постарайся, чтобы тебя никто не видел.

Хищница посмотрела на меня с каким-то почти человеческим пониманием. Затем она плавно поднялась, потянулась ещё раз и неторопливо направилась к опасной зоне леса. Её движения были воплощением грации — каждый шаг размерен и точен, а хвост держался высоко, как знамя.

На границе поляны кошка обернулась, бросила на меня последний взгляд и растворилась в тени деревьев.

И едва хищница скрылась из виду, как лицо Ирмы разительно изменилось. Суровые морщины разгладились, маленькие цепкие глазки заблестели, а уголки рта дрогнули в подобии улыбки — редчайшее явление для этой сварливой старухи.

— Ну надо же, — пробормотала она, медленно подходя ко мне и внимательно разглядывая мои руки, где ещё пульсировали красные узоры татуировок. — Ты и правда стал Звероловом. Вот только твой зверь тебя не слушается и делает что хочет! Почему ты такой безответственный?

И вдруг, к моему полному изумлению, она крепко обняла меня. Её худые руки оказались на удивление сильными, в нос ударил запах трав и земли. Объятие длилось всего миг, но и это для Ирмы чересчур.

Она тут же отстранилась и торопливо вернулась к привычному сварливому тону, словно стесняясь проявленной слабости:

— Только не вздумай зазнаваться! Один такой обалдуй в семье уже был, хватит.

Она на мгновение отвела взгляд — старые раны, которые так и не зажили. Эх, а сильная ты, бабка, спору нет. Ещё в первый день тебя зауважал.

От Ирмы теперь точно ничего не скроешь. Да, честно говоря, и не хотелось. Узнала и ладно. Может, даже к лучшему — лишняя пара опытных глаз никогда не повредит.

— Зайдём в избу, — предложил я, кивая в сторону дома. — Поговорим.

Мы прошли по крыльцу, и я усадил бабку за стол, а сам сел напротив, чувствуя, как скрипит под весом старая табуретка.

— И почему зверь на виду, а? — скрипнула Ирма и так ударила ладонью по столу, что я невольно вскинул брови от удивления.

— Кхм, всё не так просто. Эта кошка... — начал я, подбирая слова, — я пока не могу на неё по-настоящему влиять, если что. Слишком сильная, слишком гордая. Она сама выбирает, когда приходить и что делать. Я её даже не приручил, ещё не могу. Сейчас у нас скорее... союз равных.

— Да? — хмыкнула Ирма, складывая узловатые руки на столе. — А мне кажется тебе она доверяет.

Она пристально посмотрела на меня, и в её глазах читалась тревога:

— Только никому ни слова о том, что начал этот путь. Слышишь? Никому! Пока не окрепнешь как следует!

Я усмехнулся, откидываясь на спинку табурета:

— Послушай, никаких королевских указов против звероловства не существует. Барут это подтвердил вчера.

— Даже если так, то что? — воскликнула старуха, и лицо её стало по-настоящему тревожным. Морщины углубились, а глаза сузились. — Значит, Ефим всю эту историю с запретами затеял неспроста. Конкуренция ему не нужна, особенно от кого-то с твоими способностями, это уж точно. Вечно Сашке завидовал, ирод треклятый...

— Завидовал? — переспросил я.

Ирма поджала губы, явно сожалея о сказанном:

— Эх, ну... Да завидовал. Сила у отца твоего была, я же рассказывала. Ни с кем не делился, что и как работает. Только Ольге и признался! Но ты не об этом думай. Главное — будь осторожнее с этим змеем.

Я кивнул.

— Буду осторожнее. И питомцев тщательно скрывать. Слушай. А не могла бы ты передать Баруту просьбу о встрече? Пусть придёт послезавтра утром сюда.

Бабка прищурилась, изучая моё лицо своими острыми глазками:

— Можно, конечно. А что задумал? И не говори, что просто поболтать хочешь — не поверю.

Я уклончиво пожал плечами:

— Пока рано говорить.

Ирма фыркнула, но в её взгляде мелькнуло одобрение:

— Правильно. Я бы на твоём месте уже и себе не верила после всего, что произошло.

Но тут же лукаво усмехнулась:

— Ничего, не скажешь — сама потом догадаюсь.

Не в моём характере было делиться планами, а бабуку действительно уважал, поэтому сменил тему.

— А ты чего пришла-то?

Она порылась в своей плетёной корзине, отодвигая пучки засушенных трав, и выложила на стол небольшой мешочек. Тот мягко звякнул, ударившись о деревянную поверхность.

— Держи. Пятьдесят медяков за травы, что ты позавчера передал. Ганус доволен.

Я взвесил мешочек в руке, чувствуя приятную тяжесть монет. Неплохо. Хватит на самые необходимые припасы, а может, ещё и на что-то полезное для ловушек. Хотя, на те деньги, что заработал с лунного пырея, чего мне только сюда не притащили.

— Спасибо, — искренне сказал я. — И за деньги, и за помощь.

— Да ладно, — отмахнулась она, поднимаясь с табурета и поправляя помятую юбку. — Кровь не вода, внучок. Ольге пока не скажу, так уж и быть.

Она направилась к выходу, но у порога обернулась:

— И ещё, Макс. Эта кошка... это же Барута, да? Ты осторожней.

С этими словами она вышла и, не прощаясь, направилась в сторону леса.

Чёрт, поведение кошки становилось слишком своевольным. Похоже она привыкла ко мне и теперь защищает территорию вокруг избы. Если так дальше пойдёт, мне несдобровать. Нужно поторопиться и сделать ловушку на ушкана, времени реально нет!

Я достал заранее заготовленные на неделе ивовые прутья. Из них сплету основу ловушки — материал гибкий, но прочный. Проволока пойдёт только для спускового механизма.

Прикинул размеры будущей ловушки. Для этого зверя нужна конструкция диаметром чуть больше полуметра — он должен спокойно войти за приманкой, но при этом не иметь места для разбега и манёвра.

Сначала сплёл круглое основание из самых толстых прутьев. Дополнительно укрепил его расщеплёнными ветками дуба — нарезал их ножом на длинные тонкие полосы и вплёл между основными прутьями для жёсткости. Связывал места соединений свежими корневищами «телесника» — всё же он походил на крапиву. Такие узлы не выделяются на фоне природных материалов резким запахом металла.

К основанию прикрепил двенадцать вертикальных прутьев — по шесть с каждой стороны, слегка наклонив их внутрь. Одинарные прутья точно не выдержали бы рывки зверя с мощными задними лапами.

В это время к избе подбежал Красавчик. Горноста́й заскочил в окно и замер, увидев мою работу. Его чёрные глазки заблестели любопытством.

— Вернулся? Смотри, что делаю.

Зверёк осторожно подошёл к столу, обнюхал прутья и одобрительно твякнул. Я невольно улыбнулся.

Теперь самое сложное — спусковой механизм. Для ушкана с его невероятной скоростью нужно что-то мгновенное, но надёжное.

Проволока оказалась слишком жёсткой. При попытке согнуть под нужным углом она лопнула с противным треском, оставив острые концы, которыми я тут же поцарапал пальцы.

— Проклятье, — выругался я, сжимая окровавленные царапины.

Попробовал другой кусок — потоньше. На этот раз получилось согнуть её в виде буквы «Г». Короткий конец закрепил на одном из рёбер каркаса как упор, длинный оставил гори-

зонтально — это будет опорная планка. Под неё подложил небольшую палочку-распорку, а к распорке привязал тонкую бечёвку.

Принцип простой: зверь дёргает за приманку, натягивает бечёвку, выдёргивает распорку, опорная планка падает, и весь верх ловушки схлопывается под тяжестью противовеса.

Красавчик подскочил ко мне на колени и стал наблюдать, как я привязываю к верхушке купола длинную верёвку. Дальше я вышел из избы на свежий воздух и направился к краю поляны. Ещё давно приметил неподалёку россыпь камней. Тогда мельком подумал, что они могут пригодиться, если вдруг понадобится что-то утяжелить.

Присмотрел несколько штук — как раз подходящего размера и веса, чтобы не слишком громоздко, но достаточно увесисто.

Сложил камни в холщовую сумку и уже в избе крепко перевязал её верёвкой в нескольких местах.

Весь груз потянул килограмма на три-четыре — мгновенно стянет рёбра ловушки, не дав зверю опомниться. Даже если он попытается извернуться, камни сделают своё дело быстрее, чем он успеет среагировать.

Настройка спускового механизма заняла много времени — несколько раз приходилось перебирать натяжение, чтобы ловушка срабатывала от веса ушкана, но не от случайного касания мелкого грызуна.

Проверил конструкцию несколько раз, затем достал то, что заказывал у Ирмы на свои деньги — прочную верёвку и несколько отрезков плотной мешковины. Старуха запомнила всё как надо — мешковина оказалась толстой, в два слоя, и точно не порвётся от иголок при схлопывании ловушки.

Отцовским ножом нарезал верёвку на нужные куски и оплёл ими каркас, натягивая мешковину и оставляя промежутки размером с кулак — зверь не должен застрять и задохнуться, да и воздух должен проходить свободно.

Красавчик вдруг настороженно поднял уши и заурчал.

— Не для тебя, малыш, — погладил его по голове. — Для другого зверька ловушка.

Убрал её в угол избы и потёр ноющие плечи. Теперь у меня есть реальный шанс поймать иглистого ушкана.

Самое важное — правильно установить и замаскировать ловушку. Нужно использовать его привычки против него самого.

Из запасов достал горечь-корень. Главный привяжу к спусковому механизму как приманку, остальные закопаю вокруг ловушки, создав видимость богатого кормового места. Ушкан должен подумать, что наткнулся на чужую заначку.

Горноста́й терпеливо ждал, пока я возился, изредка обнюхивая детали ловушки.

— Ну как, Красавчик? Сработает?

Зверёк осторожно обошёл конструкцию кругом, принялся к приманке и одобрительно тавкнул.

Утром встал до рассвета и быстро собрал всё необходимое. Горноста́й, после завтрака и наших регулярных тренировок, семенил рядом.

В лесу стояла предрассветная тишина, воздух пах росой и прелыми листьями. Я добрался до знакомого места, где вчера изучал следы ушкана, и принялся устанавливать ловушку.

Место выбрал тщательно — не на самой тропе, где зверь был бы особенно осторожен, но достаточно близко, чтобы он заметил «находку» во время обхода территории.

Выкопал неглубокую ямку размером с основание ловушки. Аккуратно установил конструкцию, а главную приманку, крупный горечь-корень, привязал к бечёвке. Слегка присыпал землёй, оставив торчать только кончик. Выглядело естественно, будто корень здесь пророс. Вокруг разбросал кусочки других корешков и слегка взрыхлил землю, имитируя место недавних раскопок.

Противовес подвесил на ветке прямо над ловушкой, тщательно спрятав среди листвы.

Особое внимание уделил запахам. Протер всё пучком полыни — её резкий аромат должен был перебить человеческий след. Руки вымыл водой из фляжки потёр мятой, чтобы убрать свой запах.

Фух, ещё немного. Замаскировал края ловушки мхом и опавшими листьями и отошёл в укрытие за толстое дерево метрах в тридцати. Красавчик устроился рядом, его глаза внимательно следили за замаскированной западнёй.

Теперь оставалось ждать и надеяться, что ушкан клюнет на хитрость.

Первые полчаса — тишина. Потом в кустах зашуршало, и я напрягся, но это оказалась обычная белка. Ещё через час появился какой-то мелкий грызун, обнюхал края ловушки и убежал.

Наконец, из зарослей показались знакомые длинные уши.

Иглистый ушкан двигался осторожно, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Дошёл до своей обычной кормовой точки, покопался в земле, что-то нашёл и съел.

Затем направился дальше по маршруту... и замер в трёх метрах от ловушки.

Давай-давай, иди сюда.

Он стоял неподвижно секунд тридцать, только нос дрожал, анализируя запахи. Что-то его настораживало. Может, уловил слабый след металла от проволоки? Или почувствовал, что земля здесь была потревожена?

Ушкан сделал широкий крюк, обходя подозрительное место стороной.

Чёрт. Слишком умён, засранец.

Но животные редко могут долго сопротивляться любопытству. Особенно когда голодны.

Через десять минут зверёк вернулся. На этот раз подошёл с другой стороны, где ветер дул от ловушки к нему — так он мог лучше анализировать запахи.

Обошёл конструкцию по дуге, держась на расстоянии. Его большие уши постоянно поворачивались, улавливая малейшие звуки.

Аромат горечь-корня явно дразнил его. Ушкан приблизился ещё на шаг, потом ещё. Вытянул шею, принюхался... и резко отскочил назад, почуяв что-то неладное.

Но отошёл всего на пару метров и снова замер, разглядывая приманку.

Классическое поведение осторожного травоядного: хочется, но страшно.

Ушкан попытался достать корешки, не заходя в ловушку. Просунул морду между прутьями как можно глубже, но приманка лежала дальше, чем он мог дотянуться.

Тогда попробовал передней лапой. Тоже не дотянулся.

Зверёк явно злился — еда была так близко, но недоступна. Он несколько раз обходил ловушку кругом, ища другой подход.

Наконец голод взял верх над осторожностью. Ушкан сделал то, что делают все зайцеобразные в подобной ситуации — решил взять приманку быстрым рывком и тут же убежать.

Стремительно метнулся вперёд, просунул голову в ловушку, схватил зубами корешок и дёрнул...

ЩЁЛК!

Механизм сработал мгновенно. Противовес рухнул вниз, рёбра ловушки схлопнулись. Ушкан оказался в западне именно тогда, когда пытался выскочить обратно с добычей в зубах. Он тут же взбесился, начал метаться, пытаясь вырваться.

Внимание! Питомец (F) пойман.

Внимание! Получено опыта — 400. Получен Уровень 10.

Иглистый ушкан. Уровень — 11. Эволюционный индекс — F.

Разблокированы разделы: Питание, Тренировка, Медицина.

Я едва сдержался. Наконец-то! Десятый уровень!

Но праздновать рано — нужно доставить разъярённого зверя домой. Сейчас уж точно не до системы.

Ушкан продолжал яростно метаться в ловушке, издавая пронзительные свисты.

— Успокойся! — сказал с привычной твёрдостью, мои татуировки вспыхнули, и сила Зверолова подействовала лишь самую малость. Всё-таки у нас была разница в эволюционном индексе, да и зверь находился в состоянии паники, но чуть успокоился.

Придётся выкручиваться, но я это предусмотрел.

Обмотал ловушку плотной тканью, которую захватил с собой, чтобы максимально изолировать шум. Затем привязал к конструкции длинную верёвку и начал тащить её по земле, как сани.

Ушкан продолжал биться внутри, но постепенно его сопротивление слабело — видимо, зверь понял бесполезность попыток.

Дорога домой заняла больше времени. Я несколько раз останавливался, чтобы проверить, в порядке ли зверь.

В тренировочном полигоне нашёл подходящую клетку — достаточно просторную, чтобы ушкан чувствовал себя относительно комфортно. Аккуратно перевёл его из ловушки в новое жилище, запер клетку и отошёл на безопасное расстояние.

— Посиди пока, малец, успокойся, — спокойно сказал я и выпрямился.

Так... Сразу к делу.

Особенность: *Экспериментальная эволюция питомца.*

Уникальная способность, позволяющая открыть дополнительные навыки, превосходящие естественные ограничения. Количество дополнительных навыков (максимум 2) зависит от множества факторов: уход, доверие, питание в течение роста.

Требования:

Питомец должен достичь максимального уровня в своём эволюционном ранге.

Высокий уровень доверия.

Реагенты для проведения эволюции питомца.

Ох ты чёрт возьми! Меня аж чуть не шатнуло от прочитанного. Ведь в этом мире У ВСЕХ питомцев только два навыка. А это значит...

Так вот чего ты боишься, Ефим. Да ведь такие звери могут стоять баснословных денег. А у отца были такие же способности? Нет, в памяти ничего подобного. Но я знаю, кто точно ответит мне на этот вопрос.

У моих зверей может быть ЧЕТЫРЕ! Четыре навыка! Которые так же улучшаются характеристиками.

Неудивительно, что мои татуировки так отличаются.

Но самое интересное ожидало меня впереди.

Внимание! *Вы достигли первого порога развития — 10 уровня! Вам доступна возможность перейти на следующую ступень Зверолова (Е).*

Разделы «Питание», «Тренировка», «Медицина» разблокированы для всех пойманных питомцев ранга G.

Необходимые для отвара ингредиенты:

Звёздный шиповник

Горечь-корень

Кровник белоцветный

Лунный пырей

Морозная мята

Смола Древа Памяти

Прочитав список, я нахмурился. Всё у меня было, даже пырей пригодился, а вот «Смола Древа Памяти...» Название будоражило воображение, рождая образы чего-то древнего и недо-

ступного. Что это за дерево такое? Похоже придётся попользоваться навыком «Обнаружения» на полную.

Едва я открыл рецепт приготовления отвара, как чуть не присвистнул. Да уж, это тебе не ягоду Красавчику давить, придётся повозиться.

Я мотнул головой. Чёрт, придётся выкручиваться.

Тем временем ушкан в клетке успокоился и настороженно изучал новое окружение.

Пора было ознакомиться с его данными.

Иглистый ушкан. Уровень 11. Эволюционный ранг F.

Крайне осторожное и умное существо, живущее по строгому расписанию. Демонстрирует развитый инстинкт самосохранения — не только избегает опасности, но и скрывает следы своей деятельности. Обладает территориальным поведением с системой регулярных кормовых маршрутов. Не проявляет агрессии к другим существам, используя колючки исключительно для защиты. При появлении угрозы мгновенно оценивает ситуацию и принимает решение о бегстве.

Характеристики:

Сила: 4

Ловкость: 15

Поток: 6

Навыки:

— Прядильные иглы (F), пассивно: — колючки.

— Прыжок (F): быстрое перемещение на длинные дистанции.

А вот тебе и «полезный», ремесленный питомец. Описание конечно... Колючки.

Он наверняка периодически обновляет их.

Прядильные иглы? Это инструменты для работы с нитями и создания тканей, неужели здесь такие используются портными?

Что ж, этот малец пойдёт на продажу, узнать бы сколько стоит, да в чём особенность.

Прежде чем покормить, решил изучить рецепт в разделе «Питание».

Специальная пища: Корешки дикой моркови, горечь-корень.

Текущие доступные реагенты:

— Горечь-корень: успокаивающий эффект, увеличение уровня доверия к Зверолову. Рекомендуемая дозировка: 3-4 корня на порцию.

Способ приготовления:

Мелко нарезать корни, смешать с привычной пищей для лучшего усвоения магических свойств.

Интересно. Рецепта для стабилизации эволюции тут не оказалось, в отличие от блюда Красавчика. Слегка бесило, что Кодекс подбрасывал информацию только после того, как я уже добьюсь результата или наткнулся на необходимый ингредиент, но что поделаешь. Зато нужный рецепт был в наличии.

Я пошёл в избу, взял горечь-корень из запасов и принялся измельчать. Он оказался плотным, с маслянистой текстурой и... сладковатым запахом. К четырём корешкам добавил мелко нарезанную капусту, уж этого добра Ольга вдоволь передала — привычная еда для травоядных.

При смешивании ингредиентов произошла знакомая магическая реакция — корм немного засветился, но горностаи даже не отреагировали. Лишь замер, уставившись на блеск.

Получившуюся смесь я переложил в миску и направился к зверю.

Ушкан сидел неподвижно, но его чёрные глаза внимательно следили за каждым моим движением. Зная, на что способны эти мощные задние лапы, я мысленно активировал татуировки — они тут же откликнулись тёплой волной силы.

— Сиди тихо, — приказал я, вкладывая в голос всю мощь Зверолова.

Зверёк замер, словно окаменел, но я чувствовал — связь хрупкая, как паутинка. Медлить нельзя. Рывком открыл дверцу кормушки, поставил миску и захлопнул засов.

Зверь сначала подозрительно принялся. Но голод и узнаваемый аромат взяли своё. Он осторожно попробовал еду, потом принялся методично поглощать, словно понимая, что это всё-таки его привычная пища.

— Ешь-ешь, скоро точно приручу, — хмыкнул я и направился домой, обдумывая дальнейшие планы.

Предстояло решить вопрос с недостающим ресурсом. Эволюция Зверолова... Даже представить не могу, какие возможности это откроет.

А еще утром встреча с Барутом. Значит нужно поторопиться, на завтра откладывать не буду.

Глава 27

Сидя в избе и изучая информацию об эволюции до ранга F, я хмурился всё больше. Все ингредиенты у меня были, даже подготовил, но этот...

Смола Древа Памяти.

Название интригующее, но что это такое, чёрт побери? Система дразнила загадками без ответов — только названия, словно намеренно скрывая суть.

Логически рассуждая, если это смола, значит, мне нужно найти особое дерево. Но где искать в этой чащобе?

Я прикрыл глаза, просеивая обрывки памяти Макса о здешних лесах вместе с собственными наблюдениями. В безопасной зоне росли знакомые породы — сосны, березы, дубы. Только вот Раскол наложил на них свой отпечаток.

Вспомнился тот расщеплённый молнией великан, на который указывал Ефим. Массивный ствол, изуродованный временем и расщеплённый молнией. Обычно дубы смолы не дают, но в этом мире законы природы играют по новым правилам. А что, если именно такие древние исполины заслужили гордое имя «Древо Памяти»?

Придётся проверить.

Взял флягу с водой, кусок хлеба, сала и отцовский нож. Красавчик сегодня решил следовать за мной по земле.

Сразу отправился к нужному дереву. Оно действительно внушало почтение. Но когда активировал способность «Обнаружение», сканируя окрестности, никаких тайных ресурсов не выявил.

Чёрт. Честно признаться, надеялся, что хоть сейчас всё окажется просто.

— Что думаешь, малыш? — спросил я горностая, который обнюхивал кору. — Понимаешь к чему всё идёт?

Красавчик фыркнул и помотал головой.

Следующий час потратили методично, обследуя каждый крупный ствол в безопасной зоне. Я использовал все навыки, изучая кору на предмет потёков смолы, ища необычные наросты или повреждения. Красавчик помогал, приносясь к стволам и корням, но результат остался прежним.

Безопасная зона оказалась пустой.

— Древо Памяти, — пробормотал я, присаживаясь на пенёк. — Название говорит о чём-то древнем. Не просто дерево, а исполин.

Не хотелось.

Очень не хотелось.

Но на границе с опасной зоной возвышались настоящие древесные гиганты. Стволы в несколько обхватов и невероятно высокие кроны. Те исполины выглядели действительно древними — их кора была тёмной, почти чёрной, покрытой странными наростами. Некоторые стволы уходили в небо так высоко, что их вершины терялись в тумане.

Решение созрело само собой. Придётся рискнуть ещё раз.

По дороге к границе зоны заметил знакомый полосатый силуэт. Краем глаза уловил движение в тени — кошка Барута вновь следовала за мной, держась на расстоянии, как невидимый страж.

Время от времени я ловил отблеск жёлтых глаз, наблюдающих за каждым моим движением с кошачьим терпением хищника.

Красавчик бежал рядом, периодически оглядываясь в сторону кошки с любопытством, но без страха. Видимо, горностай уже привык к её присутствию.

Шёл осторожно, каждый шаг обдумывая. Останавливался через каждые десять метров, прислушивался, принюхивался. Избегал сухих веток, ступал только на мох или мягкую землю. Красавчик инстинктивно понимал необходимость тишины и передвигался беззвучно.

В чужом лесу вести себя как гость — тихо, вежливо, и не задерживайся надолго. Здесь это правило работало вдвойне.

Ощутил знакомое изменение атмосферы — воздух стал гуще, наполнился магической энергией. Красавчик забеспокоился, его маленькое тельце напряглось от инстинктивного страха.

— Тихо, дружок, — прошептал, поглаживая зверька. — Мы не пойдем глубоко.

Я шёл вдоль границы минут пятнадцать, постоянно оценивая звуки. Дважды замирал, услышав отдалённые рыки — слишком глубокие и мощные для обычных хищников. Каждый раз ждал, пока звуки стихнут, и только потом продолжал путь.

Граница различалась четко — словно невидимая стена отделяла относительно безопасный лес от территории, где охотились магические существа более высоких уровней.

Наконец нашёл то, что искал.

— Есть! — прошептал, заметив характерный силуэт в паре десятков метров за границей.

Огромное дерево возвышалось среди собратьев. На высоте примерно двух метров я различил тёмные потеки — засохшую смолу.

Золотистые капли, словно янтарные слезы, медленно стекали по стволу.

Остановившись, активировал «Обнаружение». Способность откликнулась мгновенно, и перед глазами замелькали силуэты различных растений. Большинство я не узнавал — магические травы и кустарники, недоступные в безопасной зоне.

Но это дерево вдалеке... Нет, способность просто не дотягивалась туда, не хватало дистанции навыка.

Красавчик забрался на плечо и задрожал, но я не мог упустить эту возможность. Осторожно ступив одной ногой за невидимую границу, почувствовал, как магическая энергия окутала меня.

Кошка негромко мяукнула откуда-то сбоку.

Дойдя до цели, вновь активировал «Обнаружение».

Смола дерева памяти. Возраст — 2 года.

Реагент.

Достав отцовский нож, аккуратно подцепил несколько капель золотистой смолы. Она оказалась теплой на ощупь — магическая энергия концентрировалась в ней, словно живая.

— Хватит, — беззвучно прошептал я, убирая нож с собранной смолой. — Быстрее уходим.

Уже собирался отступить к безопасной границе, когда из-за массивного ствола другого дерева выступила кошка. Её жёлтые глаза горели решимостью, а мощное тело перекрыло мне путь к отступлению.

— Что такое, девочка? — тихо спросил и инстинктивно напрягся.

Красавчик на моём плече замер, чувствуя напряжение в воздухе.

Но она не прижимала уши, не выпускала когти, не принимала боевую стойку — никакой агрессии. Наоборот — стояла спокойно, но с явным намерением не дать мне уйти.

Просто сделала шаг в сторону, словно указывая направление, затем остановилась и посмотрела на меня. Её взгляд был пронзительным, почти человеческим по выразительности.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл за тобой? — спросил я, чувствуя себя немного глупо.

В ответ кошка медленно моргнула и сделала несколько шагов в глубь опасной зоны, периодически оборачиваясь.

Каждый инстинкт кричал развернуться и бежать к границе. Опасная зона получила своё название не просто так. Но поведение кошки было слишком целенаправленным, чтобы игнорировать его. Хищница вела себя расслаблено, и я уже знал, что поддержит, в случае опасности.

— Красавчик, ты как, в порядке? — прошептал я горностаю, татуировки потептели, передавая моё спокойствие.

Зверёк дрожал, но вдруг резко перестал, не пытаясь сбежать.

— Молодец, — кивнул я, сделал глубокий вдох и последовал за полосатой хищницей. Кошка шла неторопливо, регулярно останавливаясь и ожидая, пока я догоню.

Через несколько минут мы дошли до небольшой поляны. Здесь магическая концентрация была настолько высокой, что воздух мерцал, как в летний зной.

Кошка остановилась и вдруг уселась, глядя на меня выжидающе — её хвост медленно покачивался.

— Что ты хочешь? — спросил, осматривая поляну. — Неужел...

Я осёкся.

За камнем лежало тело.

Теневой рысак. *Уровень 10. Эволюционный ранг G.*

Даже мертвый, зверь, похожий на хищную кошку, внушал уважение. Длиной почти в полтора метра, с мощными лапами и клыками размером с мой кулак. Его тёмно-серая шерсть местами отливала синевой. На шее виднелась глубокая рана.

Подожёл ближе и сначала осмотрел само тело. Теневой рысак лежал на боку, передние лапы вытянуты — классическая поза зверя, который пытался убежать.

Смертельная рана на шее представляла собой четыре глубокие борозды, расположенные параллельно. Края ровные, без рваных краёв — работа очень острых когтей, нанесённых одним точным движением.

— Быстрая смерть, — пробормотал я, изучая рану. — Лихо...

Подожёл к краю поляны, где начинались следы. Земля здесь была мягкой после недавнего дождя, отпечатки читались легко.

След рысака — широкие лапы с отпечатками когтей, глубоко вдавленные в грунт. Шаг неровный, размашистый. Бежал быстро, но не сломя голову — ещё надеялся уйти. А вот дальше...

Присел на корточки, изучая едва заметные вмятины в мягкой земле. Четыре точки соприкосновения — кошачья лапа. Глубина вдавливания говорила о весе и мощи.

— Девочка, это твоя работа? — спросил я, обернувшись к кошке. — Так вот почему ты так долго не появлялась. Выслеживала добычу?

Она лишь зевнула и лениво качнула хвостом.

Картина схватки постепенно прояснялась. Рысак бежал по прямой, его следы глубокие и ровные — суета, но ещё не полное отчаяние. А вот кошка... Её отпечатки располагались под углом к траектории жертвы. Она не преследовала в лоб, а перехватывала, возможно, используя навык невидимости.

Особенно интересным был последний участок. Следы рысака резко меняли направление — он попытался свернуть влево, к густым зарослям. Но здесь земля была взрыта когтями кошки. Она сделала мощный прыжок, перекрыв путь к отступлению.

— Умно, настоящая охотница, — серьёзно кивнул я. — Загнала в угол.

Честно говоря, схватка была короткой — это было ясно даже без особых знаний следопыта. Мало крови вокруг, значит, зверь умер быстро. Земля взрыта только в одном месте — тут и произошла развязка. Никаких следов долгой погони или затяжного боя.

— Ты охотилась на него специально, — сказал я кошке. — Это не случайная встреча. Ты знала, где он появится, и ждала. Выслеживала всю эту неделю.

Кошка поднялась и подошла к телу рысака. Лапой она аккуратно перевернула тушу, обнажив живот зверя.

Принюхалась, затем посмотрела на меня. В её взгляде было что-то просящее. Она мяукнула — короткий, требовательный звук.

— Что ты хочешь? Ты хочешь его... внутренности? — не спрашивал, а констатировал я, попытавшись использовать татуировки. Их обдало жаром, и зверюга мяукнула ещё раз, не отводя взгляда. В её глазах читалось не просто желание — настоящая потребность.

Присел на корточки рядом с тушей, размышляя.

Сейчас кошка доверяла мне настолько, что просила об услуге, это мне только на руку, если хочу приручить. Хочу ли я обманывать её доверие? Точно нет.

Красавчик тихо пискнул у меня на плече, чувствуя мое волнение. Я погладил его, не отводя взгляда от кошки.

— Хорошо, — сказал я тихо. — Помогу тебе.

Достав нож, аккуратно вскрыл грудную клетку рысака. Работа была не из приятных, но я справился быстро и чисто. Сердце оказалось размером с мой кулак, тёмно-красного цвета с синеватыми прожилками, похоже следы магической энергии.

Едва я вытащил его, как кошка рыкнула без агрессии, подошла и принюхалась к сердцу. Её зрачки расширились, а в воздухе появился легкий озоновый запах.

— Всё? — спросил я. — Тебе нужно сердце?

Хищница лишь развернулась и лениво направилась к границе безопасной зоны. Я замотал орган рысака в тряпицу и отправился за ней, качая головой. Деликатес это у неё, что ли?

Дорога домой прошла в молчании. Теперь кошка шла рядом, не отставая ни на шаг. Время от времени она поглядывала на тряпицу в моих руках, и в её глазах вспыхивал голодный огонёк.

Красавчик вёл себя беспокойно. Он чувствовал напряжение в воздухе, магическую энергию, исходящую от завернутого сердца. Несколько раз он спрыгивал с моего плеча и семенил рядом, поглядывая на кошку с опаской, но та словно не замечала его.

Когда мы наконец добрались до дома, солнце уже клонилось к закату. Золотистые лучи пробивались сквозь окна, окрашивая комнату в тёплые тона. Кошка остановилась на пороге, словно ожидая приглашения.

— Проходи.

Положил сердце на стол и развернул ткань. Орган всё ещё источал магическую энергию — он словно пульсировал собственной жизнью.

Похоже, пора...

Кошка вдруг подошла совсем близко и положила лапу на мою ладонь. Жест был четким и недвусмысленным.

Я сел на краю кровати, протянув руки к хищнице.

— Кыш, — шикнул я на горностаю, и тот, словно понимая серьёзность момента, спрыгнул с меня и укрылся в углу комнаты. Решил остаться и наблюдать за происходящим с безопасной дистанции.

Огромная хищница села передо мной, её жёлтые глаза смотрели прямо в мои. В них не было ни страха, ни агрессии — только спокойная решимость.

— Хорошо, девочка, — прошептал я, медленно поднимая руки. — Давай попробуем.

Осторожно положил ладони ей на голову, чувствуя под пальцами мягкую шерсть и тёплую кожу. Мгновенно ощутил пульсацию — не физического сердцебиения, а чего-то более глубокого. Магическая энергия текла под моими ладонями, как подземная река, мощная и древняя.

Мои татуировки отозвались немедленно. Красные узоры вспыхнули ярким светом, заливая комнату багровым сиянием. Жар разлился по предплечьям, согревающий, как солнце после долгой зимы.

Почувствовал, как от моих рук протягиваются невидимые нити — не физические, но вполне реальные. Они тянулись к сознанию кошки, ища разрешения войти, установить связь. И...

Она позволила.

Вместо сопротивления, которого я ожидал от такого гордого и независимого существа, кошка добровольно открылась мне. Её сознание не было крепостью, которую нужно было штурмовать — она сама распахнула ворота, позволяя мне войти.

Что... Что это?

Сила.

Невероятная, первобытная сила хищника, который знал себе цену. Гордость, доходящая до высокомерия — она не могла позволить хоть кому-то забыть об этом. Даже своему Мастеру.

Но глубже, под этими доспехами из гордости и силы, я нашёл преданность.

Не слепую покорность, которую встречал у обычных питомцев, а осознанную преданность того, кто выбрал сам. Она помнила мою доброту, когда я кормил её рыбой в мастерской. Помнила, как лечил её раны после схватки с волками.

В её памяти я увидел кадры нашего знакомства с её стороны — как она наблюдала за мной из тени, как оценивала каждый мой поступок, как медленно, осторожно училась доверять. Каждое проявление заботы записывалось в её сердце, как строчки невидимого договора. Ей было важно даже, как я обращаюсь с горностаем.

Магические потоки сливались в единое целое. Моя сила Зверолова переплеталась с её дикой магией, создавая нечто новое — связь, основанную на взаимном уважении и доверии.

Ощущал её эмоции, как свои собственные. Удовольствие от удачной охоты, раздражение от глупости людей, которые не понимали её истинной природы. И под всем этим — глубокую, почти детскую потребность в понимании, в том, чтобы кто-то увидел в ней не просто опасного зверя, а личность.

Процесс казался вечностью, но на самом деле длился считанные секунды. Постепенно свечение моих татуировок стало мягче, а магические потоки успокоились, найдя своё русло.

На шее кошки, прямо под левым ухом, проступила красная ярко горящая спираль. Символ нашего союза.

Внимание! Питомец «Полосатый ядозуб» успешно приручён.

Получено опыта: 500.

Достигнут порог эволюционного ранга Зверолова.

Полосатый ядозуб. Уровень: 10. Эволюционный ранг: G.

Внимание! Доступна эволюция питомца.

Для проведения эволюции требуется:

- Сердце магического существа текущего ранга вашего питомца или выше.
- Стабилизация процесса силой Зверолова.
- Согласие питомца (высокая степень доверия).

Убрал руки с её головы, чувствуя лёгкое головокружение от внезапного разрыва такой интенсивной связи. Кошка посмотрела на меня как обычно, словно между нами вообще ничего не изменилось.

— Ну что, девочка, — сказал я, протягивая руку. — Теперь вместе?

Она обнюхала мою ладонь, затем лизнула её шершавым языком. Жест был коротким, но красноречивым.

Красавчик осторожно приблизился, его любопытство пересилило страх. Кошка посмотрела на него сверху вниз — с неким снисходительным интересом к новому младшему това-

рищу. Она лениво рыкнула в его сторону, Красавчик недовольно фыркнул и запрыгнул ко мне на руки, словно показывая, кто здесь был первым.

Я же чувствовал себя отлично, поэтому взглянул на завёрнутое в тряпицу сердце рысака. Теперь понятно, почему кошка так требовала вскрыть ту зверюгу. Она уже давно достигла потолка и жаждала развития.

Силы у меня были, так чего тогда тянуть?

Я быстро приготовил новую порцию еды для Иглистого Ушкана.

— Пойдём, — сказал кошке, забирая со стола сердце рысака и миску с кормом. — Найдём укромное место.

В полигоне царила тишина, если не считать ушкана, который настороженно уставился на нас из своей клетки. Большие чёрные глаза следили за каждым нашим движением.

Я поставил миску с едой рядом с клеткой и медленно открыл её. Он сжался в комок, готовый к прыжку.

— Тихо, — мягко произнёс я, активируя татуировки. — Ешь.

Красные узоры вспыхнули ярким светом, и волна успокоения прокатилась по воздуху. Ушкан дрогнул, его мышцы расслабились, и он с любопытством принялся к предложенной еде.

Я прошёл к центру, где на полу лежала старая солома, и сел прямо на неё, скрестив ноги.

Хищница последовала моему примеру, устроившись напротив с кошачьей грацией. Её хвост лениво покачивался, но глаза горели напряжённым вниманием.

Развернул тряпицу и поместил сердце теневого рысака между нами.

Орган всё ещё пульсировал магической энергией. От него исходило слабое свечение, и воздух вокруг мерцал от концентрированной магии.

— Готова? — спросил я тихо.

Кошка наклонила голову и осторожно принялась к сердцу. Её ноздри раздулись, улавливая сложный букет ароматов — кровь, магию, силу побеждённого противника. Она медленно лизнула поверхность органа, пробуя на вкус, и довольно промурлыкала.

Затем она начала есть.

Небольшими, аккуратными кусочками.

Каждый раз, когда её зубы прокусывали плоть, в воздухе вспыхивали крошечные искры магической энергии. Сердце словно сопротивлялось, не желая отдавать накопленную силу, но кошка методично преодолевала это сопротивление.

— И как мне... — я осёкся.

Сила в руках вспыхнула с такой мощью, что я чуть не вскрикнул от неожиданности. Татуировки вспыхнули ярким светом, заливая полигон багровым сиянием. Жар разлился по предплечьям.

Я почувствовал.

Почувствовал, как магические потоки потекли от моих рук к телу кошки, направляемые силой воли и концентрацией. Энергия сердца рысака, которую она поглощала, смешивалась с моей силой, создавая сложный магический водоворот внутри её тела.

Процесс оказался невероятно энергозатратным.

С каждой секундой чувствовал, как мои собственные силы истощаются. Магия текла из меня рекой, направляемая в организм кошки для запуска процесса трансформации. Пот выступил на лбу, руки начали дрожать от напряжения, и я уже едва сдерживал связь.

Чёрт... Пот стекал по лбу, вискам, голова затряслась от невероятного напряжения.

Как же сложно, лишь бы не отпустить! Держи, твою мать... ДЕРЖИ, Я СКАЗАЛ!!! Нельзя отпускать!

И тут ощутил что-то новое.

Через нашу связь я почувствовал поток её собственной энергии, направленный ко мне. Она не только принимала мою силу, но теперь я временно использовал её собственную. Наши магические потоки переплелись, создав замкнутый круг взаимной поддержки.

Это было невероятно. Её сила была дикой, необузданной, но невероятно мощной. Может это и норма в этом мире, но эти новые ощущения захлестнули меня с головой.

Там, где моя магия была точной и направленной, мощь кошки бушевала как лесной пожар.

Магическая энергия сердца рысака растворялась в теле хищницы волна за волной. Каждый поглощённый кусочек запускал каскад изменений, и я чувствовал их все — боль роста чего-то нового внутри животного, экстаз обрётённой силы, трансформацию на клеточном уровне.

Связь между нами стала настолько тесной, что я буквально ощущал её эволюцию изнутри. Её воспоминания смешивались с моими, её инстинкты дополняли мой разум. На мгновение я видел мир её глазами — невероятно яркий, полный запахов и звуков, недоступных человеческим чувствам.

Напряжение нарастало. Магическая энергия в воздухе сгущалась до такой степени, что стены полигона словно пульсировали в ритм нашего объединённого сердцебиения.

Но...

Последние резервы моей энергии иссякли, татуировки померкли, руки бессильно упали. Колоссальное напряжение процесса превысило мои возможности.

Я упал на солому, но прежде, чем сознание растворилось в темноте... Услышал тёплое, довольное мурлыканье рядом с ухом и почувствовал мягкое прикосновение кошачьего тела.

Последней мыслью было сомнение — надеюсь процесс завершился успешно? Экспериментальная эволюция...

Сознание возвращалось медленно, словно я поднимался со дна глубокого озера. Сначала — запах, знакомый и одновременно чужой. Всё тот же мускус хищника, но...

Я проснулся от того, что кто-то внимательно смотрел на меня.

Нет. Что-то изменилось.

Открыл глаза и резко отшатнулся.

Нет!

Нет-нет-нет!

Девочка, какого...

ЧТО С ТОБОЙ СТАЛО?

Глава 28

Передо мной стояло ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.